

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство Федеральной службы
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС 77 73382
от 17.08.2018

№ 1 (63) 2023

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-1>

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

- Коляда М.С., Трубникова Н.Н.** Поэтическое слово в «Собрании стародавних повестей».....5
- Иванов В.В.** Действия войсковой группировки США и армии Южного Вьетнама
в период «Наступления Тэт», январь-февраль 1968 г.16
- Войтко Д.А., Лихарев Д.В.** Роль Дальневосточного морского пароходства
в оказании помощи Демократической Республике Вьетнам во время войны 1964–1973 гг.28

РАКУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

- Карпункова В.В.** Идея «терапевтического поворота» Ф. Фукуямы
в контексте осмысления трансформации современного общества.....36
- Клепикова Л.В., Мурманцев В.С.** Транснационализм как новая перспектива исследования
современного общества.....46
- Липецкая В.М.** Реплантиция советского как сюжет обыденного сознания
(на материалах региональных и гиперлокальных СМИ).....54

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

- Гаспарян Д.Э.** Открывая Л. Выготского заново: от прочтения на Западе к перепрочтению в России.....68
- ван дер Веер Р., Валсинер Я.** Выготский и гештальтпсихология. *Перевод Д.Э. Гаспарян*.....72
- Аров Я.И.** Проблемы гуманитарного познания: от позитивизма к герменевтике
(на примере учения о потенциях в трактате В.В. Розанова «О понимании»).....91

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Ячин С.Е.** Стратегемы разума: введение в концептуальный курс истории философских учений.....98
- Белых Е.С.** Понимание причинно-следственных связей как ключевой навык человека говорящего.....112
- Корнилов Ю.А.** Особенности православно-теистической философии природы
в сочинениях духовно-академических мыслителей второй половины XIX – начала XX вв.123
- Гусейнов Ф.И.** Категория принадлежности в «Опыте конкретной философии» Габриэля Марселя.....131

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, декан факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
профессор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.В. БЕРЕЗНИЦКИЙ	доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
А.Л. ГЫНГОВ	PhD, заведующий кафедрой логики, этики и эстетики философского факультета Софийского университета им. Св. Климента Охридского
Х. КАТО	PhD, профессор, директор Центра изучения айнов и коренных народов Университета Хоккайдо
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Д. ЛИВЕН	PhD, старший научный сотрудник Тринити колледжа Кембриджского университета, академик Британской академии наук
А.В. ЛЫСОВА	PhD, доктор социологических наук, доцент Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера
Н.Л. МАМАЕВА	доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, руководитель сектора философии естественных наук Института философии РАН, главный редактор журнала «Вопросы философии»
А.В. ТАБАРЕВ	доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г. размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: <https://journals.dvfu.ru/gisdv>, https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 15.03.2023. Дата выхода в свет 31.03.2023
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 15,81. Уч.-изд. л. 16,16. Тираж 30 экз. Заказ 090
Цена свободная.

Адрес редакции:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ, к. F, ауд. F602
Тел.: +7 (423) 256-24-24 (доб. 2413), E-mail: gisdv@dvfu.ru

Адрес учредителя и издателя:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

Отпечатано в типографии Издательства ДВФУ
690091, Приморский край, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH

in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

Certificate of the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology
and Mass Media
PI № FS 77 73382
of 17.08.2018

№ 1 (63) 2023

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-1>

TABLE OF CONTENTS

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST

- Kolyada M.S., Trubnikova N.N.** Poetry in *Konjaku Monogatari-shu*.....5
- Ivanov V.V.** The actions of U.S. troops and the Armed Forces of the Republic of Vietnam during the Tet offensive, January-February 1968.....16
- Voitko D.A., Likharev D.V.** The role of the Far Eastern Shipping Company in providing assistance to the Democratic Republic of Vietnam during the Vietnam War (1964–1973).....28

ANGLES OF SOCIAL DYNAMICS

- Karpunkova V.V.** Francis Fukuyama's idea of the therapeutic turn in the context of understanding the transformation of modern society.....36
- Klepikova L.V., Murmantsev V.S.** Transnational approach as a new perspective on modern society.....46
- Lipitskaya V.M.** Replantation of the Soviet as an everyday consciousness trend (on the materials of regional and hyperlocal media).....54

METHODOLOGY OF HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

- Gasparyan D.E.** Rediscovering Vygotsky: from interpretation in the West to reinterpretation in Russia.....68
- Van der Veer R., Valsiner J.** Vygotsky and Gestalt psychology. *Translation by Diana Gasparyan*.....72
- Arov Ya.I.** The issues of cognition in humanities: from positivism to hermeneutics (the case of the concept of potentiality in Vasily Rozanov's «On Understanding»).....91

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Yachin S.E.** Stratagems of mind: introduction to a conceptual course in the history of philosophy.....98
- Belykh E.S.** The ability to understand cause-and-effect relationships as a key skill of Homo loquens.....112
- Kornilov Yu.A.** The development of the Orthodox philosophy of nature in Russian theological academies philosophy of the late XIXth – early XXth century.....123
- Guseynov F.I.** The category of belonging in Gabriel Marcel's «An outline of a concrete philosophy».....131

EDITOR-IN-CHIEF

Felix E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), dean of the Faculty of Humanities,
HSE University (Moscow), professor, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

SERGEY V. BEREZNITSKIY	Doctor of Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
ALEXANDER L. GUNGOV	PhD, Sofia University St. Kliment Ohridski
HIROFUMI KATO	PhD, Hokkaido University
NIKOLAY N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences
DOMINIC LIEVEN	PhD (History), Trinity College, Cambridge University, fellow of the British Academy
ALEXANDRA V. LYSOVA	PhD, Doctor of Sc. (Sociology), Simon Fraser University
NATALYA L. MAMAEVA	Doctor of Sc. (History), Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences
BORIS I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
ANDREY V. TABAREV	Doctor of Sc. (History), Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
TATIANA G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
SERGEY E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

KSENIYA S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), Associate Professor,
School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:

F602, building F, FEFU campus, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922

Tel.: +7 (423) 256-24-24 (ext. 2413)

E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:

DVFU: <https://journals.dvfu.ru/gisdv>, https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/

E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

УДК 821.521

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-1/5-15>

М.С. Коляда, Н.Н. Трубникова*

ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО

В «СОБРАНИИ СТАРОДАВНИХ ПОВЕСТЕЙ»**

В статье описаны три разновидности поэтических отрывков, вошедших в «*Кондзяку моногатари сю:*» («Собрание стародавних повестей», 1120-е гг.): стихи из текстов буддийского канона (*гэ*), стихи на китайском языке (*си*) и японские песни (*вака*), которым посвящено больше всего «поэтических» *сэцува*. Именно *вака*, по мнению авторов, считаются универсальными, пригодными для выражения любых человеческих чувств в любых жизненных ситуациях, а универсальность *вака* отражает привычное для японской культуры восприятие поэтического слова как имеющего особенный вес и действенность.

Ключевые слова: японская поэзия, стихи, *Кондзяку моногатари*, *сэцува*, *вака*, *канси*, *гатха*

Poetry in *Konjaku Monogatari-shu*. MARIA S. KOLYADA (Voprosy Filosofii Journal; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), NADEZHDA N. TRUBNIKOVA (Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality; Voprosy Filosofii Journal; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

The paper describes three main forms of poems integrated into *Konjaku Monogatari-shū* of the XIIth century, among which are poems from Buddhist canon (*ge*), poems in Chinese (*shi*) and Japanese poems (*waka*). Most of *setsuwa* tales are devoted to *waka*, which, according to the authors, are considered as a universal language suitable for an expression of every human feeling in any life situations. This universality of *waka* reflects the perception of a poetic word as having a special weight and effectiveness that is customary for Japanese culture.

Keywords: Japanese poetry, poems, *Konjaku Monogatari-shu*, *setsuwa* tales, *waka*, *kanshi*, *gatha*

* КОЛЯДА Мария Сергеевна, кандидат философских наук, редактор журнала «Вопросы философии», научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: kolyada-ms@ranepa.ru

ТРУБНИКОВА Надежда Николаевна, доктор философских наук, научный сотрудник Института логики, когнитологии и развития личности, заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии», ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: trubnikovann@mail.ru

© Коляда М.С., Трубникова Н.Н., 2023

** Работа выполнена в Институте логики, когнитологии и развития личности при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 22-28-01384.

Введение

По сравнению с другими сборниками японских поучительных рассказов *сэцува* «Собрание стародавних повестей» содержит сравнительно немного поэтических отрывков: около 150 на 1079 рассказов (точная цифра зависит от того, учитывать ли некоторые короткие цитаты). И современные «*Кондзяку*», и более поздние сборники *сэцува* в этом отношении бывают гораздо богаче – со стихами в каждом или почти каждом рассказе. Это может быть обусловлено замыслом составителя, например – выразить японскими песнями чувства героев хрестоматийных китайских преданий, как в «Китайских повестях» («*Кара-моногатари*», середина XII в.) [7]. Или же обилие стихов может диктоваться выбором действующих лиц: таковы сборники историй из жизни столичных знатных особ, для которых сочинение китайских стихов и японских песен – обязательная часть служебного и домашнего быта; например, «Сборник наставлений в десяти разделах» («*Дзиккинсё*:», середина XIII в.). «Собрание стародавних повестей» небогато стихами как раз потому, что очень разнообразно – здесь действуют и индийцы, и китайцы, и японцы, люди всех сословий; здесь задействованы самые разные источники, и их традиции отчасти влияют на построение рассказов, в том числе на то, возможно ли и нужно ли в них изъясняться стихами.

Позже собиратели поучительных рассказов будут порой настаивать, что поэзия доступна всем, объединяет людей всех стран и всех слоев общества: оказаться поэтом может каждый, как каждый может стать буддой. Такой подход можно проследить уже в «*Дзиккинсё*:» в разделе, призывающем читателя развивать свои таланты и ценить дарования других людей; в полной мере этот взгляд на стихи будет разработан в «Собрании песка и камней» («*Сясэкисю*:», конец XIII в.), где поэзия мыслится как один из путей к освобождению в буддийском смысле слова. В отличие от этих сборников, в «*Кондзяку*» стихи уместны не всюду и не всегда: они, как правило, выделяют рассказ в ряду соседних рассказов, за исключением одного из свитков (24-го), где речь идет о мастерах своего дела, в том числе о стихотворцах, и где в пределах одного рассказа может звучать и несколько стихотворений. В этой статье мы рассмотрим, какие стихи включены в «*Кондзяку*» и в каком качестве используются.

«Стародавние повести» изложены на старояпонском языке, рукописи и затем печатные издания пользуются смешанным письмом: иероглифами в сочетании с азбукой. Поэтому в книге не выглядят чужеродными ни японские песни (обычно пишутся только азбукой), ни китайские стихи (из одних лишь иероглифов). Перед нами две принципиально разных системы стихосложения, образованному читателю «*Кондзяку*» обе были знакомы и служили для разных нужд, встраивали человека в разные традиции: родовую, домашнюю, отечественную – и заимствованную, книжную. Вторая из традиций делится на две ветви: это, с одной стороны, поэзия школы и чиновничьей службы и, с другой, поэзия буддийских книг и обрядов, индийские стихи в китайском переводе и/или сложенные в Китае по образцу этих переводов. В «*Кондзяку*» стихи из этих трех традиций появляются неравномерно. Условно-индийские стихи в жанре *гэ* (санскр. *гатха*) впервые звучат во втором рассказе собрания (1–2), время от времени появляются в индийской части, а также в китайской и индийской частях в рассказах о буддийских подвижниках, которые слышат или сами цитируют отрывки из сутр. Японская песня *вака* впервые встречается в первом рассказе японской части (11–1), затем *вака* можно видеть и в буддийском, и в мирском разделах этой части, но особенно их много в 24-м свитке, где речь идет о поэтах. Мирские китайские стихи *си* (кит. *ши*) представлены в основном в японской же части, в рассказах 24-го свитка о японских стихотворцах, писавших по-китайски.

Стихотворные отрывки из буддийских книг

Первые в «*Кондзяку*» стихи произносит сам Будда Шакьямуни в рассказе 1–2. Едва родившись, чудесное дитя царицы Майи говорит:

Я исчерпал ту долю, что велит родиться из утробы,
Это тело – мое последнее тело,
Я же исчерпаю и всякую нечистоту
И точно переведу всех живых на тот берег!

И хотя мудрец предсказывает ему два пути – стать буддой или правителем мира, конечно, сбывается сказанное в стихах: повзрослев, царевич уходит из дому, обретает просветление и посвящает жизнь тому, чтобы спасти всех живых существ. Слова младенца трудно назвать его собственными стихами – по легенде, так го-

ворят все будды, когда приходят в мир, но важно, что царевич произносит их от первого лица. Похожие вещие слова встречаются и в других версиях легенды о Будде (см.: [1, с. 499]).

Гатхи восхваления и самовосхваления звучат еще в нескольких рассказах. Будда славит бедную, но щедрую женщину в рассказе 1–31: он просил милостыню, и она отдала ему последнюю еду своей семьи. Жадный богач Ручика пирует в одиночестве в рассказе 3–22 и в стихах заявляет, что избавился от всех помех и превзошел даже бога Индру. Слыша такое, Индра принимает образ Ручики, является к нему домой и раздает людям все его сокровища. Затем никто вплоть до царя не может понять, который Ручика настоящий, и только Будда разрешает недоумение и направляет богача на верный путь. Уже после своей земной кончины Будда восстает из гроба, чтобы гатхой восславить мать, царицу Майю, умершую вскоре после его рождения (рассказ 3–33, сами стихи в рассказе не приведены). А после ухода Будды ученики сводят воедино его наставления и стихами величают Ананду, который лучше всего запомнил слова учителя (4–1). Все эти рассказы отсылают к текстам буддийского канона: «Сутре о прежних деяниях Бодхисаттвы» (кит. «Пуса бэньсин-цзин», ТСД 3, № 155, 116а), «Сутре о причинах, проповеданной для вельможи Ручики» (кит. «Лучжи чжанчжэ иньюань-цзин», ТСД 14, № 539, 822а), «Сутре о великой Майе» (кит. «Мохэ Мое-цзин», ТСД 12, № 383, 1013а), «Большому трактату о запредельной премудрости» (кит. «Дачжиду-лунь», ТСД 25, № 1509, 84а). Возможно, японские составители «Кондзяку» читали не сами сутры, а китайские сборники преданий из разных сутр, и все же можно сказать, что хотя бы опосредованно поэзия буддийского канона представлена в собрании достаточно разнообразными текстами.

Во многих сутрах Будда стихами подытоживает свои наставления, но именно таких рассказов, с проповедью и итоговой гатхой, в нашем собрании нет. Вообще в «Кондзяку» несколько раз повторяется мысль: будды приходят и уходят, но Закон у них один и тот же (а значит, и стихи общие), великое счастье быть современником Будды дается тем, кто «завязал связь» с ним в прошлых жизнях, но велики и заслуги тех, кто в другие времена дорожит Законом.

В рассказе 1–23 два индийских царя состязаются в щедрости, посылая друг другу подарки. Один из них сомневается, какой подарок отпра-

вить, и Будда советует ему: изготовь мое изображение и сделай на нем надпись в стихах:

Если ты хочешь уйти в дальний поход,
Тебе нужно запастись учением Будды.
Так ты сможешь одолеть воинство рождений и смертей,
Так же, как слон крушит травяную хижину.
Кто принял Закон и Устав,
И всегда упражняется, не ленится,
Тот сможет переплыть море страстей
И достичь берега избавления от страданий.

Подарок принят с восторгом, и в итоге царь обращается на путь Будды.

В китайской части «Кондзяку» мы находим восхваление «Сутры цветочного убранства» (кит. «Хуаянь-цзин», ТСД 9, № 278, рассказ 6–34), «Большой сутры праджня-парамиты» (кит. «Да баньжо-болонидо-цзин», ТСД 5–7, № 220, рассказ 7–1), «Лotosовой сутры» (кит. «Мяофа лянхуа-цзин», ТСД 9, № 262, рассказ 7–24). Стихи взяты из китайских сборников преданий о чудесах и звучат при чудесных обстоятельствах: одно из них читает судья мертвых Янь-ло (Яма) умершему, перед тем как отпустить его в мир живых – за то, что тот глубоко верил в сутру. Другое слышат во сне монахи, работавшие над переводом сутры, третье – опять-таки во сне – читает отшельнику, тещу сутры, его слушатель (раньше он был обезьяной в лесу близ хижины отшельника, а теперь благодаря сутре смог возродиться на небесах). Похожие эпизоды со стихами, услышанными во сне, есть и в японской части собрания, и стихи близки к гатхам, хотя, в отличие от индийской и китайской частей, жанр их здесь так не обозначен – возможно, потому, что составители «Кондзяку» считают эти стихи написанными уже в Японии. Эти рассказы взяты из японских «Записок о чудесах Лotosовой сутры» (яп. «Хоккэ гэнки», середина XI в.). Преданным приверженцам сутры во сне и наяву являются отроки-небожители (рассказы 12–37, 13–16, 13–21), их славят боги (13–16) и бодхисаттвы (13–21), в стихах соединяются восхваления Закона и его подвижников. Эти истории не просто подтверждают могущество сутры, но и – за счет стихов, похожих на гатхи, – закрепляют связь между японской общиной и индийской, что для «Кондзяку» важно, коль скоро эта книга, помимо прочего, повествует о судьбе одного и того же учения, одной и той же общины в разных странах.

Читатели «*Кондзяку*» сами могли отнести себя к людям дурных времен, когда Будда Шакьямуни давно ушел из мира, а новый будда еще не явился. Тем важнее для них могли быть рассказы о том, как в прежних жизнях Шакьямуни сам рождался в подобные времена и жертвовал собой, чтобы обрести хотя бы одну-две строки Закона. В рассказе 5–9 он (в ту пору – царь) наносит себе тысячу ран и зажигает светильники в каждой из них. Тогда брахман, назначивший ему это испытание, читает царю «половину гатхи», *хангэ*:

Едва родились – тотчас умираем:
Прекратить это – вот радость!

Это третья и четвертая строки четверостишия, с которого начинается китайская версия «Дхаммапады» – «Сутра строк Закона» (кит. «*Фацзю-цзин*», ТСД 4, № 210, 0559а). Первые две строки таковы:

Содеянное непостоянно –
Гласит закон возвышений и падений.

В рассказе 5–10 Будда в другом своем прежнем рождении уходит подвижничать в леса, и там некий отшельник назначает ему испытание – девяносто дней пронзает его тело иглой – а потом читает ему две строки:

Не делай никакого зла,
Чти и совершай всякое благо.

Это первые две строки четверостишия из той же «Сутры строк Закона» (ТСД 4, № 210, 567b). Третья и четвертая строки гласят:

Сам очищай свой ум –
Таково учение всех будд.

Это же стихотворение есть в «Сутре о нирване» (кит. «*Нэпань-цзин*», ТСД 12, № 374, 451с), оно называется «общей заповедью всех семерых будд» (Шакьямуни и шестерых его предшественников) и цитируется во многих текстах как формулировка «главного смысла Закона Будды» (см.: [13]). В традиции японских *сэцува* это четверостишие обсуждается не раз, например – в «Собрании песка и камней» (IV–1, Va–5, VI–10). А в «Собрании примечательных рассказов из прежних и нынешних времен» («*Кокон тэ:мондзю*», середина XIII в.) есть

примечательный рассказ (164) о соединении буддийской поэзии и японских песен. В нем монах Сэнсай 瞻西 (ум. 1127), большой ценитель поэзии, изготавливает «песенную мандалу», *вака-мандара*, – картину, на которой с семьей буддами соседствуют тридцать шесть знаменитых поэтов Японии, а надписью служат строки «Не делай никакого зла, чти и совершай всякое благо». Картина хранилась в роду Оонакатоми, у представителей государя в святилище Исэ – главном святилище солнечной богини Аматаэрасу; рассказчик, Татибана-но Нарисуэ, сообщает, что в 1249 г. сам побывал в Исэ, видел эту картину и поклонился ей.

«Не делай никакого зла...» – очень известная формулировка, но не единственная. В «*Кондзяку*» приводятся и другие стихи, которым в Японии принято придавать такое же значение главной мысли Будды. Они могут появляться и в ироническом контексте. Так, в японской части в рассказе 20–1 китайский демон *тэнгу*, пролетая над морем, слышит от воды звуки, будто кто-то поет строки Закона. Демон принимается искать, откуда звучат эти слова, и двигаясь сначала к речному устью, а потом вверх по рекам, добирается до горы Хиэй в Японии. Строки из сутры звучат в воде, потому что в нее сливают нечистоты из монашеских жилищ. *Тэнгу* думает сперва напасть на монахов (как и положено зловредному демону), но решает, что не справится с ними, и вместо этого находит способ возродиться в Японии потомком одного из принцев и стать монахом на Хиэй. Цитируются здесь строки из «Сутры о нирване» (ТСД 12, № 374, 451а), ставшие в Японии азбучными в прямом смысле слова: их японским переложением служит «песня Ироха», в которой встречаются все буквы японской азбуки, причем каждая только по одному разу.

Все движется, ничто не постоянно,
Таков закон рожденья и гибели,
Кто погиб и для рожденья, и для гибели,
Обретет радость в покое-угасании.

Здесь звучит характерный для «*Кондзяку*» мотив: на материке буддийское учение пришло в упадок, тогда как в Японии оно по-прежнему живо несмотря на дурной век; широко известная цитата здесь служит своеобразным величием японской общины, хотя само по себе это величие не лишено иронии – именно потому, что цитата расхожая, если кто-то знает все-

го одну буддийскую гатху, то почти наверняка именно эту.

В китайской части «Кондзяку» в рассказе 6–33 бодхисаттва Дицзан (санскр. Кшитигарбха, яп. Дзидзо) спасает на Темном пути между смертью и новым рождением одного грешника: тот вел беспутную жизнь, но однажды изготовил изваяние Дицзана. Бодхисаттва учит умершего стихотворению, тот читает только что заученные строки судье мертвых – и возвращается к жизни, а кроме того, избавляет от адских мук еще многих грешников. Стихи взяты из «Сутры цветочного убранства» (ТСД 9, № 278, 466а):

Если человек хочет познать
Все множество будд в трех временах,
То пусть созерцает вот так:
Сердце [само] создает всех татхагат!

Эти стихи не так ясны, как четверостишия «Не делай никакого зла...» и «Все движется, ничто не постоянно...», указывают они на то, что будды-татхагаты («прошедшие свой Путь») в прошлом, настоящем и будущем составляют часть опыта непросветленного существа, «созданы» им, коль скоро мир вокруг себя оно строит само по закону воздаяния: грешник строит ад, праведник – мир богов и т.д. В Японии четверостишие о буддах трех времен особенно часто обсуждалось в традиции «исконной просветленности» – в сочинениях, разбирающих то, в каком смысле каждый человек может стать буддой, непременно станет им или уже един с ним (см.: [14]).

Похожий рассказ о Дицзане-Дзидзо есть и в японской части собрания (17–29). Здесь бодхисаттва на Темной дороге спасает благочестивую женщину и предлагает научить ее «одной строке»; умершая соглашается и в итоге возвращается к жизни. «Строка» из шестнадцати иероглифов может читаться как четверостишие:

Трудно получить человецье тело,
Трудно встретиться с учением Будды:
Сосредоточься же всем сердцем
И не жалея своей жизни!

Этот рассказ примечателен тем, что в нем бодхисаттва той же женщине читает еще и песню *вака*:

Ведет нас по пути
В край Высшей Радости

Наше собственное тело.
Одно лишь сердце
Прямо!

Рассказ, вероятно, восходит к японским «Запискам о чудесах бодхисаттвы Дзидзо» («Дзидзо: босацу рэйгэнки», датировка неясна).

Три гатхи о главном смысле буддийского учения непросто совместить, они излагают наставления Будды с трех разных сторон: 1) все непостоянно, любые усилия тщетны; 2) этот непостоянный мир, как и мир будд, создан по закону воздаяния, но нами самими, нашим собственным умом; 3) очищать ум и действовать правильно – все же не безнадежная задача. Примеры ко всем этим положениям в поучительных рассказах даются в изобилии. Но главный урок традиции буддийских стихов и рассказов о них для «Кондзяку», как нам кажется, состоит в том, что Закон в коротком отрывке так же могуч и драгоценен, как во многих и многих свитках сутр; точно так же и простой пример «из жизни» может быть не менее полезен, чем подробный трактат или долгая проповедь.

Китайские стихотворения

Одна из примечательных особенностей «Кондзяку» по сравнению с более поздними сборниками рассказов *сэцува*, где хотя бы вскользь речь заходит о Китае, – это почти полное отсутствие китайских поэтов. Китаю в нашем собрании отведено пять свитков, с 6-го по 10-й, один из них, 8-й, не сохранился или же был запланирован, но не составлен. В рассказах о китайской буддийской общине, как мы показали выше, есть буддийские гатхи, но в историях мирян герои заняты чем угодно – заботятся о родителях, воюют, плетут политические интриги, странствуют, влюбляются, ведут философские беседы, ищут бессмертия – но стихов не сочиняют. Исключение всего одно: в рассказе 10–8 герой гуляет вдоль реки, что протекает через дворцовые сады, замечает на воде осенний лист хурмы с написанными стихами и безнадежно влюбляется в ту даму, которая их сложила; так же по воде он посылает в дворцовые сады свой ответ. Через несколько лет родители уговаривают героя жениться, против воли он женится на достойной даме, недавно уволенной с дворцовой службы, и супруги выясняют, что это друг друга они давно любят, это друг с другом они переписывались той осенью. Однако самих стихов в рассказе нет. Даже Бо

Цзюй-и (772–846), самый любимый в Японии из китайских поэтов, сам в «*Кондзяку*» не появляется, хотя рассказы 10–5, 10–6, 10–7 восходят к сюжетам его стихотворений (см.: [12]). Если следовать логике построения собрания, мирские стихи могли бы быть в отсутствующем восьмом свитке, но с уверенностью об этом говорить нельзя. Древнекитайская «Книга песен» упомянута в рассказах 11–9 и 11–12 о монахах Кукае и Энтине – с юных лет они показали себя способными людьми, освоили китайские мирские книги, а затем обратились к Закону Будды. Но сама «Книга песен» не цитируется ни разу.

Какое место занимало китайское стихосложение в жизни японской столичной знати, хорошо видно по рассказу 15–42. В этой истории, которая продолжается в рассказе 24–39 и есть также в «*Великом зеркале*» («*Оокагами*», XI в.), соединяются все три вида стихотворений. Герой, благочестивый мирянин, прогуливаясь ночью по дворцу, читает гатхи из «*Лотосовой сутры*» (сами строки не приведены); потом он и его старший брат умирают в один день в пору морового поветрия. Герой после смерти является матери и песней вака укоряет ее за то, что его тело слишком скоро сожгли. Затем он является своему другу и китайскими строками сообщает о своей посмертной участи:

В старину клялись мы с тобой
под луной во дворце Хорай¹,
Ныне гуляю я на ветру
в мире Высшей Радости.

Семейный обиход предполагает обмен «родными песнями», а дружеское общение мужчин требует китайских стихов.

Японским поэтам, писавшим на китайском языке стихи *си*, отведена серия рассказов в 24-м свитке: стихосложение здесь берется как один из видов мастерства. Со знаменитым поэтом Сугавара-но Фумитоки (899–981) сам государь Мураками беседует о стихах и просит под клятвой ответить, кому лучше удались строки о луне: государю или Фумитоки. Поэт в итоге признает: «На самом деле мои стихи чуточку лучше» – и этим безмерно восхищает государя (24–26). Сами стихи на сей раз в рассказе приведены, как и в следующих четырех историях. В усадьбе знаменитого поэта Ооэ-но Асацуну

¹ Хорай (кит. Пэнлай) – обитель бессмертных, здесь – принятое у стихотворцев обозначение государства двора.

(886–958), уже умершего, собираются ценители поэзии, читают стихи Бо Цзюй-и, и одну строчку им поправляет старуха-служанка: она, конечно, не знает китайского, но помнит, как в свое время читал стихи ее господин (24–27).

А другой поэт, Сугавара-но Митидзанэ (845–903), умерший в опале и после смерти чтимый как божество святилища Китано, является во сне паломнику, пришедшему в святилище, и объясняет ему две строки стихотворения: их когда-то сложил Митидзанэ, но никто уже не помнит, как их нужно правильно читать. Здесь в рассказе приведены и китайские строки, и их японское прочтение; повествователь заключает: «...Было много случаев, когда Тэндзин подобным образом помогал со стихами во сне» (24–28). В следующем рассказе речь идет о литературном соперничестве: отбирают стихи для надписей на ширмах в усадьбе матери канцлера Фудзивара-но Ёримити (992–1074), и один поэт критикует стихи другого, предполагая, что тот дал взятку знатоку, отбиравшему стихи. Ёримити сам вникает в спор, и уже критика обвиняет в предвзятости; в итоге критик оправдывается, сложив японскую песню (24–29). И последняя история в этой серии показывает, как с помощью стихотворного прошения Фудзивара-но Тамэтоки (949–1029) получил должность, на которую поначалу собирались назначить другого человека (24–30). В стихах говорилось:

Зимней ночью холодной кровавые слезы
Того, кто учился в поту, воротник увлажняли.
И на утро после дня назначений
Лишь по сини небесной блуждает взор.

Исторической реальности это повествование, видимо, не соответствует – тем интереснее, что в реальности *сэцува* хорошее стихотворение объявляется достойным средством продвижения по службе. Более того, в этом литературном мире подобное отношение к поэтическому таланту – нечто само собой разумеющееся.

В более поздних сборниках, например, в «*Дзиккинсё*», похожие рассказы будут подкреплять ту мысль, что китайские стихи, как и японские песни, обладают чудесной силой, способны трогать сердца людей. В «*Кондзяку*» об этом речи нет – история скорее об умении поэта выразить чувства в стихах и умении другого человека понять эти чувства.

Можно сказать, что в «*Кондзяку*» сочинение китайских стихов – часть образа жизни

образованного знатного человека. Но область применения навыков китайского стихосложения гораздо более узкая, чем в случае «родных песен», она ограничивается придворной службой и дружеским общением. Именно в связи с китайскими стихами в «*Кондзяку*» обсуждается то, что мы назвали бы «творческим процессом», включая сюда и оценку собственных сочинений, и изучение чужих, и соперничество, и успех на литературном поприще.

Японские песни *вака*

В самом широком смысле традиция восприятия японских песен предполагает, что эти стихи универсальны, годятся для самых разных жизненных ситуаций, с их помощью можно выразить очень разные чувства, и звучать они могут как при дворе, так и в обиходе простолюдинов. И хотя в японской культуре к началу XII в. уже была разработана поэтическая теория², учение о тонкостях и трудностях стихосложения, в «*Кондзяку*» отражается другая точка зрения: сложить и понять песню *вака* может человек любого статуса, лишь бы он обладал «чутким сердцем». Стихи позволяют узнать, что на душе человека и каков он сам. Так, в рассказе 30–12 муж возвращается к брошенной жене, поскольку она, в отличие от новой любимой, женщины практичной, способна оценить прекрасное и сложить стихи. Эта история входит в свиток, посвященный любовным отношениям. Подобных сюжетов там несколько, и часто именно стихи способны привести людей к взаимопониманию, даже если это уже не помогает наладить жизнь влюбленных. Источником рассказа 30–12 послужили «Повести из Ямато» («*Ямато-моногатари*», X в.) [16], из этого и других памятников жанра «песенных повестей», *ута-моногатари*, взяты многие истории 30-го свитка, он продолжает традицию таких повестей.

Казалось бы, рассказы о песнях несчастных влюбленных опровергают главное положение японского учения о поэтическом слове, выраженное в предисловии Ки-но Цураюки (866(?) – 946(?)) к первой антологии, составленной по

приказу государя – «Собранию старых и новых песен Ямато» («*Кокин вака-сю*», начало X в.)³: «Не что иное, как поэзия, без усилия приводит в движение Небо и Землю, пробуждает чувства невидимых взору богов и демонов, смягчает отношения между мужчиной и женщиной, умиротворяет сердца яростных воителей» (перевод А.А. Долина) [8, с. 43]. В «*Кондзяку*» такое расхождение двух традиций оправдано построением собрания: истории влюбленных предваряют заключительный, 31-й свиток, главная тема которого – тщетность вообще всех человеческих усилий. К тому же, в картине мира собрания, где человек постоянно на виду у другого и мнение этого другого имеет большую важность, даже в тех случаях, когда стихотворения уже не могут поправить сами отношения, они показывают неудавшемуся возлюбленному или просто «людям», что было на сердце у поэта, и в некотором смысле восстанавливают тем самым справедливость, а значит – сложены не впустую. Просто мир сам по себе текуч и непостоянен, здесь за встречами следуют разлуки, и отношения людские тоже часто зыбки – да и не стоит за них цепляться слишком сильно.

Но такое уныние в «*Кондзяку*» чувствуется далеко не всюду. В свитке 24-м, посвященном мастерам своего дела, люди вполне преуспевают в различных ремеслах и искусствах. Здесь мы находим истории из еще одной «песенной повести» – «Повести из Исэ» («*Исэ моногатари*», X в.) [4]. Их герой отождествляется с одним из самых знаменитых поэтов Японии: Аривару-но Нарихира (825–880) слагает стихи, путешествуя по восточным провинциям (рассказ 24–35), обменивается песнями с другими людьми (24–36). Похожим образом строятся истории о других стихотворцах. В рассказе 24–31, первом в серии, посвященной «родным песням», госпожа Исэ слагает *вака* для надписи на ширме в покоях государя – сына того правителя, кому служила она сама. В следующем Фудзивара-но Ацутада (906–943) при дворе воспекает цветение вишен, и откликом ему служит молчание: лучше сочинить невозможно! Затем говорится о Фудзивара-но Кинто (966–1041), который был не только поэтом, но еще музыкантом и знатоком словесности, составил «Сборник песен и стихов для пения» («*Ваканро:эйсю*», ок. 1013 г.) и первый список тридцати шести великих поэтов Японии.

³ История антологий *вака* в средневековой Японии рассмотрена в: [11].

² При этом на становление японской литературной теории сильно повлияла китайская, имеющая свою многовековую историю. Однако японские мыслители не просто переносили китайские подходы на японскую почву, а переосмыслили и модифицировали их, отбирая то, что подойдет к японскому материалу (см.: [2]). Образцы японской поэтологической мысли см.: [3; 6].

В «*Кондзяку*» стихов Кинто много: талантливому аристократу отведен еще один рассказ, и он по жанру ближе к поэтическим антологиям: здесь собраны стихотворения по разным случаям с короткими пояснениями к ним. Кинто, вероятно, действовал и в несохранившемся рассказе 19–15, где, судя по заголовку, должно было говориться о том, как поэт принял монашество; может быть, стихи были и там.

Традиция составления поэтических сборников ко времени создания «*Кондзяку*» насчитывала уже несколько веков: первая, пусть еще не государственная антология, «Собрание мириад листьев» («*Манъё:сю:*»), была создана в VIII в. «Поэзия была делом государственным» [11, с. 385], а стихи среди аристократов писали многие, если не все; разумеется, составители «*Кондзяку*» наверняка были знакомы как минимум с государевыми антологиями, а если судить по стихотворениям, встречающимся в рассказах, – далеко не только с ними. Поэтому правомерно сказать, что в «*Кондзяку*» в формат *сэцува* встраивается наследие традиции японских поэтических антологий. Но можно предположить и обратное влияние: в поучительных рассказах передавались не только сами произведения, но и подробности биографий, предания и анекдоты о творцах. А в дальнейшем эти истории сами могли стать культурной почвой для новых сюжетов, новых песен и новых отсылок в них.

В рассказе 24–37, тоже напоминающем фрагмент поэтической антологии, стихи слагает Фудзивара-но Санэката (ум. 998). Здесь в серии *сэцува*, посвященных *вака*, происходит переход от классических сезонных и любовных тем (звучавших у Нарихиры) к более серьезным (хотя *вака* про монашество встречались и раньше): поэт говорит о том, как видел во сне своего умершего ребенка, скорбит о смерти друга:

Тот, кто давал обещание
Любоваться цветами со мной,
Исчез без следа.
Я один – окропляют росой
Слезы цветы осенние.

Этот друг, Фудзивара-но Митинобу (972–994), действует в рассказе 24–38 (см.: [5]). На историю молодого поэта приходится целых двадцать песен – будто маленький личный поэтический сборник помещен внутрь собрания рассказов. Неясно, по какой причине составителям оказалось важно сохранить в таком

количестве именно творения Митинобу, а не более известных авторов. Тринадцать из двадцати приведенных стихотворений и в самом деле входят в собрание сочинений поэта, «*Митинобу-сю:*» (некоторые из них – и в государственных антологиях тоже). А семь оставшихся можно найти в «*Мотосукэ-сю:*» [9, с. 455–459], личном собрании другого поэта – одного из «тридцати шести бессмертных» по списку Кинто [11, с. 171], Кивэра-но Мотосукэ (908–990), чьей дочерью была Сэй Сэнагон, оставившая знаменитые «Записки у изголовья» («*Макура-но со:си:*»).

В серии песен Митинобу тема потери возникает уже в первом стихотворении, а потом продолжается в следующих рассказах. Другие отобранные стихотворения Митинобу сложены по разным случаям. Дальше *вака* произносит покойный Фудзивара-но Ёситака (954–974), явившийся другу, сестре и матушке, горюющим по нему (24–39) – это он упоминался выше в связи с китайским тоже посмертным обращением к товарищу; поэты слагают стихи на похоронах государя (24–40); скорбные песни пишут придворные дамы, государыня и министр (24–41, 24–42), Ки-но Цураюки (24–43). Затем помещены рассказы о стихах, посвященных тоске не по человеку, а по родной земле, потом – песни ностальгии по минувшему. А следующие истории показывают, как поэтическое слово помогает улучшить человеческие отношения, причем самые разные. Более того, *вака* могут стать и молитвой, обращенной к божеству или будде. Так, поэтесса Акадзомэ Эмон прикладывает стихотворение к подношениям-*гохэй* в святилище бога Сумиёси, прося здоровья для сына:

Отдать свою жизнь
Взамен
Мне не жаль.
Но как горька
Была б разлука!

И божество откликается на молитву поэтессы (24–51). В другом случае бедная женщина преподнесла стихотворение как дар Будде (24–49):

Мое подношение
Будде трех миров –
Лишь роса на лепестках
Лотоса,
Так я прошу о милости.

Вообще *вака* оказываются пригодны и для выражения религиозного чувства, а не только «мирских» эмоций. Даже сами почитаемые могут прибегать к поэтическому слову: бодхисаттва Дзидзо, как упоминалось выше, дает наставления в форме японских песен (в 17-м свитке мы находим четыре приписываемых ему *вака*), а в предыдущем разделе одно из чудес бодхисаттвы Каннон тоже связано со стихами. Каннон помогает человеку выиграть в жестокой игре: сочинить удачные завершающие строки к песне, начала которой он не знает; в случае проигрыша он, мелкий чиновник, должен будет уступить свою жену начальнику, который и заставлял игру (16–18).

В свитке 11-м, где речь идет о самом начале буддизма в Японии, в двух рассказах появляется привычное по поэтическим антологиям взаимодействие двух персонажей с помощью песни и ответной песни. Рассказ 11–7 воспроизводится затем в «*Сясэкисю*:» и других сборниках *сэцува*: монах Бодай (Бодхисена, 704–760) прибывает из Индии в Японию, встречает монаха Гёки (668–749), и оба досточтимых сразу узнают друг в друге воплощения бодхисаттв. Иноземец при этом отвечает на приветствие японского собрата песней *вака*, что обращает на себя внимание и создает интересную переключку с рассказом о Дзидзо, где умение бодхисаттвы слагать песни по-японски повествователь называет удивительным. В песнях Бодай и Гёки вспоминают, как когда-то слушали самого Будду, поклялись тогда встретиться вновь в будущих жизнях, и вот встретились. Хотя в этих стихах звучат непривычные для традиции *вака* индийские слова (имена Будды и бодхисаттвы Манджушри, название индийского города Капилавасту), эти песни включены в государственную антологию «Изборник японских песен» («*Сю:и вака-сю*:», 1005–1007 гг., составитель – Фудзивара-но Кинто). Диалог монахов, с одной стороны, показывает чудо высшего уровня взаимопонимания просветленных, но с другой, возможно, и намекает на универсальность японской песни – на новом уровне.

Другой песенный диалог представлен в рассказе 11–1 – первом рассказе японской части собрания. Здесь царевич Сётоку-тайси (574–622), которого почитают как основателя буддизма в Японии, встречает нищего на дороге, беседует с ним, укрывает его своей одеждой и слагает песню:

О, как печально!
В горах Катаока,
Обессилев от голода,
Странник лежит.
Как жаль его!

Нищий отвечает:

Лишь когда в Икаруга
В реке Таби
Прекратится течение –
Моего господина
Имя забудут!

Вскоре нищий умер, но когда по указанию царевича проверили его гроб, тела там не было, а слышалось благоухание. Это значит, что бродяга был не просто человеком, и Сётоку это понял. Самого же царевича считали воплощением бодхисаттвы Каннон.

Таким образом, рассказы о *вака* в «*Кондзяку*» показывают, как литература *сэцува* интегрирует жанровые особенности государственных поэтических антологий, личных сборников песен, песенных повестей; она заимствует не только сюжеты, но и форму, которые затем могут преобразовываться или дополняться новыми прочтениями, будучи помещенными в новый контекст. Подчеркнутая в «*Кондзяку*» универсальность *вака* – песен, годящихся для дворцов и для лачуг нищих, для горя и для радости, – в традиции хорошо осмыслена: в этом контексте обыкновенно вспоминают предисловие Ки-но Цураюки к «*Кокин вака-сю*:» [8, с. 43]. Но можно считать ее и частью традиции более масштабной: в ней отражается привычное для культуры восприятие поэтического слова как имеющего особенный вес и действенность. Оно имеет силу тронуть сердца людей в самых важных ситуациях: им можно воспользоваться в опыте общения со сверхчеловеческим, а также для решения жизненных проблем, потому поэтическая речь – более, чем «просто» слово. Это понимание было характерно для японской культуры с самой древности, так же, как и для китайской, декларирующей и социальную, и мистическую важность поэтического слова. Уважение же к мастерству поэта, как виду доступного человеку искусства, показывает тот факт, что в «*Стародавних повестях*» в 24-ом свитке, посвященном мастерам своего дела, больше всего рассказов приходится именно на истории о стихосложении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова Н.В., Русанов М.А., Комиссаров Д.А. Лалитавистара. Сутра о жизни Будды. Рождение. М.: РГГУ, 2017.
2. Боронина И.А. Предисловия к «Кокинвакасю» и китайские влияния // Девять ступеней вака. Японские поэты об искусстве поэзии. М.: Наука, 2006. С. 227–244.
3. Девять ступеней вака. Японские поэты об искусстве поэзии. М.: Наука, 2006.
4. Исэ моногатари. М.: Наука, 1979.
5. Камиока Ю:дзи. Митинобу вака сэцува-но кэйсэй: «Кондзяку моногатари сю:» маки нидзю:ён 38 о тью:син ни (Формирование сэцува о вака Митинобу: по 38-му рассказу 24-го свитка «Собрания стародавних повестей») // Гогаку бунгаку. 1982. № 20. С. 1–12.
6. Камо-но Тёмэй. Записки без названия. Беседы с Сётэцу. СПб.: Гиперион, 2015.
7. Кара моногатари. Средневековые японские рассказы о Китае. СПб.: Гиперион, 2021.
8. Кокинвакасю. Собрание старых и новых песен Японии. СПб.: Гиперион, 2001.
9. Кондзяку моногатари-сю: (Собрание стародавних повестей) // Син Нихон котэн бунгаку тайкэй. Т. 36. Токио: Иванами, 1994.
10. Тайсё: синсю: дайдзо:кё: (Большое собрание сутр, заново составленное в годы Тайсё). Т. 1–100. Токио, 1924–1934.
11. Торопыгина М.В. Бухта песен. Шесть глав о средневековой японской поэзии. СПб.: Гиперион, 2020.
12. Торопыгина М.В. История Ян-гуйфэй в японских текстах XII века: «Тосиёри дзуйно:», «Кондзяку моногатари сю:», «Кара моногатари» // История и культура Японии. Вып. 13. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021. С. 17–31.
13. Трубникова Н.Н. «Главный смысл Закона Будды» у Догэна и его современников // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 160–183.
14. Трубникова Н.Н. Традиция «исконной просветленности» в японской философской мысли. М.: РОССПЭН, 2010.
15. Трубникова Н.Н. Традиция «Лотосовой сутры» в Японии в «Собрании стародавних повестей» // Религиоведение. 2023. № 1 (в печати)
16. Ямато-моногатари. М.: Наука, 1982.

REFERENCES

1. Aleksandrova, N.V., Rusanov, M.A. and Komissarov, D.A., 2017. Lalitavistara. Sutra o zhizni Buddy. Rozhdenie [Lalitavistara Sūtra]. Moskva: RGGU. (in Russ.)

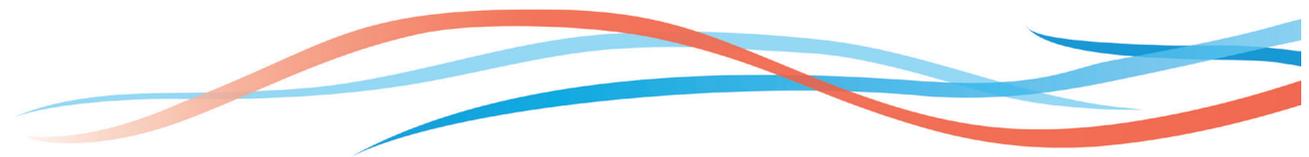
2. Boronina, I.A., 2006. Predisloviya k «Kokinvakasyu» i kitaiskie vliyaniya [Prefaces to «Kokinwakashū» and Chinese influence]. In: Devyat' stupenei vaka. Yaponskie poety ob iskusstve poezii. Moskva: Nauka, 2006, pp. 227–244. (in Russ.)
3. Devyat' stupenei vaka: Yaponskie poety ob iskusstve poezii [Nine steps of waka. Japanese poets about poetry]. Moskva: Nauka, 2006. (in Russ.)
4. Ise monogatari [The tales of Ise]. Moskva: Nauka, 1979. (in Russ.)
5. 上岡勇司, 1982. 道信和歌説話の形成: 『今昔物語集』巻二四38を中心に [Formation of setsuwa about Michinobu's waka: on the tale 24–38 of «Konjaku Monogatari-shū»], 語学文学, no. 20, pp. 1–12. (in Japanese)
6. Kamo no Chōmei, 2015. Zapiski bez nazvaniya. Besedy s Syotetsu [Mumyōshō. Shōtetsu Monogatari]. Sankt-Peterburg: Giperion. (in Russ.)
7. Kara-monogatari. Srednevekovye yaponskie rasskazy o Kitae [Kara Monogatari/ Tales of China]. Sankt-Peterburg: Giperion, 2021. (in Russ.)
8. Kokinvakasyu. Sobranie starykh i novykh pesen Yaponii [Kokinwakashū. Collection of Japanese poetry ancient and modern]. Sankt-Peterburg: Giperion, 2001. (in Russ.)
9. 今昔物語集 [Konjaku Monogatari-shū]. 新日本古典文学大系. Vol. 36. 東京: 岩波書店, 1994 (in Japanese)
10. 大正新脩大藏經 [Taishō Shinshū Daizōkyō]. Vols. 1–100. 東京, 1924–1934. (in Chinese)
11. Toropygina, M.V., 2020. Bukhta pesen. Shest' glav o srednevekovoi yaponskoi poezii [The bay of songs. Six chapters about medieval Japanese poetry]. Sankt-Peterburg: Giperion. (in Russ.)
12. Toropygina, M.V., 2021. Istoriya Yanguifei v yaponskikh tekstakh XII veka: «Tosiyori dzuino:», «Kondzyaku monogatari syu:», «Kara monogatari» [The history of Yang Guifei in the 12th century Japanese texts: «Toshiyori Zuinō», «Konjaku Monogatari-shū», «Kara Monogatari»]. In: Istoriya i kul'tura Yaponii. Vyp. 13. Moskva: Izdatel'skii dom NIU VShE, 2021, pp. 17–31. (in Russ.)
13. Trubnikova, N.N., 2015. «Glavnyi smysl Zakona Buddy» u Dogena i ego sovremennikov [«General Idea of Buddha's Teaching» by Dōgen and his contemporaries], Voprosy Filosofii, no. 7, pp. 160–183. (in Russ.)

14. Trubnikova, N.N., 2010. Traditsiya «iskonnoi prosvetlennosti» v yaponskoi filosofskoi mysli [The tradition of «original enlightenment» in Japanese philosophical thought]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

15. Trubnikova, N.N., 2023. Traditsiya «Lotosovoi sutry» v Yaponii v «Sobranii

starodavnikh povestei» [The tradition of «Lotus sutra» in Japan in «Konjaku Monogatari-shū»], Religiovedenie, no. 1. (in print) (in Russ.)

16. Yamato-monogatari [Tales of Yamato]. Moskva: Nauka, 1982. (in Russ.)

В.В. Иванов*

ДЕЙСТВИЯ ВОЙСКОВОЙ ГРУППИРОВКИ США И АРМИИ ЮЖНОГО ВЬЕТНАМА В ПЕРИОД «НАСТУПЛЕНИЯ ТЭТ», ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ 1968 г.

Статья посвящена «Наступлению Тэт», одной из масштабных операций Вьетнамской войны, ставшей поворотным пунктом вооруженного конфликта в Индокитае. Реконструируя ход наступательной кампании и анализируя ее последствия, автор обращается к воспоминаниям и свидетельствам американских, австралийских и вьетнамских военнослужащих, участвовавших в боевых действиях, а также других очевидцев событий.

Ключевые слова: вьетнамская война, «Наступление Тэт», США, Армия Республики Вьетнам, Вьетнамская народная армия, Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама

The actions of U.S. troops and the Armed Forces of the Republic of Vietnam during the Tet offensive, January-February 1968. VALERY V. IVANOV (Amur State University of Humanities and Pedagogy)

The article is devoted to the Tet offensive, one of the largest operations of the Vietnam War, which became the turning point of the conflict in Indochina. Reconstructing the course of the offensive campaign and analyzing its consequences, the author refers to the memories and reports of American, Australian and Vietnamese military personnel who participated in the military actions, as well as other eyewitnesses of the events.

Keywords: Vietnam War, Tet offensive, USA, Armed Forces of the Republic of Vietnam, People's Army of Vietnam, National Liberation Front of South Vietnam

История войн и локальных конфликтов – особенно тех из них, в которых одна из сторон использовала партизанскую тактику борьбы – отчетливо продемонстрировала успешность свержения правящего режима посредством организации всеобщего выступления оппозиционных сил на всей территории страны. Главной целью такого рода всеобщего восстания является установление контроля сил оппозиции над основными административными центрами и полный захват власти в стране.

Его эффективность во многом определяется следующими факторами: одновременность, внезапность и согласованность действий оппозиции; концентрация ударов сил оппозиции по наиболее важным объектам (армейские штабы, правительственные учреждения, узлы связи и др.) с целью их уничтожения или захвата; жесткая блокада всех основных коммуникаций с целью пресечения передислокации резервов противника на наиболее опасные участки; организация терактов и диверсий в

* ИВАНОВ Валерий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и права факультета истории и юриспруденции Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета.

E-mail: sir.vv-ivanov@yandex.ru

© Иванов В.В., 2023

отношении лидеров правящего режима, представителей лояльных групп населения; захват узлов телерадиовещания для пропаганды своих целей среди населения и информационной блокады властей; привлечение широких масс населения на сторону оппозиции на основе недовольства социальной, национальной, религиозной политикой действующего правительства.

В начале 1960-х гг. в ходе борьбы против проамериканского режима Республики Вьетнам (Южный Вьетнам) Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ) и руководство Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) разрабатывали проекты общенационального восстания, однако этому помешала ширококомасштабная военная интервенция США и их союзников в Индокитае. В 1965–1967 гг. Народные вооруженные силы освобождения (НВСО) и Вьетнамская народная армия (ВНА) не достигли поставленных целей. Расчет руководства ДРВ и НФОЮВ на быстрое истощение войск США и их союзников не оправдался. Военные успехи НВСО-ВНА были незначительны и носили локальный характер. Численность группировки интервентов постоянно увеличивалась и в 1967 г. достигла 485 тыс. чел. [11, р. 413]. С другой стороны, американские войска и сайгонская армия не смогли уничтожить коммунистические силы Южного Вьетнама и контингент ВНА.

В 1967 г. руководство НФОЮВ и ДРВ сделали ставку на развертывание наступательных действий своих сил в сочетании с организацией антиправительственных выступлений населения. Лидеры Национального фронта и Ханоя не планировали нанести полное военное поражение правительственной армии Южного Вьетнама, однако они рассчитывали, что даже локальная победа подорвет международный авторитет США и вынудит администрацию Линдона Джонсона приступить к выводу своих войск из Индокитаея.

В декабре 1967 г. Ханой и НФОЮВ подготовили план осуществления крупной операции на территории Южного Вьетнама. Начало военной кампании было назначено на 31 января 1968 г. во время проведения традиционного вьетнамского торжества Тэт – празднования Нового года по лунному календарю. Впоследствии эта операция получила наименования «Новогоднее наступление», «Наступление Тэт», «Генеральное наступление».

Начало наступления НВСО-ВНА в канун праздника было запланировано не случайно. В предыдущие годы в период Тэт противоборствующие стороны фактически прекращали боевые действия. Атмосфера предстоящего торжества негативно отражалась на бдительности военных и полиции. Командование южновьетнамской армии нередко отправляло в отпуска до 50% личного состава [17, р. 183]. В связи с массовыми перемещениями населения по стране, как правило, ослабевал паспортно-пропускной режим. Эти обстоятельства существенно облегчили деятельность подпольных структур НФОЮВ.

Для успеха будущего наступления командование НВСО-ВНА планировало сковать американские и сайгонские войска отвлекающими действиями, нанести удары по городам, провинциальным и уездным центрам, военным базам, коммуникациям. Параллельно с этим подпольные структуры НФОЮВ должны были провести диверсии с целью дезорганизации работы штабов, связи, логистики противника. Национальный фронт активизировал пропагандистскую работу среди населения, рассчитывая на его поддержку.

18 февраля 1968 г. планировалось развернуть второй этап наступления в той же последовательности, что и 31 января. Главными мероприятиями предстоящих операций НВСО-ВНА являлись: организация широкого народного восстания против проамериканского режима Нгуен Ван Тхиу; нанесение внезапных ударов по политическим, военным объектам Южного Вьетнама и группировки США; демонстрация США высокой боеспособности НВСО-ВНА с целью принуждения Вашингтона к выводу своих войск из Индокитаея [1, р. 286].

К 1967 г. Вашингтон в целом позитивно оценивал развитие военно-политической ситуации в Индокитае. Группировке войск США и армии Южного Вьетнама не удалось добиться главной цели – разгромить коммунистические силы, однако они контролировали все города страны, провинциальные и уездные центры, коммуникации. США постоянно наращивали воздушные бомбардировки ДРВ.

13 января 1967 г. посол США в Южном Вьетнаме Э. Банкер утверждал: «В сфере военных операций приведение в должное равновесие соотношения боевых и вспомогательных войск в составе американских вооруженных сил и постепенное совершенствование вьетнамских

вооруженных сил, наряду с поддержкой наших союзников, привели к все более эффективным действиям против врага. Его попытки проникновения южнее демилитаризованной зоны срываются, его базы все чаще нейтрализуются и его неуклонно оттесняют к лаосской и камбоджийской границам» [18, р. 193]. Банкер делал следующий вывод: «Наша политика была разумной, наши действия – осторожными и обдуманно. Мы заложили фундамент, на котором, я верю, сможем построить свой успех» [18, р. 193].

Мнение посла США поддерживали американские военные. В ноябре 1967 г. командующий группировкой США в Южном Вьетнаме генерал У.Ч. Уэстморленд заявил: «Мы достигли важной точки, в которой становится виден конец [войны]... Надежды врага не оправдались» [22, р. 96].

Осенью 1967 г. НВСО-ВНА приступили к осуществлению своих планов. Первоначально был предпринят ряд отвлекающих ударов по войскам интервентов и сайгонской армии. В октябре-ноябре части ВНА атаковали базу морской пехоты США Контхиен, г. Дакто на Центральном плато, Локнинь и Сонгбе. Тяжелая ситуация сложилась в районе базы Кхесань, занимавшей важное стратегическое положение на границе с Лаосом. Гарнизон блокировали крупные силы противника. По данным разведки США, здесь было сосредоточено 4 пехотных дивизии ВНА, 2 артполка, бронечасты [10, р. 552].

Некоторые американские военные и политики сравнивали ситуацию в Кхесань с положением французской группировки в Дьенбьенфу весной 1954 г. [7, р. 205]. Блокада этого опорного пункта силами ВНА завершилась штурмом и поражением колонизаторов. В этой связи штаб Уэстморленда перебросил 6 тыс. солдат на помощь гарнизону Кхесань. ВВС США увеличили число бомбардировок позиций противника в районе базы [7, р. 205].

Действия НВСО-ВНА встревожили штаб Уэстморленда. В декабре 1967 г. он информировал Вашингтон, что противник продемонстрировал признаки развертывания «крупной попытки активизации действий» и, возможно, «радикальной перемены в стратегии» к началу Нового года [13, р. 277]. 18 декабря это предупреждение озвучил председатель Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) генерал У.Г. Уилер в своей речи в Экономическом клубе (Детройт) [13, р. 277]. Критикуя рост

антивоенного движения в США, он говорил о вероятности наступления коммунистов в Южном Вьетнаме, сравнив его с битвой в Арденнах зимой 1944 г. [5, р. 171].

Опасения военных подтвердил президент США Л. Джонсон. 23 декабря 1967 г., выступая на похоронах премьер-министра Австралии Г.Э. Холта, глава Белого дома заявил, что он опасается использования вьетнамскими коммунистами тактики «камикадзе» в ближайшем будущем [5, р. 171]. Многие представители СМИ США также разделяли позицию Вашингтона. Репортер газеты «New York Times» Х. Болдуин в своих публикациях неоднократно предупреждал, что коммунисты скоро предпримут активные действия, чтобы произвести впечатление на американское общественное мнение [5, р. 171]. Следовательно, руководство США было осведомлено о приготовлениях врага к наступательным действиям, однако штаб Уэстморленда эффективных контрмер не предпринял.

Одновременно с проведением отвлекающих действий руководство НФОЮВ приступило к концентрации своих сил непосредственно в городах Юга. В течение января 1968 г. боевики НВСО группами и поодиночке под видом крестьян, ремесленников, торговцев, бродячих актеров практически беспрепятственно прибывали к местам предстоящего наступления. Их укрывали местные подпольщики на конспиративных квартирах. Таким образом в Сайгон нелегально переправилось 5 батальонов НВСО [17, р. 183].

По прибытии на место боевые группы знакомились с обстановкой в городе, положением на объектах будущей атаки. Они изучали подступы, систему охранения, режим смены постов, вероятные пути отхода. Кроме того, создавались подпольные пункты управления, лазареты, склады оружия. В Сайгоне командный пункт НВСО и госпиталь располагались на ипподроме Футхо в китайском квартале Тёлон [17, р. 183].

К концу 1967 г. 84 тыс. бойцов НВСО, большинство из которых составляли уроженцы Юга, концентрировались на исходных позициях [17, р. 183]. Части ВНА находились во втором эшелоне. Такая диспозиция объяснялась в первую очередь тем, что участие в боях северян могло быть расценено населением Южного Вьетнама как прямая агрессия ДРВ, что полностью соответствовало бы официальной позиции Сайгона

и Вашингтона. Тем не менее, на ряде участков части ВНА сражались в первом эшелоне.

Перегруппировку частей НВСО не удалось полностью скрыть от американской разведки. Командир роты морской пехоты «D» подполковник М. Херрингтон вспоминал о событиях января 1968 г. следующее: «Военная разведка обнаружила перемещения крупных сил противника в сельской местности. Они готовились для массированной атаки, но мы не были точно уверены, где конкретно» [13, р. 278]. Подполковник Р. Кристмас, командир роты морской пехоты «H», дислоцировавшейся в окрестностях г. Хюэ, отмечал, что в деревнях была весьма напряженная обстановка и это совершенно противоречило периодам прекращения огня в предыдущие годы [13, р. 278].

Несмотря на сообщения разведки американское военное командование продолжало считать маловероятным наступление противника. Уэстморленд, характеризуя фактор внезапности действий НВСО, заявил: «Генерал Дэвидсон¹ говорил мне позже: “Даже если бы я точно знал, что должно произойти, это было столь нелепо, что я, вероятно, не смог бы убедить кого-либо в этом. Зачем противнику отказываться от своего главного преимущества, которым была его способность быть неуловимым и избегать больших потерь?”. Он, несомненно, был прав. Когда летом 1966 г. я попросил Джека Симэна ... подготовить командно-штабную военную игру, основанную на наихудших возможных непредвиденных обстоятельствах в районе вокруг Сайгона, его отдел придумал почти то же самое, что и произошло в 1968 г., но даже несмотря на то, что оценка предупредила нас о такой возможности, в то время мы сочли ее маловероятной» [21, р. 219].

30 января 1968 г. части НВСО атаковали ряд городов в центральной части Южного Вьетнама. Их главной целью было вынудить командование США рассредоточить свои силы, перебросить дополнительные подразделения из городов в провинции. Это должно было существенно ослабить защиту государственных, военных, экономических объектов Юга.

30 января на совещании у президента Джона генерал И.Г. Уилер сообщил: «Согласно первым донесениям, 700 врагов уничтожено. Потери США и [Южного] Вьетнама незначительны. Были ракетные и минометные обстре-

лы Дананга. Город Дананг также подвергся нападению. Плейку атаковала пара сотен человек. Они терроризировали город и нанесли удар по авиабазе Плейку. Было предпринято еще по меньшей мере две таких акции: одна против 4-й пехотной дивизии, другая в Нячанге и Контуме» [2, р. 577].

Как показали последующие события, это была финальная фаза отвлекающих маневров НВСО-ВНА. Коммунистическим силам удалось достичь своих первоначальных целей. Подполковник Кристмас признавал: «Я думаю, никто не понимал, что северовьетнамские силы будут преследовать такую крупную цель. Мы перебрасывали всю 3-ю дивизию морской пехоты южнее Хюэ и не ожидали, что наступление произойдет в это время. И, очевидно, южновьетнамские силы тоже этого не ожидали... по меньшей мере 50% из них были отпущены на праздник» [13, р. 278].

31 января 1968 г. НВСО-ВНА, приступив к осуществлению основной части «Наступления Тэт», одновременно атаковали 35 из 44 провинциальных, 64 из 242 уездных центров [18, р. 195]. Их боевые группы нанесли удары по 100 гражданским и военным объектам. Коммунистические силы действовали стремительно и дерзко. Американские войска получали запоздалые сообщения командования о возможных нападениях противника. Южновьетнамские командиры подразделений были не в состоянии быстро вернуть в свои части отпускников. Многие вьетнамские военные не имели телефонов и даже радиоприемников, чтобы получить приказ о прибытии к месту службы.

Тактические приемы НВСО нередко отличались друг от друга. Например, важное значение для успеха «Наступления Тэт» имели нападения на базы ВВС. Тем не менее, из 10 авиабаз атакам крупных сил подверглись лишь Таншоньят и Бьенхоа. Небольшие отряды НВСО совершили набеговые действия на Камрань, Фукат, Туйхоа, Фанранг. В отношении Плейку, Нячанга, Дананга, Биньхай они ограничились минометными и ракетными обстрелами [15, р. 13].

Эффективность действий НВСО-ВНА также была неоднородной. Командир роты 320-й пехотной дивизии ВНА, атаковавшей базу морской пехоты США в Камло (пров. Куангчай), Туан Ван Бан вспоминал: «Мы начали атаку в 5 часов утра. Первоначально мы выпустили сигнальную ракету и одновременно взорвали заряды динамита по всему периметру про-

¹ Начальник разведывательного отдела штаба группировки США в Южном Вьетнаме.

лочных заграждений. В это же время наши минометчики и пулеметчики открыли огонь по заранее определенным целям... Мы знали, что не сможем выдержать крупный бой. Силы противника в окрестностях были весьма внушительны, и сама база располагала серьезной огневой мощью. Мы уничтожили все, что могли, и отступили... У нас погибло 12 человек, около 70 получили ранения. Какие потери были в соседних подразделениях, я не знаю» [1, р. 303].

Особую опасность представляли действия отрядов НВСО в крупных городах. В первую очередь это относилось к Сайгону и Хюэ. В столице Южного Вьетнама более 4000 боевиков НВСО атаковали президентский дворец, многие военные объекты. Коммунистам удалось овладеть рядом полицейских участков, освободить заключенных из тюрем [9, р. 122].

Ракетному обстрелу подвергся штаб командующего войсками США II корпусной зоны генерала Ф.К. Вэйанда в пригороде столицы Локбине, был уничтожен склад боеприпасов. Отряды НВСО блокировали коммуникации вокруг Сайгона, чтобы пресечь прибытие резервов противника [10, р. 540].

Активную помощь коммунистическим отрядам оказали подпольные ячейки НФОЮВ. Разведчик НВСО Чан Ван Тан вспоминал: «Во время Тэт я был проводником и показывал дорогу революционным силам к намеченным целям. На второй день праздника ко мне пришла связная и передала приказ – связаться с регулярными войсками. На следующий день в мою квартиру постучали. Это был командир отряда НВСО. Он попросил стакан воды. Это было паролем. Потом он попросил меня показать подходы к полицейскому участку Нгуен Ван Ку, где могли находиться вражеские подразделения. Я рассказал ему все, что знал» [1, р. 289].

Серьезный резонанс вызвало нападение коммунистов на посольство США в Сайгоне. В ночь с 31 января на 1 февраля отряд боевиков НВСО, взорвав ворота, ворвался на территорию этого объекта. 5 морских пехотинцев, несших охрану, были убиты. Здание подверглось обстрелу из гранатометов. Нападение было столь внезапным, что посол Банкер был вынужден укрываться в одном из бункеров [18, р. 195]. Сотрудников охватило замешательство. Дежурный посольства А. Вендт вспоминал, что он и его коллеги были убеждены: если партизаны ворвутся в здание, то уничтожат их [18, р. 195].

Охрана не допустила прорыва врага во внутренние помещения. На вертолетах прибыли десантники 101-й воздушно-десантной дивизии США [17, р. 183]. К 9 часам утра нападение было окончательно отбито. В бою погибло 7 американцев и 19 боевиков [13, р. 275]. Бой за посольство был рядовым событием сражения в Сайгоне. Тем не менее, он произвел большое впечатление на руководство Соединенных Штатов, СМИ. Репортер К. Уэбб (United Press International) охарактеризовала увиденное в посольстве как «мясную лавку в Эдеме» [17, р. 183–184].

Отряды НВСО подвергли обстрелу столичный аэропорт и базу ВВС Таншоннят, совершили ряд диверсий. В результате было повреждено 13 самолетов [15, р. 10]. На Таншоннят находилось 250 американских и 900 южновьетнамских военнослужащих, 3 легких танка [15, р. 8]. За авиабазу развернулись тяжелые бои. В течение суток американские и сайгонские войска отбили все атаки противника. Однако мелкие стычки на объектах базы продолжались еще несколько дней. В ходе боев за Таншоннят потери американцев составили 23 убитых, 86 раненых. Южновьетнамские войска потеряли 17 чел. убитыми (среди них 5 летчиков), 77 – ранеными. Общие потери НВСО за столичный аэропорт и базу ВВС насчитывали 157 чел. убитыми [15, р. 10]. Существуют и другие оценки потерь коммунистических сил в боях за Таншоннят. Так, австралийский офицер П. Макмиллан, прибывший в Сайгон в разгар боев, вспоминал: «Из иллюминатора я увидел сгоревшие американские самолеты на взлетной полосе... Шестисот вьетконговцев были убиты во время атак на аэропорт в предыдущие дни» [6, р. 353].

К вечеру 1 февраля активность НВСО в Сайгоне серьезно снизилась. Коммунистам не удалось овладеть ни одним важным объектом в столице. Боевики НВСО захватили правительственную радиостанцию. Тем не менее, им не удалось обратиться к населению с призывом к восстанию, т.к. местные техники отключили радиостанцию от ретранслятора [6, р. 351]. Антиправительственных выступлений в столице не последовало. Население в целом не поддержало акций НВСО.

В результате 2 февраля отряды НВСО перешли к обороне. Это объяснялось следующими причинами. В отличие от других городов, гарнизон Сайгона насчитывал 17 армейских батальонов и 17 тыс. полицейских [9, р. 122].

В окрестностях столицы находились американские военные базы, личный состав которых был немедленно приведен в боевую готовность и мог подкрепить войска в столице. Кроме того, еще 31 января по приказу генерала Ф.К. Вейанда к Сайгону были переброшены 15 батальонов армии США [9, р. 539]. Они сбили заслоны НВСО в предместьях и вступили в город.

Сражение в Сайгоне продолжалось в течение двух недель. Американские и южновьетнамские войска активно использовали бронетехнику и авиацию в уличных боях. Подпольщик Чан Ван Тан вспоминал: «Я находился среди горожан, прятавшихся в пагоде Хюэ Лам. Позже я видел бой и несколько сгоревших американских танков. Люди рассказали мне, что революционные силы уничтожили их ракетами В-40» [1, р. 289].

Наиболее тяжелая обстановка сложилась в квартале Тёлон. Боевики НВСО построили здесь десятки баррикад, нарушили связь. В начале февраля в этот район города вошли южновьетнамские части численностью 10 тыс. чел. [17, р. 194]. Они столкнулись с упорным сопротивлением и отступили. Однако и НВСО не смогли покинуть Сайгон, т.к. все коммуникации были под контролем противника. Коммунисты не могли рассчитывать и на прибытие подкреплений.

3 февраля американское командование объявило Тёлон «зоной свободного ведения огня». Населению было предписано покинуть квартал. 4 февраля Тёлон был подвергнут бомбардировке и артобстрелу [17, р. 194]. В квартал вступили части 199-й американской легкой пехотной бригады. Только через 6 дней в ходе уличных боев им удалось подавить сопротивление противника. Большая часть Тёлона была разрушена.

В ходе жестоких боев пострадало гражданское население. Нередко жертвами частей армии США и Южного Вьетнама становились мирные горожане. Среди жертв было немало тех, кто поддерживал правительство. Солдат армии США, участник боев в Тёлоне, вспоминал: «Мы сражались за каждый дом, каждую улицу. Перед тем как войти в дом, мы стреляли внутрь из винтовок и пулемета М-60. У нас не было огнеметов. Я не видел танков в Сайгоне... Нам просто нужно было сбить дверь, войти и застрелить людей» [19, р. 132].

Американский фотограф Ф.Дж. Гриффитс, очевидец боев, писал: «Это восьмой район Сайгона. Многие из его жителей были католиками,

представителями среднего класса, которые работали в правительстве Южного Вьетнама или владели бизнесом. ... Вьетконговцы были невероятно умны. Они отправили дюжину парней в восьмой район и приказали им обстрелять полицейских, зная, что американцы очень остро на это отреагируют. И действительно, уже через час американские вертолеты уничтожали все, что двигалось» [1, р. 294–295].

После разгрома отрядов НВСО в Сайгоне сопротивление продолжали оказывать небольшие группы и боевики-одиночки. В городе развернулись «зачистки» кварталов. Они сопровождались арестами и казнями всех подозрительных лиц. Разведчик НФОЮВ Чан Ван Тан вспоминал, что был арестован солдатами правительственной армии по обвинению в связях с коммунистами. Подпольщика спас офицер службы безопасности Хай Тхань, лично знавший его. Чан Ван Тан вспоминал: «Хай Тхань сказал солдатам, что я являюсь его близким другом. Он приказал отпустить меня. После того, как они это сделали, Хай Тхань сказал мне: “Если бы ты действительно был вьетконговцем, я бы собственными руками уничтожил всю твою семью – от мала до велика. Понимаешь?”» [1, р. 289]

Полицейские расправы в столице продолжались еще несколько дней. Эти действия часто отличались показательной жестокостью. Телеэкраны всего мира обошла сцена казни на одной из улиц Сайгона, снятая американским репортером Э. Адамсом (Associated Press) и вьетнамским оператором Во Су. Начальник столичной полиции генерал Нгуен Нгок Лоан лично застрелил человека, схваченного солдатами, по подозрению в связях с НВСО [10, р. 542]. Эта расправа произвела тяжелое впечатление на общественность США и других западных стран.

8 февраля посол США Банкер докладывал Л. Джонсону: «Враг потерял около 25 000 чел. убитыми, около 5 000 арестованных, более 5 500 единиц легкого и 900 единиц тяжелого вооружения. ... Общие потери дружественных сил – 2 043 убитых (703 – США, 1304 – армия Республики Вьетнам и 37 – страны Свободного мира)» [2, р. 590].

В ходе «Наступления Тэт» наиболее продолжительное сражение развернулось за Хюэ, старую императорскую столицу Вьетнама. Город был слабо укреплен. В нем находились малочисленные части 1-й южновьетнамской пехотной дивизии: штабная рота, рота разведки

[22, р. 98]. Они дислоцировались в цитадели императорского дворца Хюэ. Основные силы соединения были направлены на борьбу с НВСО-ВНА за пределами города.

Самым боеспособным подразделением 1-й пехотной дивизии было специальное аэромобильное формирование Нас Вао («Черная пантера»), представлявшее собой усиленную роту. По огневой мощи оно было эквивалентно пехотному батальону, но не имело бронетехники и артиллерии [22, р. 50]. Кроме того, в Хюэ располагался американский штабной компаунд – 150 инструкторов и морских пехотинцев во главе с главным советником полковником Дж. Адкинсоном [22, р. 98].

30 января командир 1-й пехотной дивизии генерал Нго Куанг Чыонг, подозревая о возможности проведения крупных акций НВСО-ВНА, ограничил отпуск своих подчиненных по домам. Однако для обороны крупного города сил было ничтожно мало. Командир Нас Вао «Черная пантера» Чан Нгок Хюэ отправил три взвода для защиты объектов в южном районе Хюэ. Разведрота (36 чел.) разместились на западной окраине. Два взвода охраняли девять ворот цитадели. Фактически в распоряжении Чан Нгок Хюэ было только 50 чел. [20, р. 100]. Этого было явно не достаточно для защиты крепости. Таким образом, Хюэ был практически беззащитен перед НВСО-ВНА.

На рассвете 31 января в Хюэ скрытно проникли 4-й и 6-й полки ВНА, 12-й саперный батальон НВСО. При помощи местного подполья НФОЮВ они овладели рядом районов города. Отряды НВСО выпустили из тюрем заключенных. В Хюэ начала работу временная администрация НФОЮВ. Идеологические группы Национального фронта вели пропаганду среди населения. Были приняты меры по пресечению грабежей. Действовали специальные команды по поиску военных, полицейских, чиновников. В этом им оказывали помощь местные подпольщики.

Уроженка Хюэ вспоминала: «В наш дом пришли коммунисты, они допросили моего отца, который был отставным чиновником. Потом они вернулись и заявили, что заберут его на десять дней для проверки. Моя мать и я были обеспокоены этим, т.к. коммунисты арестовали ее отца еще в 1946 г. Как и он мой отец не вернулся домой» [10, р. 544].

Основными узлами сопротивления американско-сайгонских войск в Хюэ стали цитадель

и штабной компаунд армии США. Командование 1-й южновьетнамской пехотной дивизии организовало оборону крепости, используя Нас Вао как основную ударную силу. Чан Нгок Хюэ вспоминал: «Вьетконг и ВНА предали перемирие во время Тэт, развернули наступление по всей стране. Из-за их нападения война пришла в Хюэ и ситуация стала крайне опасной. Мы потеряли связь с подразделением Нас Вао, которое держало оборону южнее Ароматной реки. Мне неизвестна их судьба. Я не знаю, кто из моих братьев уцелел. ... Мы должны сражаться за свое существование, свои семьи, Хюэ и нашу Родину» [22, р. 102].

За цитадель завязались тяжелые бои. 1 февраля часть крепости была захвачена 800-м, 802-м батальонами 6-го пехотного полка ВНА и 12-м саперным батальоном НВСО. Коммунисты, оборудовав оборонительные позиции, постоянно атаковали. Части 1-й южновьетнамской пехотной дивизии активно защищались [5, р. 166]. В аналогичном положении оказался и американский штабной компаунд, окруженный 4-м полком ВНА.

Ожесточенность сражения за цитадель возрастала. Ряд объектов крепости несколько раз переходил из рук в руки. По свидетельству Дж. Адкинсона, «отсутствие тяжелого вооружения прямой наводки, особенно 106-мм безоткатных орудий, ограниченные возможности [южных] вьетнамцев перед лицом хорошо укрепившегося противника и удачно расположенные небольшие отряды неоднократно останавливали продвижение целых рот» [22, р. 109].

Уэстморленд принял меры к освобождению Хюэ. 1-й батальон 5-го полка 1-й дивизии морской пехоты США, части 1-й дивизии воздушной кавалерии, 1-я воздушно-десантная оперативная группа выдвинулись к городу [5, р. 166]. К ним присоединились 3-й полк 1-й южновьетнамской пехотной дивизии, усиленный 2-м, 7-м и 9-м воздушно-десантными батальонами. Для артиллерийской поддержки к Хюэ был направлен отряд ВМС США, имевший в составе три крейсера и пять эсминцев [19, р. 134].

Командование НВСО-ВНА также перебросило к Хюэ резервы. К северу от города занял позиции 806-й батальон, блокировавший участок шоссе № 1. Южные подступы к Хюэ прикрывал 804-й батальон и саперная рота; юго-восток – батальон К4, юго-запад – 810-й батальон [5, р. 166]. Им удалось на некоторое время задержать противника и нанести ему урон.

Солдат роты «В», 2 батальон, 1-я дивизия воздушной кавалерии Б. Габриэль вспоминал: «Мы потеряли 14 человек убитыми. Мы не могли их эвакуировать по воздуху, т.к. была низкая облачность. Пришлось их зарыть на месте» [1, р. 300].

Тем не менее американо-сайгонские силы сбили врага с занимаемых рубежей и с разных направлений вступили в Хюэ. В течение 25 дней они вели тяжелые уличные бои в сильно разрушенном городе.

Подполковник Кристмас считал, что войска США совершили ряд тактических ошибок: сражение затянулось, т.к. американской стороне не удалось по-настоящему изолировать Хюэ. Фактически в течение сражения длиною в месяц северовьетнамцы имели коридор вдоль Ароматной реки, из города в сельскую местность [13, р. 288]. Подполковник Херрингтон вспоминал: «Поначалу, конечно, было нежелание использовать наше тяжелое вооружение для уничтожения города, чтобы спасти его» [13, р. 287]. Тем не менее, чтобы избежать больших потерь, американское командование использовало бомбардировочную авиацию и корабельную артиллерию. Оценивая результаты бомбардировок города, Херрингтон признавал: «Хюэ был разрушен. Маленькие деревянные дома вьетнамцев полностью уничтожены. Деловой квартал был весь в руинах» [13, р. 287]. Журнал «Time» за 16 февраля 1968 г. сообщал: «Постепенно сражение превратило некогда прекрасный город в ночной кошмар» [19, р. 134].

Несмотря на абсолютное превосходство в огневых средствах американские войска были втянуты в тяжелые столкновения. Подполковник Херрингтон, давая оценку действиям морской пехоты США, отмечал ее недостаточное обучение для ведения уличных боев: «Первоначально, когда мы вошли в город, у нас не было никакого реального представления о том, как мы должны сражаться» [13, р. 288].

12 февраля 1-й батальон морской пехоты США и южновьетнамский пехотный батальон при поддержке 5 танков и самоходных орудий «ONTOS» прорвались к цитадели [15, р. 112]. Они деблокировали крепость и приступили к ее «зачистке». Бойцы НВСО-ВНА оказали упорное и умелое сопротивление. Характеризуя последнюю неделю боев за цитадель, Херрингтон подчеркивал, что у северовьетнамцев, «вероятно, была эмоциональная привязанность к тому факту, что они освободили эту древнюю столи-

цу, и они видели в этом великий крестовый поход» [13, р. 287].

Упорство бойцов НВСО объяснялось не только хорошим оборудованием рубежей, но и дисциплиной. В ряде случаев командиры применяли жестокие меры. Австралийский уорент-офицер Т. Эган вспоминал: «Это было первый раз, когда я увидел вражеского солдата, привязанного к пулемету. Видимо, это должно было помешать ему бежать» [6, р. 357].

24 февраля контроль правительства над городом был восстановлен [9, р. 122]. Тем не менее, бои в цитадели продолжались до конца месяца. Официально бои в Хюэ завершились 5 марта. Подводя общие итоги сражения за цитадель Хюэ, 1-й отряд военных советников штаба I корпусной зоны составил рапорт: «Действия 3-го полка 1-й дивизии и роты Нас Вао («Черная пантера») достойны похвалы. Эти части участвовали в тяжелых операциях против сил врага, укрепившихся в цитадели Хюэ в период с 31 января 1968 г. по 29 февраля 1968 г. Пиком сражения стали 24–25 февраля 1968 г., когда 3-й полк и рота Нас Вао развернули наступление по очистке цитадели. Части 3-го полка овладели западной стеной и районом дворца. 2-й батальон 3-го полка провел ночную атаку и захватил южную стену. Потери, нанесенные врагу 3-м полком и ротой Нас Вао в период с 31 января 1968 г. по 29 февраля 1968 г., составили 1 084 чел. убитыми, 22 пленных, 268 единиц легкого и 88 тяжелого вооружения. Собственные потери составили 113 убитых и 67 единиц оружия» [22, р. 122–123].

В ходе сражения за Хюэ отряды НВСО-ВНА потеряли убитыми около 5 тыс. чел. [9, р. 122]. По другим данным, общий урон коммунистических сил превысил 8 тыс. чел. [5, р. 167].

Одной из трагических страниц сражения в Хюэ стала гибель мирных жителей. По оценке Херрингтона, было убито более 5 800 чел. Сотни пропали без вести. Некоторые из них позже были обнаружены и опознаны в безымянных могилах в городе и за его пределами. Всего в захоронениях покоилось 2 800 вьетнамцев [13, р. 287].

Противоборствующие стороны немедленно приступили к взаимным обвинениям. НФО-ЮВ и ДРВ ответственность за гибель горожан возлагали на США и армию Юга. Сайгон и Вашингтон, со своей стороны, порицали Ханой. Официального международного расследования трагедии в Хюэ не проводилось.

Среди документов, захваченных разведкой США, были обнаружены списки казненных: 1 892 чиновников, 38 полицейских, 790 «эксплуататоров» [13, р. 287]. Зачастую жертвами террора коммунистов становились невинные люди. Боевики НВСО убили известного католического священника Бу Донга. Вместе со своими детьми был расстрелян Фам Ван Тхыонг, дворник одной из городских контор. Продавщицу сигарет Нгуен Тхи Лао убили за то, что ее сестра служила в одном из правительственных бюро [10, р. 544].

В ходе расправ были убиты десятки европейцев и американцев, захваченных коммунистами. Среди погибших – журналист С. Миллер (U.S. Information Service), западногерманский преподаватель Х.Г. Крайник и его жена, два врача из ФРГ [10, р. 544]. Невредимыми остались только подданные Франции. Такое проявление милосердия НВСО к представителям бывшей метрополии объяснялось тем, что президент Ш. Де Голль весьма критически относился к политике США в Индокитае [10, р. 544].

Австралийский советник взвода южновьетнамской морской пехоты уорент-офицер Кэмпбелл в письме жене подчеркивал: «Злодеяния Вьетконга невероятны, и каждый день мы обнаруживаем новые массовые захоронения. То, что случилось, очевидно по состоянию [обнаруженных] тел, включая многих детей. Можно понять ненависть, с которой они душат военных, и вывешивают тела на стенах, но закапывать живьем целые семьи, включая детей, всего лишь за то, что те отказались взять в руки оружие, – это не поддается воображению». После увиденного в Хюэ Кэмпбелл признал, что утратил всякие остатки уважения, которое он испытывал к врагу [6, р. 358].

С другой стороны, после того как бои в Хюэ завершились, в городе еще несколько недель действовали отряды полиции и спецслужбы. Они занимались поисками скрывавшихся вражеских бойцов и подпольщиков. Их жертвами также стали сотни горожан, подозреваемых в сотрудничестве с коммунистами.

Официальные данные о количестве погибших горожан, найденных в братских могилах, серьезно отличались. Глава полиции Хюэ Доан Конг Лап в интервью корреспонденту «Times of London» С. Харрису 27 марта 1968 г. утверждал, что в обнаруженных захоронениях было 200 трупов. Мэр города, по свидетельству Харриса, заявил, что погибших было около 300 [20, р. 179].

Вызывали вопросы и причины гибели. После осмотра захоронений было очевидно, что многие жертвы подвергались пыткам. Южновьетнамские военные и полиция возлагали всю вину за случившееся на НВСО. Ряд американских журналистов утверждал, что погибшие горожане – жертвы артобстрелов и воздушных бомбардировок [10, р. 543].

Расхождения в оценках трагедии со стороны властей Хюэ вызвали недоверие представителей СМИ к их заявлениям. Репортеры также обратили внимание на то, что могилы были выкопаны экскаваторами и бульдозерами. Части НВСО не располагали строительной техникой. Следовательно, захоронения были делом тайной полиции и спецслужб.

Американские журналисты провели независимое расследование. В феврале 1972 г. в «Washington Monthly» была опубликована статья О. Фаллачи, в которой журналистка утверждала, что после освобождения Хюэ «сайгонскими силами» было уничтожено более 1 тыс. чел. Вместе с подпольщиками жертвами тайной полиции стали сотни мирных горожан, не имевших никакого отношения к НФОЮВ [20, р. 179].

Таким образом, следует признать, что ответственность за гибель гражданских лиц лежала как на НВСО-ВНА, так и на американско-сайгонских войсках и спецслужбах Южного Вьетнама.

Одним из тяжелых последствий боев за Хюэ стала вспышка в городе эпидемий холеры и тифа. Это угрожало гуманитарной катастрофой. Американские и южновьетнамские медицинские отряды сделали прививки 35 тыс. жителей [6, р. 357], но потребовалось несколько месяцев, чтобы остановить и ликвидировать распространение опасных заболеваний.

Военные и политики США весьма противоречиво оценивали итоги «Наступления Тэт». В конце февраля 1968 г. У. Уэстморленд заявил: «Я сравниваю недавнее наступление Тэт, предпринятое ханойским руководством, с битвой в Арденнах во время Второй мировой войны. Направив большую часть своих сил в масштабное наступление, коммунисты добились некоторой тактической внезапности. Хотя противник достиг некоторого временного преимущества, он потерпел военное поражение» [8, р. 125]. Некоторые лидеры Пентагона признали большой урон в американских войсках в феврале 1968 г. Общая убыль в войсках США составила

1 100 чел. убитыми. Армия Южного Вьетнама потеряла 2 300 чел. [11, р. 130].

Ряд ведущих американских политиков признал, что операция НВСО-ВНА вскрыла серьезные недостатки спецслужб и нанесла политическое поражение США. Советник президента по национальной безопасности У. Росту обозначил «Наступление Тэт» как наихудший провал разведки в ходе войны [12, р. 122]. Группа аналитиков Пентагона, изучавшая роль разведки в период Тэт, пришла к следующему выводу: «Хотя и поступали сообщения о скоординированных нападениях на города до начала Наступления Тэт, но они были больше похожи на голоса в толпе, чем на предупреждения о катастрофе» [15, р. 15].

Новый министр обороны К. Клиффорд утверждал: «Наиболее серьезной потерей в Тэт была утрата доверия общественности к лидерам. Тэт нанес ущерб администрации там, где она больше всего нуждалась в поддержке – со стороны Конгресса и американской общественности» [4, р. 143]. Последовали критические замечания и в адрес Южного Вьетнама. Вице-президент Х. Хэмфри заявил, что США выбрасывали «жизни и деньги в коррумпированную крысиную нору», поддерживая непопулярный режим Нгуен Ван Тхиеу [12, р. 117].

Сенатор Р. Кеннеди заявил, что «Наступление Тэт» окончательно сорвало маску официальной иллюзии, с помощью которой американцы скрывали истинное положение дел от самих себя [17, р. 186]. Американский обозреватель Б. Броди заявил, что «Наступление Тэт» было, «вероятно, уникальным в том смысле, что сторона, полностью проигравшая в тактическом смысле, одержала сокрушительную психологическую и, следовательно, политическую победу» [7, р. 203–204]. По мнению репортера агентства CBS У. Кронкайта, в 1968 г. США «оказались в тупике» [12, р. 115].

Репортер Х.Д.С. Гринуэй («Time», «The Washington Post»), работавший в 1968 г. в Хюэ, дал собственную оценку событиям: «Это правда, что Вьетконг получил ужасный удар во время Тэт. Но коммунисты всегда удерживали инициативу. Они могли зализывать раны, возвращаться и сражаться в том самом месте и в то самое время, которые они определили. Они не побеждали в каждом бою, но изматывали нас... Для нас это была победа в узком смысле. Они не смогли овладеть большой территорией, но одержали победу в политической войне. “На-

ступление Тэт” продемонстрировало, что все американские идеи прогресса – иллюзия» [1, р. 261]

Таким образом, кампания активных действий, предпринятых НВСО-ВНА в феврале-марте 1968 г., завершилась неудачей коммунистических сил. Они не достигли поставленных целей, понесли значительные потери. В феврале-марте общий урон НВСО-ВНА превысил 45 тыс. чел. убитыми [11, р. 540]. Американский журналист Д. Обердофер, очевидец событий, утверждал: «Вьетконг потерял лучшее поколение бойцов сопротивления, и после Тэт все большее число северовьетнамцев приходилось отправлять на юг, чтобы восполнить ряды» [19, р. 130].

Во многих городах Южного Вьетнама были уничтожены подпольные структуры НФОЮВ. Сотрудник ЦРУ, капитан морской пехоты США Р. Слейтер отмечал: «Кадры подпольной инфраструктуры Вьетконга были почти недостижимы. Любые потери до этого были незначительны. Однако, уверенные в своей победе во время “Наступления Тэт”, они обнажили свои ключевые кадры. Результаты хорошо известны. В ходе атак Вьетконг потерял тысячи своих наиболее ценных работников, включая незаменимых ветеранов, имевших за плечами 10–20 лет революционной деятельности» [20, р. 181].

Не произошло массового перехода солдат и офицеров армии Юга на сторону НВСО. Сайгонская армия осталась лояльной правительству. На многих участках южновьетнамские военные умело и храбро сражались.

В 1968 г. осложнились отношения населения Южного Вьетнама с НФОЮВ. Крупных антиправительственных выступлений во время «Наступления Тэт» не было зафиксировано. Обердофер объяснял это следующим образом: «Война все больше становилась обычным сражением, а не повстанческим движением. Поскольку горожане не восстали против иностранцев и их марионеток во время Тэт ... притязаниям коммунистов на моральный и политический авторитет в Южном Вьетнаме был нанесен серьезный удар» [20, р. 130].

Начальник финансовой части подразделения НВСО, взятый в плен в 1969 г., на допросе показал: «Мы понесли большие кадровые потери в 1968 г... Мои собственные действия стали более сложными и опасными. Ситуация со сбором налогов серьезно ухудшилась, потому что население было разочаровано нами. Мы обещали свергнуть правительство в ходе Генерального

наступления и на основе этого обещания собрали очень высокие налоги. В 1969 г., когда я попытался вновь собрать налог, население было разгневано этим» [16, р. 111].

Вместе с тем, в последующие месяцы 1968 г. отмечалось разочарование вьетнамцев Соединенными Штатами и собственным властям. В первую очередь это справедливо в отношении населения городов Юга, которые стали ареной тяжелых боев. Причиной перемены настроений были масштабные разрушения, гибель тысяч невинных людей. Отторжение многих вьетнамцев вызывали жестокое обращение американско-сайгонских войск с арестованными, пленными.

В ходе боевых действий в феврале – начале марта 1968 г. погибло 14 300 гражданских лиц, 24 000 были ранены, 627 тыс. чел. пополнили ряды беженцев. В результате бомбардировок ВВС США и артобстрелов было разрушено 72 тыс. домов. Из 35 городов Южного Вьетнама серьезно пострадали 10 [8, р. 125]. Майор армии США, воевавший в Бенче, в интервью журналисту П. Арнетту признал: «Нам пришлось уничтожить город, чтобы его спасти» [6, р. 358].

По данным американских чиновников, материальный ущерб, нанесенный 13 провинциям, был столь велик, что это полностью сорвало осуществление на их территории программы «умиротворения», развернутой США на Юге в 1967 г. [8, р. 125]. Под угрозой оказалось проведение Сайгоном аграрной реформы.

Фоторепортер Ф.Дж. Гриффитс отмечал: «Американцы всегда говорили вьетнамцам, что в городах они будут в безопасности. Но в 1968 г. вьетконговцы показали: “В этих городах небезопасно”. И вот тогда наступило большое разочарование. Все говорят о том, что Тэтское наступление разочаровало американцев, но оно также разочаровало многих вьетнамцев, которые были верны правительству. Если вы посмотрите на карту Сайгона 1968 г. и зададите вопрос “Где самая высокая концентрация проамерикански настроенных вьетнамцев?”, ответ будет – Восьмой район. И этот район уничтожили американцы» [1, р. 295].

Таким образом, действия американско-сайгонских войск отчетливо продемонстрировали невозможность достижения Соединенными Штатами военной победы в Южном Вьетнаме. Несмотря на понесенный урон основные силы НВСО-ВНА к середине лета 1968 г. восстанови-

ли свою боеспособность. По данным командующего «корпусом 559» ВНА генерал-лейтенанта Донг Сай Нгуена, в период сухого сезона 1968 г. из ДРВ на Юг было переправлено 124 тыс. чел. [3, р. 96]. Это позволило существенно возместить потери.

Весной 1968 г. администрация Л. Джонсона отказалась от дальнейшей эскалации войны в Индокитае. Уэстморленд выдвинул предложение об отправке в Южный Вьетнам 200 тыс. чел., но министр обороны Р. Макнамара не поддержал его. До конца 1968 г. численность группировки США все же была доведена до 536 тыс. чел. [11, р. 413]. Вместе с тем, масштабность войсковых операций против НВСО-ВНА сокращалась.

Началась разработка новой военной доктрины для борьбы с коммунистическими силами Вьетнама. Основное содержание будущего проекта заключалось в постепенной передаче южновьетнамской армии ответственности за борьбу с НФОЮВ. В апреле 1968 г. по рекомендации министра обороны США К. Клиффорда, сменившего Р. Макнамара, штаб Уэстморленда разработал пятилетний план по укреплению боеспособности вооруженных сил Южного Вьетнама. Командование сайгонской армии создало собственный проект военной реформы – План № 6 [22, р. 127]. Генерал К. Абрамс, сменивший Уэстморленда, получил указание придерживаться оборонительной стратегии.

В США усиливалось антивоенное движение. В ходе президентских выборов кандидат на пост главы Белого дома Р. Никсон в своей программе подчеркнул намерение завершить Вьетнамскую войну. Кроме того, «Наступление Тэт» стало одной из основных причин начала переговорного процесса между США, Южным Вьетнамом и НФОЮВ по мирному урегулированию в Индокитае, открывшихся в Париже в 1969 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Appy, Ch.G., 2006. Vietnam: the definitive oral history, told from all sides. London: Ebury Press.
2. Barrett, D.M. ed., 1998. Lyndon B. Johnson's Vietnam papers: a documentary collection. College Station: Texas A & M University Press.
3. Dong Si Nguyen, 2005. The Trans-Truong Son Route: a memoir. Hanoi: The Gioi Publishers.
4. Gaiduk, I.V., 1996. The Soviet Union and the Vietnam War. Chicago: Ivan R. Dee.
5. Gilmore, D.L. and Giangreco, D.M., 2006. Eyewitness Vietnam: firsthand accounts from

Operation Rolling Thunder to the fall of Saigon. New York: Sterling.

6. Ham, P., 2006. Vietnam: the Australian war. Sydney: Harper Collins.

7. Herring, G.C., 1996. America's longest war: the United States and Vietnam, 1950–1975. New York: McGraw-Hill.

8. Isserman, M., 1995. Witness to war: Vietnam. New York: Perigee Books.

9. Isserman, M., 2003. Vietnam War. New York: Facts on File.

10. Karnow, S., 1991. Vietnam: a history. London: Pimlico.

11. Kutler, S.I., 1996. Encyclopedia of the Vietnam War. New York: Simon & Schuster.

12. Lawrence, M.A., 2008. The Vietnam War: a concise international history. Oxford: Oxford University Press.

13. Maclear, M., 1991. Vietnam: the ten thousand day war. London: Thames Mandarin.

14. McNamara, R.S., 1995. In retrospect: the tragedy and lessons of Vietnam. New York: Random House.

15. Nalty, B.C., 2000. Air war over South Vietnam, 1968–1975. Washington: Air Force History and Museums Program.

16. Neale, J., 2003. A people's history of the Vietnam War. New York: The New Press.

17. Olson, J.S. and Roberts, R., 1991. Where the domino fell. America and Vietnam, 1945 to 1990. New York: St. Martin's Press.

18. Shaffer, H.B., 2003. Ellsworth Bunker: global troubleshooter, Vietnam hawk. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

19. Summers, H.G., 1995. Historical atlas of the Vietnam War. Boston: Houghton Mifflin Co.

20. Valentine, D., 2000. The Phoenix program. New York: Authors Guild Backinprint.com.

21. Vetter, L.C., 1996. Never without heroes: Marine Third reconnaissance battalion in Vietnam, 1965–1970. New York: Ivy Books.

22. Wiest, A., 2008. Vietnam's forgotten army: heroism and betrayal in the ARVN. New York: New York University Press.

Д.А. Войтко, Д.В. Лихарев*

РОЛЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО МОРСКОГО ПАРОХОДСТВА В ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ 1964–1973 гг.

Военная и экономическая помощь СССР сыграла решающую роль в консолидации военных усилий Демократической Республики Вьетнам во время Вьетнамской войны. Подавляющее большинство советских грузов стратегического назначения доставлялось в северный Вьетнам морским путем. В статье рассматривается участие Дальневосточного морского пароходства в реализации этой инициативы. Авторы анализируют факторы, которые повлияли на изменение транспортной логистики и привели к значительному увеличению участия Дальневосточного морского пароходства в перевозке грузов в порты северного Вьетнама после 1967 г. В статье также рассматриваются и другие виды помощи вьетнамской стороне, которые в этот период оказывало пароходство (предоставление судов во фрахт, обеспечение аварийно-спасательных и подводно-технических работ).

Ключевые слова: Вьетнамская война, СССР, Дальневосточное морское пароходство, экономическая помощь, морские перевозки

The role of the Far Eastern Shipping Company in providing assistance to the Democratic Republic of Vietnam during the Vietnam war (1964–1973). DENIS A. VOITKO, DMITRIY V. LIKHAREV (Far Eastern Federal University)

Soviet military and economic assistance was crucial for the consolidation of the military efforts of the Democratic Republic of Vietnam during the Vietnam War. The vast majority of Soviet strategic cargo was delivered to North Vietnam by sea. The article discusses the participation of the Far Eastern Shipping Company in the implementation of this initiative. The authors analyze the factors that influenced the change in transport logistics after 1967 and led to a significant increase in FESCO's participation in the transportation of goods to the ports of North Vietnam. The article also discusses other types of assistance to the Vietnamese side that the shipping company provided during this period.

Keywords: Vietnam War, USSR, Far Eastern Shipping Company, economic assistance, shipping

* ВОЙТКО Денис Александрович, магистрант Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: voitko.da@students.dvfu.ru

ЛИХАРЕВ Дмитрий Витальевич, доктор исторических наук, профессор Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: liharev.dv@dvfu.ru

© Войтко Д.А., Лихарев Д.В., 2023

Тема советско-вьетнамских контактов в период войны во Вьетнаме широко освещена в работах как научного, так и публицистического характера. В этих трудах, как правило, делается акцент на военном сотрудничестве, поставках вооружения из СССР, а также различных аспектах международных отношений. Однако часто упускается из виду очень важный вопрос организации перевозок и транспортного обеспечения связей между СССР и Демократической Республикой Вьетнам (ДРВ). На протяжении войны во Вьетнаме СССР оказывал ДРВ помощь как военного, так и гражданского характера. Поставки из СССР состояли из огромного количества товаров повседневного спроса, сырья, транспорта, оборудования, вооружения и др. В связи с географическим положением Вьетнама одним из самых удобных способов доставки грузов из СССР в ДРВ являлась доставка по морю. Именно работа морского транспорта, на долю которого выпала основная нагрузка, сыграла особую роль в консолидации военных усилий ДРВ во время конфликта 1964–1973 гг.

Поставки советских грузов в ДРВ морским путем обеспечивались несколькими пароходствами СССР. Систематические рейсы во Вьетнам осуществлялись из портов Черного моря Черноморским морским пароходством (ЧМП) и Новороссийским морским пароходством (НМП), а также из портов Дальнего Востока – Дальневосточным морским пароходством (ДВМП) и Приморским морским пароходством (ПМП)¹. Отдельные редкие рейсы осуществлялись судами Балтийского морского пароходства (БМП).

Критерием выбора пароходств, пригодных для выполнения рейсов во Вьетнам, послужило их географическое положение. Черное море находится на значительном удалении от территории Вьетнама. Морской путь из Одессы, порта приписки кораблей ЧМП, в порты Северного Вьетнама при идеальных условиях и без задержек в пути при скорости в 10 узлов составлял около 1 месяца. Для сравнения путь из Владивостока, порта приписки судов ДВМП, при тех же условиях составлял около 10 дней. Соответственно, Дальневосточное морское пароходство являлось более предпочтительным вариантом перевозчика при организации транспортной

логистики. Однако в данном случае ситуация усложнялась удаленностью Дальнего Востока от крупнейших промышленных центров Советского Союза.

До 1967 г. отправка большей части грузов морем в ДРВ осуществлялась силами Черноморского морского пароходства. В июне 1967 г. Суэцкий канал был перекрыт в связи с началом арабо-израильской войны [13, с. 156]. В результате закрытия канала изменился и маршрут перевозок. В сложившихся условиях единственным маршрутом доставки грузов из портов Черного моря в ДРВ являлся путь вокруг Африки. Морской путь в обход перекрытого Суэцкого канала составлял более 14 тыс. морских миль, т.е. около 45 суток перехода. Удлинение маршрута привело к увеличению стоимости транзита и нагрузки на экипажи [11].

Помимо закрытия Суэцкого канала на транспортной логистике сказались и советско-китайские отношения. Изначально главной транспортной артерией, соединяющей Советский Союз и Вьетнам, была железная дорога, проходящая через территорию Китайской Народной Республики. Начало «культурной революции» наложило серьезный негативный отпечаток на взаимоотношения СССР и КНР. В сложившихся условиях организовать надежную логистическую систему не представлялось возможным. Китайская сторона постоянно срывала сроки доставок из-за задержки товарных поездов. Имели место и случаи их разграбления в результате нападений хунвейбинов [9, с. 74–75]. Наиболее удобным вариантом в таких условиях являлась отправка грузов морем с использованием мощностей Дальневосточного морского пароходства. Однако ситуация усугублялась тем, что в результате американских бомбардировок в 1966–1967 гг. в ДРВ была разрушена портовая инфраструктура и советские суда не могли эффективно осуществлять разгрузку.

Одним из способов выхода из сложившейся ситуации стала разгрузка морского транспорта в портах КНР с последующей перевозкой грузов сухопутным путем по железной дороге. Однако советские суда прекратили заходы в порты Китая после ряда инцидентов, которые произошли в том числе с судами ДВМП. Так, в декабре 1966 г. в порту Далянь на теплоход «Загорск» был наложен 20 суточный арест. Только после двух поданных протестов со стороны Советского Союза судно было освобождено. В августе 1967 г. также в порту Далянь был задер-

¹ ПМП было выделено из состава ДВМП в отдельную организацию только в 1972 г., поэтому его деятельность в данной статье будет рассматривается как часть деятельности ДВМП.

жан теплоход «Свирск», арестованы капитан, второй помощник и плотник. После протеста со стороны Советского Союза судно было освобождено и вернулось во Владивосток. В марте 1968 г. танкер «Комсомолец Украины» также был задержан в порту Вампу. Китайские военные поднялись на борт, избивали экипаж и пытались изъять судовые документы. В результате 11 моряков получили ранения. Только после протеста Советского Союза моряки и корабль были освобождены. В связи с перечисленными событиями советские суда на 3 года прекратили посещение портов на территории КНР [2, с. 576]. Эти инциденты также способствовали установлению постоянного прямого морского сообщения между портами Дальнего Востока СССР и ДРВ.

Однако к помощи китайской стороны СССР был вынужден прибегнуть вновь в 1972 г. в связи с минированием портов ДРВ. С мая по август 1972 г. судоходство в портах северного Вьетнама было полностью блокировано. С мая 1972 г. по февраль 1973 г. все суда ДВМП завозили грузы через китайский порт Чжаньцзян. Изначально планировалось задействовать в перевозках 4 китайских порта, но Китай ограничил доступ одним портом. Как и ранее, пребывание советских судов в портах КНР проходило трудно: случались задержки при разгрузке, хищения товаров, провокации с китайской стороны [3]. Таким образом, «китайский фактор» оказал серьезное влияние на организацию морских грузоперевозок по дальневосточному маршруту.

Изменения в морских грузоперевозках из СССР в ДРВ зафиксированы в отчетах разведки США. Американская сторона уделяла много внимания морским связям ДРВ. В отчетах ЦРУ ежемесячно фиксировалась активность иностранных судов, перевозимые грузы и их количество. В данных отчетах проводится дифференциация судов, прибывающих из черноморских и дальневосточных портов СССР. К сожалению, отчеты дают информацию о принадлежности судна только в случае прибытия непосредственно из порта приписки. Принадлежность к определенному порту советского судна, прибывающего транзитным рейсом, указывается крайне редко. Тем не менее, на основе этих данных можно выявить некоторые закономерности. В марте 1966 г. все 12 советских судов, зашедших в порты ДРВ, прибыли из Черного моря [19]. В мае 1966 г. из 5 посетивших порты северного Вьетнама советских судов 3

танкера пришли из черноморских портов [20]. В апреле 1967 г. из 71 400 т доставленных грузов 55 000 т были перевезены судами, следовавшими из Новороссийска [24].

Закрытие Суэцкого канала решающим образом сказалось на грузопотоке. На протяжении лета 1967 г. наблюдалось уменьшение количества советских судов, посещавших порты ДРВ, что также нашло отражение в отчетах американской разведки. Необходимо отметить, что на спад активности оказала влияние не только ситуация вокруг Суэцкого канала, но и высокая загруженность порта Хайфон. На этом фоне происходил значительный рост числа судов, пришедших с Дальнего Востока: 5 из 8 в июне 1967 г. [26], 5 из 10 в июле 1967 г. [25], 9 из 12 в августе 1967 г. [21]. В сентябре 1967 г. 5 из 8 прибывших советских судов следовали из дальневосточных портов [30], в октябре 1967 г. – 11 из 13 [27]. В дальнейшем тенденция превалирования дальневосточных судов сохранилась. Так, все посетившие Хайфон в ноябре 1968 г. сухогрузы и танкеры были идентифицированы как пришедшие с Дальнего Востока, что являлось максимальным показателем за все время войны [28]. В последующие годы войны суда ДВМП стабильно составляли большую часть советских судов, прибывавших в порты ДРВ.

Если до 1967 г. силами ДВМП на территорию ДРВ доставлялась лишь треть всех грузов, после 1968 г. соотношение меняется и доля ДВМП превышает 50% от общего объема [13, с. 156]. В 1970 г. 83% всех перевезенных из СССР в ДРВ грузов было доставлено судами ДВМП (Рукопись В.П. Бянкина. Музей Дальневосточного морского пароходства). С 1964 г. по 1973 г. 120 судов ДВМП посетили порты ДРВ, было совершено более 900 заходов [15, с. 232]. Ежемесячно до 40 советских океанских судов швартовались во вьетнамских портах, каждый день в Хайфоне находилось 6–8 судов [10]. Установившееся стабильное морское сообщество получило неофициальное название «Мост дружбы» [11].

Рассматривая участие ДВМП в оказании помощи Вьетнаму, можно выделить несколько направлений данной деятельности: непосредственная перевозка грузов силами пароходства; фрахтование судов ДВМП вьетнамской стороной для удовлетворения собственных потребностей в рамках участия в международной торговле; деятельность экспедиционного отряда

аварийно-спасательных и подводно-технических работ.

Северный Вьетнам нуждался в широком перечне товаров – от сложных технических средств для строительства предприятий до обыкновенного продовольствия. Из СССР в ДРВ поставлялись двигатели, станки, подъемные краны различных типов, нефтепродукты – дизельное и бензиновое топливо, масла, изделия черной и цветной металлургии [4, с. 237–240], автомобили, медикаменты, удобрения, продовольствие [1, с. 48].

Так как Дальний Восток находится на удалении от индустриально развитых районов СССР, доставка многих видов продукции, относящихся в первую очередь к тяжелой промышленности и машиностроению, не могла быть осуществлена силами ДВМП. Подобные грузы переправлялись наземным транспортом из европейской части СССР в черноморские порты и оттуда судами ЧМП перевозились во Вьетнам. Например, турбины для строительства гидроэлектростанции на реке Тяй поставлялись из Харькова и Ленинграда [1, с. 99].

Из портов Дальнего Востока доставлялись определенные группы товаров. В первую очередь это нефтепродукты, т.к. ДВМП обладало многочисленным нефтеналивным флотом. Наибольший рост объема поставок нефтепродуктов произошел после 1967 г. в связи с описанными выше событиями. В 1969 г. две трети всех импортируемых в ДРВ нефтепродуктов было перевезено танкерами ДВМП [23].

Вторую обширную группу товаров составляло продовольствие. В феврале 1970 г. 73% продовольственных товаров было перевезено сухогрузами ДВМП [29]. Из продовольственных товаров наиболее часто Советским Союзом экспортировалась мука, которой с 1965 г. по 1973 г. в ДРВ было перевезено судами ДВМП в объеме более 2 млн т. В 1969 г. мука составила 42% всего импортируемого Вьетнамом продовольствия [23]. По воспоминаниям В.С. Бугрова, участника рейсов во Вьетнам, именно мука являлась наиболее типичным грузом [12, с. 36]. На это указывают и материалы советской печати, в которых среди перевозимых судами ДВМП товаров выделяется мука [10].

ДВМП также внесло весомый вклад в перевозку автотранспорта. Так, в 1969 г. теплоходами «Витим», «Орехов», «Высокогорск» был осуществлен ряд рейсов для доставки грузовых автомобилей [16]. Из 4500 грузовиков, достав-

ленных во Вьетнам, 2400 были перевезены судами ДВМП [23].

Отдельная категория перевозимых грузов – это военные грузы. Их переброска силами советских пароходств не афишировалась и была окружена высоким уровнем секретности. Это касалось и участия ДВМП. По воспоминаниям очевидцев, на присутствие военного груза на борту судна могли указывать определенные признаки. Первый из них – это скорость разгрузки. Главный порт Хайфон был сильно загружен, и суда могли ожидать разгрузки неделями, но те из них, что имели военный груз на борту, получали приоритет. Вторым признаком – надбавки к заработной плате экипажа определенного судна, которые в народе получили название «гробовых» [15, с. 71].

Северный Вьетнам не только импортировал, но и экспортировал товары. В основном из ДРВ вывозилась продукция легкой промышленности, сельского хозяйства и уголь [10, с. 216]. У ДРВ не было собственного торгового флота, пригодного для международных перевозок. Но и наличие такого флота не исправило бы ситуацию, т.к. морское побережье находилось в условиях блокады: даже рыбацкие суда вьетнамцев подвергались нападению со стороны авиации и кораблей США.

Для удовлетворения потребностей внешней торговли Вьетнама была распространена практика фрахтования советских судов для международных перевозок вьетнамских товаров. За период с 1967 г. по 1973 г. через аренду Вьетфрахта прошло 50 судов ДВМП (Рукопись В.П. Бянкина. Музей Дальневосточного морского пароходства). Суды ДВМП фрахтовались на срок от 6 до 16 месяцев. Самыми распространенными пунктами назначения грузов из Вьетнама являлись Япония, Камбоджа, Индонезия, Сингапур. Также зафрахтованные суда использовались для перевозки грузов вдоль побережья ДРВ. Работа экипажей теплоходов «Посыет», «Зея», «Глухов» и «Галич» была особо отмечена представителями Вьетфрахта, а команды представлены к наградам [2, с. 584].

Важным элементом помощи ДВМП являлась деятельность экспедиционного отряда аварийно-спасательных и подводно-технических работ (ЭО АСПТР). Высокая степень концентрации как советских, так и иностранных судов в портах Хайфон, Хонгай, Камфа требовала аварийно-спасательного обеспечения. От Дальневосточного морского пароходства в водах

Вьетнама действовало два спасательных судна. «Аргус» работал в портах ДРВ с октября 1967 г. по январь 1969 г., в январе 1969 г. его сменил «Гелиос».

Спасательные суда занимались снятием с мелей, тушением пожаров, ремонтом и профилактикой подводной части морских причалов, исследованием подводной части судов, проводкой судов с большой осадкой, подготовкой к буксировке поврежденных судов, осуществлением радиосвязи между Москвой, Одессой и Владивостоком. Водолазы отряда отличились при проведении работ по восстановлению подводного трубопровода через реку Кау-Кам, который был поврежден в результате авианалетов. Квалификации вьетнамских водолазов не хватало для проведения работ в условиях слабой освещенности и сильного течения реки [12, с. 123]. Силами отряда спасателей оказывалась помощь и иностранным судам. Судно «Вергармиан» под английским флагом сняли с камней в порту Камфа, отремонтировали подводную часть и подготовили к буксировке. «Рути Ани» сняли с мели в порту Хайфон. «Марианти» под флагом Кипра сняли с мели и отбуксировали на внутренний рейд порта Хайфон. Оказывалась помощь советским судам: «Переславль Залесский» вывели из района сброса бомб замедленного действия, «Ромен Роллан» сняли с мели в порту Хайфон (Вьетнам. ЭО АСПТР. Музей Дальневосточного морского пароходства).

Благодаря действиям советских спасателей в августе 1968 г. удалось избежать катастрофы при пожаре на судне «Александр Грин», на борту которого находилось полторы тысячи тонн аммиачной селитры. Пожар был быстро локализован и взрыв не произошел, но от продуктов горения погибли 6 человек, в том числе и член ЭО АСПТР Ю.В. Терехов, посмертно награжденный орденом Ленина (Рукопись В.П. Бянкина. Музей Дальневосточного морского пароходства).

Период работы спасательного судна «Гелиос» совпал с минированием портов ДРВ американцами в 1972 г. Десятки судов оказались запертыми в акваториях портов. Так, в результате постановки морских мин в Хайфоне оказались заперты 22 судна, в основном принадлежавшие ЧМП и ДВМП. Однако среди них были и иностранные суда – под флагом Польши и ГДР. Наиболее яркий эпизод работы «Гелиоса» связан с проведением судов из заминированных портов. Вся операция по спасению заняла около полу-

тора месяцев [17]. Также «Гелиос» занимался буксировкой поврежденного американцами теплохода ДВМП «Гриша Акопьян». Были произведены подводные и надводные ремонтные работы, частичный демонтаж оборудования, буксировка в Гонконг для его продажи [17].

С осуществлением Дальневосточным морским пароходством рейсов в воюющий Вьетнам связаны несколько трагических случаев. Судна ДВМП подвергались постоянному риску из-за того, что рейсы осуществлялись в район боевых действий. Несколько судов были повреждены в ходе воздушных налетов на порты ДРВ. Наиболее резонансными стали атаки теплоходов «Туркестан» и «Гриша Акопьян».

В июне 1967 г. в порту Камфа во время загрузки углем, предназначенным для Японии, «Туркестан» подвергся атаке американского самолета. В результате 2 члена экипажа были серьезно ранены и впоследствии скончались (электромеханик Николай Рыбачук и боцман Иван Земцов), еще 5 получили легкие ранения. Инцидент вызвал общественный резонанс, Советский Союз выдвинул ноту протеста, США признали свою вину [14].

В мае 1972 г. в том же порту был совершен налет на теплоход «Гриша Акопьян». Последствия налета были гораздо более тяжелыми: на судне начался пожар, который не могли потушить несколько суток. Погиб боцман Ю.С. Зотов, 7 членов экипажа были ранены [12, с. 38]. На этот раз реакция со стороны Советского Союза была не столь однозначной. 10 мая посол СССР в США А.Ф. Добрынин передал ноту протеста советнику президента США по делам национальной безопасности Генри Киссинджеру [6, с. 231]. В «меморандуме о беседе» от 10 мая 1972 г. Киссинджер пишет о том, что факт передачи информации по личному каналу вызвал у него интерес, в связи с чем он спросил у Добрынина: «Следует ли интерпретировать это как желание оставить произошедшее в тайне?» На что четкого ответа не получил. Добрынин отметил лишь трудность принятия данного решения в связи с празднованием Дня Победы в Советском Союзе. Также советский посол отметил, что это добрый знак для будущих отношений [18, р. 796–797].

Данный инцидент также ограничено освещался в советской печати того времени. В газете «Красное знамя», регулярно печатавшей информацию о деятельности ДВМП, инцидент с «Гришей Акопьяном» не упоминался. Нота

протеста не была опубликована, как это было в случае с инцидентом с «Туркестаном». Очевидец атаки на судно «Гриша Акоюн» О.А. Зиновьев указывает на то, что присутствовавшим было рекомендовано молчать о произошедшем инциденте [12, с. 71]. Возможно, такая неоднозначная реакция была вызвана нежеланием портить отношения между странами в связи с готовящимся визитом Никсона в СССР в мае 1972 г.

Заслуги сотрудников ДВМП, моряков и работников портов, были отмечены многочисленными правительственными наградами. За годы Вьетнамской войны 342 моряка ДВМП удостоились советских и вьетнамских наград [8].

Итак, рейсы Дальневосточного морского пароходства изначально не играли роль главного связующего звена между Советским Союзом и ДРВ. Конечно, на начальном этапе войны силами ДВМП перевозились некоторые грузы, но их доля в общем объеме перевозок была менее значительна, чем у ЧМП. С 1967 г. под влиянием внешнеполитических факторов положение изменилось и ДВМП в новых реалиях приняло на себя основную нагрузку грузовых перевозок, установив надежную транспортную магистраль. Это позволило продолжить доставку необходимых северному Вьетнаму товаров в прежнем объеме, а в будущем и увеличить масштабы перевозок. Помимо этого, Дальневосточное морское пароходство помогло вьетнамской стороне предоставлением судов во фрахт и обеспечением работы спасательной службы во вьетнамских портах, что также имело большое значение, ведь ДВМП было единственным советским пароходством в регионе, которое располагало достаточными мощностями для решения данных задач. Дальневосточное морское пароходство понесло ряд людских и материальных потерь в ходе осуществления своей работы в зоне боевых действий, однако, вопреки всем трудностям, выполнило возложенную на него задачу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афонин С.Н. Жаркие годы. М., 2011.
2. Бабаевский М.С., Бянкин В.П. и др. Дальневосточное морское пароходство, 1880–1980. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1980.
3. Бянкин В. Верность интернациональному долгу // Водный транспорт. 1979. 24 марта.
4. Внешняя торговля СССР за 1966 год. Статистический обзор. М.: Международные отношения, 1967.

5. Внешняя торговля СССР за 1970 год. Статистический обзор. М.: Международные отношения, 1971.

6. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996.

7. Заявление советского правительства // Красное знамя. 1972. 13 мая.

8. Иванов В.В. Участие торгового флота СССР в оказании помощи Демократической Республике Вьетнам в период иностранной интервенции в Индокитае 1964–1975 гг. // Социальное и экономическое развитие АТР: проблемы, опыт, перспективы. Материалы IV Международной заочной научно-практической конференции (Комсомольск-на-Амуре, 17–26 октября 2011 г.). Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПГУ, 2012. С. 77–87.

9. Иванов В.В. Советско-вьетнамское сотрудничество и позиция КНР в 1965–1967 гг. // Россия и АТР. 2010. № 4. С. 66–77.

10. Морской мост: Советский Союз – Вьетнам // Дальневосточный моряк. 1970. 1 сентября.

11. Мост в тысячи миль // Правда. 1973. 13 февраля.

12. Мост дружбы: Владивосток – Хайфон. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1989.

13. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / Под ред. В.Л. Ларина, А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016.

14. Признание Пентагона // Красное знамя. 1967. 21 июня.

15. Приморье – Вьетнам: мост дружбы. Владивосток: Морской гос. университет, 2015.

16. Розин А. Основная транспортная магистраль. Советские моряки в оказании интернациональной помощи Вьетнаму в обретении независимости и отражении американской агрессии. URL: <http://alerozin.narod.ru/DRV/VietnamSovietShips-4.htm>

17. Симаков В. Последний путь теплохода «Гриша Акоюн». URL: <http://www.akopyan2.narod.ru/simakov.html>

18. Foreign Relations of the United States. 1969 – 1976. Vol. XIV. The Soviet Union. October 1971 – May 1972. Washington: US Government Printing Office, 2006.

19. Intelligence Memorandum. Foreign shipping to North Vietnam during March 1966. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070054-6>

20. Intelligence Memorandum. Foreign shipping to North Vietnam during May 1966. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070056-4>

21. Intelligence Memorandum. Foreign shipping to North Vietnam during August 1967. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070071-7>

22. Intelligence Memorandum. Foreign shipping to North Vietnam during October 1967. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070073-5>

23. Intelligence Memorandum. Foreign Shipping to North Vietnam in 1969. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp85t00875r001600030020-6>

24. Intelligence Memorandum. Foreign Shipping to North Vietnam in April 1967. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070067-2>

25. Intelligence Memorandum. Foreign Shipping to North Vietnam in July 1967. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070070-8>

26. Intelligence Memorandum. Foreign Shipping to North Vietnam in June 1967. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070069-0>

27. Intelligence Memorandum. Foreign Shipping to North Vietnam during October 1967. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070073-5>

28. Intelligence Memorandum. Foreign Shipping to North Vietnam during November 1968. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070085-2>

29. Intelligence Memorandum. Shipping to North Vietnam during February 1970. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp85t00875r001600030034-1>

30. Intelligence Memorandum. Shipping to North Vietnam during September 1967. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070072-6>

REFERENCES

1. Afonin, S.N., 2011. Zharkie gody [Hot years]. Moskva. (in Russ.)

2. Babaevskii, M.S., Byankin, V.P. et al., 1980. Dal'nevostochnoe morskoe parokhodstvo, 1880–1980 [Far Eastern Shipping Company, 1880–1980]. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo. (in Russ.)

3. Byankin, V., 1979. Vernost' interna-tional'nomy dolgu [Loyalty to the international duty], Vodnyi transport, March 24. (in Russ.)

4. Vneshnyaya trgovlya SSSR za 1966 god. Statisticheskii obzor [Foreign trade of the USSR in 1966. Statistical survey]. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1967. (in Russ.)

5. Vneshnyaya trgovlya SSSR za 1970 god. Statisticheskii obzor [Foreign trade of the USSR in 1970. Statistical survey]. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1971. (in Russ.)

6. Dobrynin, A.F., 1996. Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentakh SShA (1962 – 1986) [In confidence: Moscow's ambassador to six Cold War presidents]. Moskva: Avtor. (in Russ.)

7. Zayavlenie sovetskogo pravitel'stva [Statement by the Soviet Government], Krasnoe znamya, 1972, May 13. (in Russ.)

8. Ivanov, V.V., 2012. Uchastie torgovogo flota SSSR v okazanii pomoshchi Demokraticheskoi Respublike V'etnam v period inostrannoi interventsii v Indokitae 1964–1975 gg. [Participation of the USSR merchant fleet in the aid to the Democratic Republic of Vietnam during the period of foreign intervention in Indochina, 1964–1975]. In: Sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie ATR: problemy, opyt, perspektivy. Materialy IV Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Komsomol'sk-na-Amure, 17–26 oktyabrya 2011 g.). Komsomolsk-na-Amure: Izd-vo AmGPGU, 2012, pp. 77–87. (in Russ.)

9. Ivanov, V.V., 2010. Sovetsko-v'etnamskoe sotrudnichestvo i pozitsiya KNR v 1965–1967 gg. [Soviet-Vietnamese cooperation and the position of the PRC in 1965–1967], Rossiya i ATR, no. 4, pp. 66–77. (in Russ.)

10. Morskoi most. Sovetskii Soyuz – V'etnam [Sea bridge. The Soviet Union – Vietnam], Dal'nevostochnyi moryak, 1970, September 1. (in Russ.)

11. Most v tysyachi mil' [A thousand miles bridge], Pravda, 1973, February 13. (in Russ.)

12. Most druzhby: Vladivostok – Khaifon [Vladivostok – Haiphong: the bridge of friendship]. Vladivostok: Dalnevost. kn. izd-vo, 1989. (in Russ.)

13. Larin, V.L. and Vashchuk, A.S. eds., 2016. Obshchestvo i vlast' na rossiiskom Dal'nem Vostoke v 1960–1991 gg. (Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 5) [The history of the Russian Far East. Vol. 3. Book 5. Society and power

in the Russian Far East, 1960–1991]. Vladivostok: ИАЕ DVO RAN. (in Russ.)

14. Priznanie Pentagona [Confession of Pentagon], Krasnoe znamya, 1967, July 21. (in Russ.)

15. Primor'ye – V'etnam: most druzhby [Primorye – Vietnam: the bridge of friendship]. Vladivostok: Morskoi gos. universitet, 2015. (in Russ.)

16. Rozin, A. Osnovnaya transportnaya magistral'. Sovetskie moryaki v okazanii internacional'noi pomoshchi V'etnamu v obretanii nezavisimosti i otrazhenii amerikanskoj agressii [The main transport route. The Soviet seamen and their aid to Vietnam in gaining independence and repelling American aggression]. URL: <http://alerozin.narod.ru/DRV/VietnamSovietShips-4.htm>

17. Simakov, V. Poslednii put' teplokhoda «Grisha Akopyan» [The last voyage of «Grisha Akopyan»]. URL: <http://www.akopyan2.narod.ru/simakov.html>

18. Foreign Relations of the United States. 1969 – 1976. Vol. XIV. The Soviet Union. October 1971 – May 1972. Washington: US Government Printing Office, 2006.

19. Intelligence Memorandum. Foreign shipping to North Vietnam during March 1966. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070054-6>

20. Intelligence Memorandum. Foreign shipping to North Vietnam during May 1966. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070056-4>

21. Intelligence Memorandum. Foreign shipping to North Vietnam during August 1967. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070071-7>

22. Intelligence Memorandum. Foreign shipping to North Vietnam during October 1967. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070073-5>

23. Intelligence Memorandum. Foreign Shipping to North Vietnam in 1969. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp85t00875r001600030020-6>

24. Intelligence Memorandum. Foreign Shipping to North Vietnam in April 1967. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070067-2>

25. Intelligence Memorandum. Foreign Shipping to North Vietnam in July 1967. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070070-8>

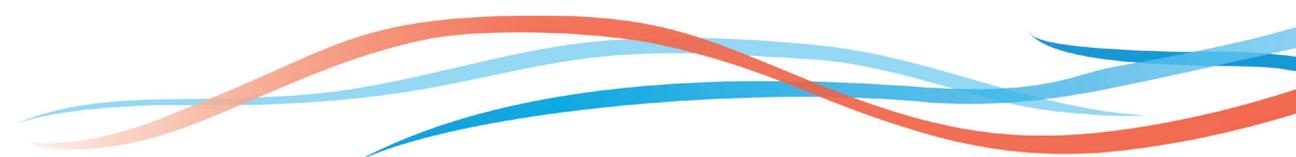
26. Intelligence Memorandum. Foreign Shipping to North Vietnam in June 1967. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070069-0>

27. Intelligence Memorandum. Foreign Shipping to North Vietnam during October 1967. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070073-5>

28. Intelligence Memorandum. Foreign Shipping to North Vietnam during November 1968. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070085-2>

29. Intelligence Memorandum. Shipping to North Vietnam during February 1970. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp85t00875r001600030034-1>

30. Intelligence Memorandum. Shipping to North Vietnam during September 1967. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/document/cia-rdp78t02095r000800070072-6>

В.В. Карпункова*

ИДЕЯ «ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА» Ф. ФУКУЯМЫ В КОНТЕКСТЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена идее «терапевтического поворота» Ф. Фукуямы в контексте его концепции современного общества как мозаики идентичностей. Особенности трактовки терапевтического поворота у Фукуямы выявляются через обращение к схожим концепциям и идеям других исследователей, среди которых – М. Фуко, А. Негри, Дж. Агамбен, Ж. Бодрийяр, Й. Радкау, Дж. Батлер и др. Автор приходит к выводу, что недостатком анализируемой концепции является тот факт, что Фукуяма упускает из виду промежуточное звено между индивидами и институтами, которым являются коммуникативные практики жизненного мира.

Ключевые слова: Ф. Фукуяма, терапевтический поворот, идентичность, биополитика, медицинский контроль, социальные институты

Francis Fukuyama's idea of the therapeutic turn in the context of understanding the transformation of modern society. VICTORIA V. KARPUNKOVA (Far Eastern Federal University)

The article is devoted to Francis Fukuyama's idea of «therapeutic turn» analyzed in the context of his concept of modern society as a mosaic of identities. The features of Fukuyama's interpretation of the therapeutic turn are revealed through an appeal to similar concepts and ideas of other researchers, including M. Foucault, A. Negri, G. Agamben, J. Baudrillard, J. Radkau, J. Butler and others. The author comes to the conclusion that the disadvantage of this concept concerns the fact that Fukuyama ignores the mediative link between individuals and social institutions that is carried out by the communicative practices of the life world.

Keywords: Francis Fukuyama, therapeutic turn, identity, biopolitics, medical control, social institutions

Введение

В последние десятилетия в обществах современного типа происходят коренные изме-

нения. Диагноз, поставленный М. Фуко дисциплинарному обществу, показывает свои границы. Больше не существует классических

* КАРПУНКОВА Виктория Викторовна, аспирант Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: karpunkova.vv@dvfu.ru

© Карпункова В.В., 2023

дисциплинарных пространств изоляции, и механизмы власти осуществляются иначе. Изменения жизненных практик приводят к кризису установленного социального порядка, поскольку развитие индивидуалистических тенденций влечет за собой трансформацию запросов, предъявляемых человеком системе. Вместе с тем, ожидаемо, появляются квазидисциплинарные формы контроля за жизнедеятельностью индивидов. Если раньше дисциплинарность погружала человека в однородное пространство общих правил, то теперь все большее значение приобретают индивидуалистические ценности и принцип удовлетворения желаний. Это именно те обстоятельства, на которых акцентирует внимание Ф. Фукуяма. Одним из самых характерных проявлений этой тенденции становится терапевтическое или психотерапевтическое сопровождение траектории человеческой жизни, которое, следуя логике М. Фуко, Фукуяма называет терапевтическим поворотом. Сам Фукуяма не дает развернутой трактовки данного понятия, однако мы считаем возможным раскрыть перспективы подобного взгляда на состояние современного человека и общества, поскольку не только Фукуяма, но и ряд других исследователей обращают внимание на эту тенденцию. Среди авторов, затронувших данную проблематику в своих работах, – Ж. Бодрийяр, Й. Радкау, Дж. Батлер и др.

Раскрыть перспективы использования данной идеи Ф. Фукуямы для осмысления трансформации современного общества нам поможет метод аналитического расслоения модусов человеческого существования [25], который проливает свет на характер формирования дисциплинарных пространств и позволяет проследить, как установленный дисциплинарный порядок отзывается на индивидуальные запросы и стихийно возникающие коммуникативные практики. В свете данного метода терапевтические практики предстают в виде трехслойной структуры, начало которой положено индивидуальным запросом, вызванным тем или иным дискомфортом или потребностью. Этот запрос не имел бы никакого социального значения, если бы индивид не был коммуникативно информирован о возможностях терапевтического вмешательства и не мог вступить в непосредственную коммуникацию с терапевтом, что формирует систему личных ожиданий и перспективу возможных действий. На третьем уровне запросы и ожидания получают свою реализацию в той

или иной институциональной форме (больница, поликлиника, частная консультация, законодательное регулирование отношений врача и пациента). Следует заметить, что все эти три уровня одновременно присутствуют в реальном действии индивида, когда он получает ту или иную терапевтическую поддержку. Необходимость их различения вызвана тем, что только при этом условии можно увидеть различия логик мотивации, коммуникации и организации и почти неизбежный конфликт между ними.

В нашем исследовании мы накладываем данную схему на представленную Ф. Фукуямой концепцию идентичности, частью которой является понятие терапевтического поворота, и иллюстрируем свой подход примерами из современных социально-политических практик с целью увидеть детали тех изменений, которые совершаются в современных обществах, и оценить роль, которую в них сегодня играет терапия.

Понятия «терапевтический поворот» и «идентичность» в социальной философии Ф. Фукуямы

Рассматривая тренды, характерные для обществ современного типа, американский философ и политолог Ф. Фукуяма в своей работе «Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия» выявляет социально значимую тенденцию стремления современной личности к формированию собственной идентичности. Эта тенденция складывается в контексте той особой важности, которую приобретают ценности свободы и личного достоинства, саморазвития, уважения и признания прав. При этом происходит и самоопределение малых групп по критериям субкультурной общности, гендеру или статусу. Согласно общей позиции Фукуямы, формирование индивидуально ориентированных идентичностей является одной из главных движущих сил современных социальных процессов.

Как указывает автор, толчком к написанию этой книги для него послужили политические события периода президентства Д. Трампа, которые он трактует как ярко выраженный институциональный кризис, и пытается найти его причину¹. Он видит ее в том, что современные

¹ Фукуяма отмечает проблему «вязкости», неэффективности социальных и политических институтов и в более ранних работах, например, в книге «Государственный порядок» [18].

институты теряют способность интегрировать множественность идентичностей граждан современного государства, превращаются в косную структуру, уже не отвечающую запросам индивидов [20]. Важность человеческого, поведенческого фактора настолько возросла, что способна потрясти политические устои государства. Фукуяма отмечает значительный рост разобщенности между самими индивидами, дробление на все меньшие группы, препятствующее интеграции в общество в целом. Это явление автор называет сосуществованием «закоренелых индивидуалистов», лишенных объединяющих ценностей, слабо социализированных, теряющих способность к созданию крупных общностей и вследствие этого испытывающих недоверие к установленным институтам. «Либеральный режим первенства прав личности в своем расширении и умножении самого числа таких прав двигается к своему логическому пределу, ... практически не осталось ни одного сообщества, чей авторитет не был бы поставлен этим расширением под вопрос» [19, с. 27]. Исходя из этого Фукуяма заявляет о настоятельной необходимости рассмотреть под иным углом зрения отношения человека и института. Сделать это он предлагает путем возвращения к понятию «признания», на которое следует опираться при осуществлении социального и политического анализа [7].

Автор отмечает критическую важность теоретических концепций в политической аналитике. Утверждая, что «способность теоретизировать – важный фактор эволюционного успеха рода человеческого», он указывает на недостаточность экономического обоснования мотивов человеческого поведения и все возрастающую роль собственно психологических и культурных ценностей [20, с. 36]. Так, значительная часть экономических и политических теорий позиционируют человеческое поведение как стремление к максимальной выгоде. Часто имеется в виду именно калькулируемая выгода от предпочтительной заработной платы, марки и цены автомобиля и т.д. для трудящихся, вплоть до «количества гурий в раю» для террориста-смертника. Однако, по Фукуяме, акцент на таких выгодах существенно снижает прогностическую способность теорий. Безусловно, материальные стимулы имеют значение для индивидов, а поведенческая экономика дает объяснение многим человеческим поступкам, тем не менее в этой связи Фукуяма предлагает снова

обратить более пристальное внимание на неисчисляемую, нематериальную сторону вопроса. «Вряд ли можно сказать, что мы “желаем” болезненных, опасных или разорительно дорогих вещей точно так же, как мы желаем пищи или денег на счете. Поэтому мы должны обратиться к другим описаниям человеческого поведения, которые выходят за рамки доминирующих сегодня экономических. Такое более широкое понимание существовало всегда; проблема в том, что мы часто забываем вещи, которые знали когда-то» [20, с. 39]. Одной из ключевых позиций здесь является «жажда признания». Фукуяма обращается к идеям таких авторов, как Платон, М. Лютер, Ж.-Ж. Руссо, Г.В.Ф. Гегель и др. Используя сюжет платоновского диалога «Государство», он выделяет термин «тимос», обозначая им ту часть души, которая вмещает отделенные от рассудка гнев и гордость. Но если Платон считает, что тимосом обладают не все люди, а лишь определенный класс людей, а именно воины и стражи, то Фукуяма подчеркивает, что эти порывы души присущи всем людям. Желание быть замеченным, уважаемым, самобытным служит мощным источником мотивации для современного человека.

Предпосылку для зарождения самой идеи идентичности в европейской культуре (впрочем, значительно отличающейся от современной) Фукуяма определяет, обращаясь к М. Лютеру, теология которого стала отправной точкой для размежевания внутреннего и внешнего в структуре личности. Именно Лютер одним из первых в западной мысли, по мнению Фукуямы, выводит понятие внутреннего «я» как важнейшей части человеческой природы на пути к спасению.

Далее, говоря об идеях Ж.-Ж. Руссо, автор также отмечает трактовку внешних правил, законов и внутреннего «я» как не соответствующих друг другу. Приоритет, отданный французским философом внутреннему, становится еще одним шагом на пути развития понятия идентичности.

Французская революция окончательно высвободила изобилие подавленной дисциплинарным обществом жажды признания. Современные общества унаследовали эту тенденцию. Борьбой за идентичность и индивидуальность охвачены как достаточно развитые из них, так и те, что еще не до конца прошли демократическую модернизацию. Эти обстоятельства, так или иначе, ведут к накалу политических

страстей, «революциям достоинства», различным протестным движениям (например, феномен «арабской весны»). А кроме того влияют на частные запросы индивидов, адресуемые институциональной системе, и в целом на восприятие человеком самого себя и своей роли. С ростом человеческой мобильности расширяется и возможность самоопределения [16]. Пестрая мозаика идентичностей способствует дроблению общества и порождает кризисные явления в традиционной институциональности, не успевающей трансформироваться с достаточной скоростью. Требования носителей различных идентичностей (личных и групповых) размывают институциональный (дисциплинарный) порядок. В обществе, где доминирующая роль уже не принадлежит институтам, а индивидуалистический нарциссизм повышает требования к системе, возникает спрос на практики, реализуемые в терапевтическом контексте. По мнению Фукуямы, терапия становится заменой религии и ответственности, а признание индивидуального связывается с терапевтическим. Ранее «правительство “признавало” своих граждан, предоставляя им индивидуальные права, но государство не считалось ответственным за повышение самооценки каждого индивида» [20, с. 133]. Сегодня счастье человека напрямую связывается с его самооценкой. Таким образом, терапевтический поворот совершается в согласии с современным пониманием идентичности, а именно с утверждением, что личные нужды должны быть удовлетворены, а потенциалы – реализованы. Недостаток же современных институтов состоит именно в том, что они пытаются предписывать человеку определенные роли и правила, при этом сдерживая индивидуальные желания, что противоречит требованию идентичности. Терапевтические контексты, по мнению Фукуямы, сегодня активно мигрируют в сферу политического. «Требование терапии» связывается с требованием различных политических реформ, нововведений или, напротив, возвращения к тем или иным «архаичным» моделям социальных практик. Общество может иметь запрос на «хирургическое удаление» того, что в контексте идеологии, тревожности, неудовлетворенности трактуется как «патология». Примером здесь могут служить выраженные антиэмигрантские настроения, «битвы за язык» (стремление обеспечить монопольную среду и избежать «инфицирования» общества языками иммигрантов) в неко-

торых странах [23]. Фукуяма также указывает на возможность в ближайшем будущем человечества серьезных политических, экономических и социальных эффектов, вызванных терапевтическими запросами общества, а именно распространением сферы услуг на сложные медицинские технологии, такие как биомедицина, генные модификации плода, планирование пола ребенка по желанию родителей, чрезмерное применение лекарственных средств для коррекции поведения ребенка, для обеспечения «удобства» воспитания. Это может привести к значительному дисбалансу полов в результате реализации выбора родителей, подверженных идеологии, моде и т.п. (эффект, разрушающее действие которого продолжает проявляться, например, в Китае). Медикаментозная коррекция поведения способна нанести вред социализации детей и здоровью населения. А искусственное продление жизни средствами биомедицины может нарушить цикл естественной сменяемости поколений [21]. Таким образом, базовые биологические характеристики, отданные на откуп индивидуальным терапевтическим запросам, в скором времени способны поставить неразрешимые проблемы перед политиками и социальными институтами.

В своей работе Фукуяма недостаточно ясно артикулирует собственное отношение к происходящим изменениям, что, видимо, связано с подчеркиваемой им позицией теоретической объективности и нейтральности. Вместе с тем из общего контекста его работ можно выявить его представления об идеальном устройстве государственного порядка. Он, конечно же, не призывает к тому, чтобы институты государства были упразднены (в этой связи он критически относится к позициям некоторых радикалов-анархистов) [18], но считает возможным заключение некоего компромисса между множественными идентичностями и дисциплинарным порядком.

Концепция Фукуямы в контексте истории осмысления медицинского контроля и биополитики

Фукуяма – не единственный, кто обратил внимание на терапевтический характер современного общества. Близкие идеи высказывали многие социальные теоретики, используя при этом другие концепты. В целом его подход укладывается в ставшую уже классической проблематику медицинского контроля и биопо-

литики, начало которой было положено работами М. Фуко, подробно описавшего клиническое и нозологическое в реализации властных практик. С XVII в., параллельно со становлением клиники как института, происходит и постепенное включение терапии в жизнь общества как в стенах лечебниц, так и за их пределами [17]. В дальнейшем эта проблематика привлекает все большее внимание, осмыслению подвергаются различные аспекты властно установленного порядка. Именно так познание роли психотерапевтических практик выделяется в особую область исследований. Здесь мы считаем важным обратить внимание на специфику подхода Фукуямы в сравнении с концепциями других исследователей, занимавшихся этой темой.

Близкую к фукианской позицию занимают такие авторы, как Дж. Агамбен и А. Негри. Первый подробно рассматривает в качестве биополитической парадигмы современной власти лагерь. Согласно Агамбену, лагерь – не только часть фактического прошлого некоторых обществ, но и в целом качество той социально-политической среды, в которой мы живем сегодня. Это пространство, в котором разворачивается чрезвычайное положение, ставшее правилом, и норма неотличима от исключения. Оказавшийся в лагере вынужден передвигаться в пространстве, исключая различие между внешним и внутренним, правилом и отсутствием всяких правил, тем, что дозволено, и тем, что запрещено, там, где сами понятия права и юридической защиты не имеют более никакого смысла [4]. Находясь в таком искаженном мире, индивиды усваивают непрерывность чрезвычайного положения и стремятся функционировать согласно его логике, даже если чрезвычайное положение однажды будет отменено (что хорошо просматривается в типах социальной реакции на пандемию COVID-19). А. Негри также обращается к биополитическим практикам контроля над жизнью и здоровьем, подчеркивая их производственную функцию. По его мнению, основной причиной их реализации является не фактическая забота о состоянии граждан, а желание поддерживать состояние относительного благополучия и здоровья граждан для дальнейшего их использования как рабочей силы. Основным требованием здесь является повышение производительности. Чем лучше условия жизни и здоровье индивидов, тем лучше они способны трудиться. Впрочем, сами биополитические практики несут в себе и возможность произ-

водства контрвласти, бурной реакции жизни на власть. Желание жизни всегда порождает сопротивление власти, и в этом сопротивлении конструируется сама субъективность [24]. В целом, эти две позиции относительно взаимодействия индивидов и институциональной системы являются гораздо более жесткими, нежели позиция Фукуямы.

Необходимо также указать на концепт терапевтического общества, который использует для понимания специфики современного общества Ж. Бодрийяр. В работе «Общество потребления» он указывает на терапевтический характер современного социума и, в частности, политической сферы. Согласно Бодрийяру, мы все живем в условиях постоянного присутствия идеологии «непрерывной заботы» о нас, где всех и вся необходимо лечить и утешать. «Требуется поистине верить в то, что большой социальный организм очень болен и граждане-потребители очень хрупки, находятся все время на краю упадка сил и утраты равновесия, чтобы повсюду – у профессионалов, в газетах и у моралистов-аналитиков – существовал “терапевтический” дискурс» [6, с. 163]. Этот утешающий подход реализуется даже в рекламных объявлениях, так как всякий клиент жаждет безопасности и успокоения. «“Общество болеет” – это лейтмотив всех добрых душ, находящихся у власти» [6, с. 163]. Обратная же сторона такой заботы, с точки зрения Бодрийяра, – это соблазн, настойчивое убеждение и в конце концов создание надежного алиби для тайной манипуляции желаниями. Так политический контроль удваивается посредством контроля над самими мотивациями. Бодрийяр, подобно Агамбену и Негри, рисует более жесткую модель взаимодействия индивидов и институциональной системы, чем Фукуяма. Терапевтическое общество, согласно Бодрийяру, захватывает индивида, обольщает, затягивает в сети непрерывного производства желаний и немедленного потребления. Однако Фукуяма демонстрирует иной, более мягкий подход к осмыслению роли медицинского контроля в современной политике государства. Связывая социальную потребность в расширении исцеляющих практик с развитием мультиидентичностей, Фукуяма подчеркивает ведущую роль индивидуальных желаний и запросов, требующих от властей их удовлетворения наравне с другими, исполнения чаяний, признания и в конце концов утешения. Фукуяма рисует иную

картину современного общества, в котором власть скорее исполняет роль психотерапевта, озабоченного комфортом и самооценкой клиента, нежели сурового анатома классической эпохи, препарирующего, разделяющего и включавшего в нозологические классификации, или коварного соблазнителя, реализующего только свои интересы. «Терапевта» такого нового типа волнует не столько структура внутреннего «я» пациентов или вопросы справедливости общественного устройства, сколько улучшение психологического состояния подопечных. «Терапевтическая модель стала “повитухой” современной политики идентичности», – говорит Фукуяма [20, с. 136]. Отсюда, согласно автору, вытекает ряд проблем. Во-первых, достаточно затруднительным становится удовлетворить желания все более фрагментированного общества, где каждая малая группа, а то и индивидуальность предъявляет свои запросы, вследствие чего возникает конфликт интересов. Во-вторых, в стремлении к всеобщему равенству парадоксальным образом возникают и новые иерархии, при этом чьи-то права все же нарушаются. Таким образом, сравнивая позиции Бодрийяра и Фукуямы, можно сказать, что первый в большей степени акцентирует всеислие власти в области медицинского контроля, второй же, скорее, подчеркивает ее неспособность ответить на запрос массы индивидов.

Дж. Батлер, не используя термины «терапия» и «терапевтический», тем не менее отмечает характерную для сегодняшнего социального дискурса особенность выделять повсюду группы «уязвимых» и «страдающих», подлежащих неременной защите и заботе. Однако в общем политическом горизонте это выделение многочисленных опекаемых групп несколько не избавляет от исключения других. Здесь Дж. Батлер приводит пример защиты прав неродившихся эмбрионов, но ущемления женщин в праве распоряжаться собственным телом, либо возникающую в этом случае правовую неоднозначность технологий ЭКО и генной терапии. В целом позицию Батлер можно охарактеризовать как критику последствий терапевтического поворота, в число которых входит исключение отдельных групп людей из сферы социальной защиты и порождение новых иерархических структур неравенства. Она рассматривает более «личные» темы, фокусируясь на проблемах гендера, телесности и стигматизации, в то время как Фукуяма расширяет рамки своего иссле-

дования до вопросов государственности и глобальной политики [5].

Й. Радкау более близок к Фукуяме по масштабу рассматриваемых событий в своей оригинальной работе о взаимосвязи терапевтического (неврологического) дискурса и государственной политики, однако его исследование касается политики конкретной страны, а именно Германии перед Первой мировой войной. Переплетая истории частных жизней людей, пораженных «нервным недугом», с культурным и политическим, Й. Радкау проследживает, как возникновение дискурса неврозности запускает механизмы «предчувствия нового мира», «нового человека», повинующегося диктату «нервов», влечения общества к своеобразному мистическому восприятию неврозности, а в итоге – к формированию глобальных социальных и политических стратегий, приведших к фатальным последствиям [15]. Кейс, который анализирует Й. Радкау, имеет, конечно же, более универсальное значение, чем его конкретно-историческая привязка. Невротизация общества является обязательным условием его ориентации на решительное действие, «кайзер» же в этом движении должен идти впереди, проявляя неврозную решительность и заражая ею народ. Фукуяма тоже указывает на терапевтические приемы, используемые политическими лидерами, которые выходят на сцену с рецептом исцеления текущих проблем, что имеет особое значение в случае наличия исторической травмы.

Стоит также отметить, что частные аспекты как медицинского контроля, так и биополитики, как правило, затрагиваются при анализе текущих социальных проблем и политических событий. Так, Б. Марков, разрабатывая проблему восприятия чужого и инородного в современном обществе (в связи с обстоятельствами пандемии коронавируса), определяет это общество как огромный профилакторий, где различные идентичности и интересы трактуются в иммунологических терминах. Там, где каждый имеет право на оздоровление и где оно предложено каждому, кому-то должна быть отведена роль инфекционного агента, защиты от которого также вправе потребовать обитатели профилактория. В обществе всеобщей защиты прав происходят постоянные колебания между ксенофобией и ксенофилией, хрупко балансируют понятия дружественности и враждебности, постоянно присутствует заинтересованность во взаимобмене, интеграции в альянсы и прозрачности

границ, но значительную трудность составляет определение степени «проницаемости» этих «мембран» и отделение чужих от своих [9].

В этом же ряду отметим и работы А. Поранкевич-Жуковской. Ссылаясь на нейробиолога А. Дамасио, она, подобно Фукуяме, вводит понятие терапевтического поворота, а также описывает «культуру терапии», рассуждая – больше в логике Дж. Батлер – о циркуляции в современных социально-политических структурах образа жертвы – психологически нестабильного индивида, постоянно ощущающего угрозу для своей индивидуальности и нуждающегося в особом обращении. Польская исследовательница определяет терапевтический поворот в обществе как фиксацию социума на боли и страдании личности [2].

Французский философ К. Малабу дает оригинальный анализ социального, обращаясь к понятию пластичности (нейропластичности) и совмещая философские термины и термины, взятые из современной нейронауки. Пластичность – это способность мозга изменяться и подстраиваться при контакте с окружающими стимулами, в том числе сопротивляться некоторым видам воздействия. Если раньше мозг рассматривался как своеобразная заданная схема, управляющая индивидом, что вполне совпадало с реалиями жесткой и иерархической дисциплинарной системы, то сегодня, в условиях лабильных социальных сетей, способность к перестройке, гибкости и сопротивлению играет ведущую роль, то есть тип реакции современного человека на вызовы окружающей среды приобретает принципиально иное качество [1]. Подход К. Малабу, таким образом, отчасти перекликается с индивидуалистической теорией Фукуямы, апеллируя, однако, к иным контекстам в сфере новейших наук о человеке.

Таким образом, идея терапевтического поворота Фукуямы укладывается в русло общей тенденции, связанной со стремлением исследователей фиксировать значения терапии для функционирования институтов современного общества. Оригинальность этой идеи состоит в том, что она привязывает понятие терапевтического к конструктам современной глобальной политики в разных странах. И ведущая роль в этом процессе, по мнению Фукуямы, сегодня принадлежит мультиидентичностям, предъявляющим свои требования к устаревшим институциональным формациям.

Терапевтическая модель общества и социально-политические реалии

Теоретический каркас концепции Фукуямы включает в себя три базовых положения. Во-первых, тимос как жажда признания является неотъемлемым качеством современного человека. Во-вторых, понятие достоинства, расширяясь и универсализируясь, может трансформировать личные поиски и импульсы в политические проекты. Наконец, непосредственно из современного понимания идентичности вырастает терапевтический принцип политического. Особая роль в этом процессе принадлежит именно практикам, подобным психотерапии, как наиболее точно отражающим сущность современного социума. Уровень мотивации как ведущий в данный исторический период оказывает непосредственное влияние на уровень институтов. В этой связи уместно привести несколько примеров функционирования данной модели в реалиях современного общества.

Сегодня в контексте современных феминистских движений хорошо заметно, как терапевтические практики встраиваются в политические протесты и процессы. Феминистский протест реализуется не столько в манифестации конкретных требований прав или возможностей, сколько в стремлении обратить внимание на личные обстоятельства и жизненные истории. Женщины формируют группы самопомощи и самопознания, в которых происходит обмен личными переживаниями, а индивидуальные запросы на признание получают завершенную форму в своеобразном языке, который закрепляется в политике. Для неофеминисток предпочтительными являются именно «психотерапевтические» методы ведения борьбы, где пережитое предшествует концептуальному [8], а проговариваемое играет роль связующего механизма между личной потребностью и политическим институтом. Популярность такого подхода к решению политических проблем и запросов на изменение институционального оформления того или иного проблемного поля можно заметить по масштабам распространения движения #MeToo. Вокруг темы насилия над женщинами стихийно возникают эмоциональные, личные контексты, способные повлиять на политику государств не хуже институализированных политтехнологий [14].

Требования женщин обратить внимание на их проблемы в ряде случаев влекут изменение и самих институционально принятых терапев-

тических практик. Одним из примеров этого стало требование женщин США изменить подход к лечению рака груди, повлекшее за собой отказ от радикальной мастэктомии в пользу более прогрессивных и менее травматичных для женщины (как физически, так и эмоционально) методов лечения. «Публичные признания женщин, перенесших операцию по удалению груди, и многочисленные требования законодательно признать право женщины участвовать в принятии медицинских решений по поводу лечения рака груди стали сопровождаться появлением первых женских групп и организаций, объявивших своей целью пропаганду более гуманных методов лечения и более внимательного отношения общества к женскому здоровью» [10, с. 224].

Другим примером может послужить ситуация, сложившаяся вокруг пандемии коронавируса. Жесткие санитарно-эпидемические меры вызвали лавину противоположных реакций со стороны общества. С одной стороны, это нетерпеливые требования индивидов к властям как можно быстрее предоставить им эффективную вакцину, успокоить, гарантировав «абсолютную» безопасность путем применения системы QR-кодов, и дать возможность определить себя как вакцинированных. Такие запросы со стороны социума были продиктованы терапевтическим нарративом, не позволяющим принять большое количество жертв пандемии и отказывающим государству в праве устраниваться от снижения их количества любыми способами. С другой стороны, наличие в обществе множества разрозненных групп, альтернативных мнений, интернет-сообществ и идентичностей (например, религиозных) значительно усложнило выполнение задач по ограничению распространения инфекции. Наличие такой «недоверяющей популяции» стало большим стрессом для институциональной организации [13]. С. Жижек, гипотетически описывая крайнее проявление этой ситуации, говорит, что, в сущности, не так уж сложно представить крупные объединения либертарианцев, которые, подозревая государственный заговор, готовы были бы прорываться из карантина с оружием в руках [3]. Выполнение санитарных мер в полном объеме, таким образом, удалось реализовать только в государствах, где все еще сильна авторитарность институтов.

Эти примеры достаточно ярко иллюстрируют отмеченную Фукуямой ведущую роль лич-

ных мотивов и идентичностей в современной политике и ее терапевтический характер. Кроме того, они демонстрируют наличие конфликта между современным человеком, полным личных планов, требований и надежд, и институциональной системой, не соответствующей быстро меняющимся жизненным практикам. Для разрешения конфликта между индивидами и институтами необходимо некое компромиссное решение. Мы считаем важным подчеркнуть, что отсутствие ясного описания условий такого компромисса обусловлено тем, что Фукуяма упускает в своей концепции промежуточное звено между индивидами и институтами, которым являются коммуникативные практики жизненного мира (в понимании Ю. Хабермаса) [22]. Для дальнейшего объяснения сложных социально-политических процессов в контексте терапевтического поворота необходимо применение герменевтических методов, которые помогут раскрыть различные нарративы, циркулирующие в общественном пространстве [12]. Настоятельная необходимость такого рассмотрения видна на примере недавних событий, связанных с пандемией, когда вокруг сугубо медицинских практик сложился ряд мифов и коммуникативных паттернов, формирующих взгляды индивидов на институциональное и в итоге приведших к потрясениям в институциональном поле [11]. Преодолеть конфликт жизненного мира и системы невозможно, однако можно значительно уменьшить их антагонизм. Впрочем, мы считаем этот вопрос темой, требующей специального исследования.

Заключение

Концепция терапевтического поворота, которая используется Ф. Фукуямой для интерпретации процессов, происходящих в современном обществе, имеет значительный объяснительный потенциал. На фоне схожих подходов она обладает тем преимуществом, что наиболее отчетливо фиксирует специфику того конфликта, который складывается между мотивацией и запросами современного человека с одной стороны и социальными институтами с другой. Если аналогичные концепции рассматривают практику медицинского контроля и биополитику государства как наступление на естественные права человека, обусловленное чрезмерным усилением государства, то Фукуяма, скорее, критикует государственные институты за их слабость. В принципе, он считает, что государственная

власть готова была бы ответить на запрос индивидов, но не обладает для этого достаточной гибкостью. Однако какого-либо рецепта решения этой проблемы, пожалуй, не содержит ни одна из концепций. Фукуяма ищет возможность компромисса между запросами людей и возможностями государства, однако не указывает, как конкретно может быть оформлен этот компромисс. Мы соглашаемся с необходимостью такого компромисса, но считаем, что он может быть сформулирован исключительно в дискурсе опосредующих государственные институты и запросы личностей коммуникативных практик жизненного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Malabou, C., 2012. *The new wounded: from neurosis to brain damage*. New York: Fordham University Press.
2. Porankiewicz-Żukowska, A., 2019. *Kultura terapii jako wynik braku homeostazy kulturowej, problem tożsamości*. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia De Cultura*, Vol. 11, no. 4, pp. 4–20.
3. Žižek, S., 2020. *Pandemic! COVID-19 Shakes the World*. New York; London: OR Books.
4. Агамбен Дж. *Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа, 2011.
5. Батлер Дж. *Сила ненасилия. Сцепка этики и политики*. СПб.: Издательский дом ВШЭ, 2022.
6. Бодрийяр Ж. *Общество потребления*. М.: АСТ, 2020.
7. Дмитриев Т.А. «Желание быть видимым»: Френсис Фукуяма в поисках объяснения новых тенденций мировой политики // *Перспективы*. 2020. № 1. С. 133–144.
8. Липовецки Ж. *Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме*. М.: Гнозис, 2001.
9. Марков Б. *Политическая иммунология*. М.: Проспект, 2021.
10. Михель Д.В. *Эпидемии и глобальная история*. М.: Весь мир, 2021.
11. Прилуцкий М.А. «Вакцинирование» vs «чипирование»: триггеры эсхатологической мифологии в условиях противоэпидемических мероприятий // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2021. № 3. С. 108–118.
12. Прилуцкий М.А. *Коронавирусная инфекция и религиозные дискурсы медицинской конспирологии* // *Известия Иркутского государ-*

ственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. Т. 33. С. 108–114.

13. Прошай, COVID? М.: Издательство Институт Гайдара, 2020.
14. Пунина К.А., Фадеев Г.С. #MeToo как технология воздействия на политику // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политика. Международные отношения*. 2021. Т. 5. № 1. С. 85–95.
15. Радкау Й. *Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера*. СПб.: Издательский дом ВШЭ, 2017.
16. Урри Дж. *Мобильности*. М.: Праксис, 2012.
17. Фуко М. *Рождение клиники*. М.: Академический проект, 2010.
18. Фукуяма Ф. *Государственный порядок*. М.: АСТ, 2015.
19. Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. М.: АСТ, 2004.
20. Фукуяма Ф. *Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия*. М.: Альпина Паблишер, 2019.
21. Фукуяма Ф. *Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции*. М.: АСТ, 2004.
22. Хабермас Ю. *Теория коммуникативной деятельности*. М.: Весь мир, 2022.
23. Хантингтон С. *Кто мы?* М.: АСТ, 2018.
24. Хардт М., Негри А. *Империя*. М.: Праксис, 2004.
25. Ячин С.Е., Деменчук П.Ю., Минеев М.В. *Институализация коммуникативных и жизненных практик в обществах современного типа (Введение в исследовательскую программу)* // *Креативная экономика*. 2018. Т. 12. № 9. С. 1399–1416.

REFERENCES

1. Malabou, C., 2012. *The new wounded: from neurosis to brain damage*. New York: Fordham University Press.
2. Porankiewicz-Żukowska, A., 2019. *Kultura terapii jako wynik braku homeostazy kulturowej, problem tożsamości*. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia De Cultura*, Vol. 11, no. 4, pp. 4–20.
3. Žižek, S., 2020. *Pandemic! COVID-19 Shakes the World*. New York; London: OR Books.
4. Agamben, G., 2011. *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo sacer: sovereign power and bare life]. Moskva: Evropa. (in Russ.)
5. Butler, J., 2022. *Sila nenasiliya. Stsepka etiki i politiki* [The force of nonviolence. An ethico-

political bind]. Sankt-Peterburg: Izdatel'skii dom VShE. (in Russ.)

6. Baudrillard, J., 2020. Obschestvo potrebleniya [The consumer society]. Moskva: AST. (in Russ.)

7. Dmitriev, T.A., 2020. «Zhelanie byt' vidimym»: Frensis Fukuyama v poiskakh ob'yasneniya novykh tendentsii mirovoi politiki [«Desire to be observed»: Francis Fukuyama in search of explanation for the new tendencies in world politics], Perspektivy, no. 1, pp. 133–144. (in Russ.)

8. Lipovetsky, G., 2001. Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme [The era of emptiness: an essay on contemporary individualism]. Moskva: Gnozis. (in Russ.)

9. Markov, B., 2021. Politicheskaya immunologiya [Political immunology]. Moskva: Prospekt. (in Russ.)

10. Mikhel', D.V., 2021. Epidemii i global'naya istoriya [Epidemics and global history]. Moskva: Ves' mir. (in Russ.)

11. Prilutskii, M.A., 2021. «Vaktsinirovanie» vs «chapirovanie»: triggery eskhatologicheskoi mifologii v usloviyakh protivoepidemicheskikh meropriyatii [Vaccination vs microchipping: triggers of eschatological mythology in the context of anti-epidemic measures], Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, no. 3, pp. 108–118. (in Russ.)

12. Prilutskii, M.A., 2020. Koronavirusnaya infektsiya i religioznye diskursy meditsinskoi konspirologii [COVID-19 and religious discourses of the medical conspiracy theory], Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie, Vol. 33, pp. 108–114. (in Russ.)

13. Proshchai, COVID? [Goodbye, COVID?]. Moskva: Izdatel'stvo Institut Gaidara. (in Russ.)

14. Punina, K.A. and Fadeev, G.S., 2021. #MeToo kak tekhnologiya vozdeistviya na politiku [#MeToo as a technology for influencing politics], Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya.

Politika. Mezhdunarodnye otnosheniya, Vol. 5, no. 1, pp. 85–95. (in Russ.)

15. Radkau, J., 2017. Epokha nervoznosti. Germaniya ot Bismarka do Gitlera [The age of nervousness. Germany between Bismarck and Hitler]. Sankt-Peterburg: Izdatel'skii dom VShE. (in Russ.)

16. Urry, J., 2012. Mobil'nosti [Mobilities]. Moskva: Praxis. (in Russ.)

17. Foucault, M., 2010. Rozhdenie kliniki [The birth of the clinic]. Moskva: Akademicheskii proekt. (in Russ.)

18. Fukuyama, F., 2015. Gosudarstvennyi poryadok [The origins of political order]. Moskva: AST. (in Russ.)

19. Fukuyama, F., 2004. Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu [Trust: the social virtues and the creation of prosperity]. Moskva: AST. (in Russ.)

20. Fukuyama, F., 2019. Identichnost': stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatya [Identity: the demand for dignity and the politics of resentment]. Moskva: Al'pina Pablisher. (in Russ.)

21. Fukuyama, F., 2004. Nashe postchelovecheskoe budushchee: posledstviya biotekhnologicheskoi revolyutsii [Our posthuman future: the consequences of the biotechnology revolution]. Moskva: AST. (in Russ.)

22. Habermas, J., 2022. Teoriya kommunikativnoi deyatelnosti [The theory of communicative action]. Moskva: Ves' mir. (in Russ.)

23. Huntington, S., 2018. Kto my? [Who are we?]. Moskva: AST. (in Russ.)

24. Hardt, M. and Negri, A., 2004. Imperiya [Empire]. Moskva: Praxis. (in Russ.)

25. Yachin, S.E., Demenchuk, P.Yu. and Mineev, M.V., 2018. Instutualizatsiya kommunikativnykh i zhiznennykh praktik v obshchestvakh sovremennogo tipa (Vvedenie v issledovatel'skuyu programmu) [Institutionalization of communication and life practices in modern societies (Introduction to the research program)], Kreativnaya ekonomika, Vol. 2, no. 9, pp. 1399–1416. (in Russ.)

Л.В. Клепикова, В.С. Мурманцев*

ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМ
КАК НОВАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЯ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена транснационализму как актуальному методологическому подходу, используемому в гуманитарных и социальных науках. Главное преимущество данного подхода, по мнению авторов, состоит в новом взгляде на возросшую в современных условиях мобильность индивидов, социальное пространство и процессы перемещения. Авторы приводят примеры использования транснационализма в зарубежных исследованиях, а также характеризуют сильные и слабые стороны данной методологической стратегии.

Ключевые слова: общество, национальное государство, мигранты, мобильность, пространство, транснационализм

Transnational approach as a new perspective on modern society. LIUBOV V. KLEPIKOVA, VLADIMIR S. MURMANTSEV (Russian University of Transport (МИИТ))

The article is devoted to transnationalism as a relevant methodological approach used in the humanities and social sciences. The main advantage of this approach, according to the authors, is a new look at the increased mobility of individuals in modern world, social space and the processes of movement. The authors give examples of the use of transnationalism in foreign studies, and characterize the strengths and weaknesses of this methodological strategy.

Keywords: society, nation state, migrants, mobility, space, transnationalism

Совокупность используемых в гуманитарных науках методов исследования и последовательность их применения – очень обширная и сложная тема. Распространенные методы работы представителей естественных наук (наблюдение, сравнение, эксперимент) оказываются не всегда применимыми для наук гуманитарных [5]. Особенно остро данные проблемы встают, когда речь заходит о методах для исследования

современного общества и происходящих в нем процессов.

Нередко трудности, сопряженные с выбором методологии исследования общества, пытаются объяснить динамической природой общества и процессов, меняющих его структуру [11]. Считается, что появляющиеся новые общественные структуры требуют принципиально новых подходов [21]. Мы не собираемся оспаривать

* КЛЕПИКОВА Любовь Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Российского университета транспорта (МИИТ).

E-mail: sevell1@rambler.ru

МУРМАНЦЕВ Владимир Сергеевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Российского университета транспорта (МИИТ).

E-mail: vladimir.murmantseff@yandex.ru

© Клепикова Л.В., Мурманцев В.С., 2023

данный тезис, однако хотели бы обратить внимание и на другой немаловажный аспект, который часто оказывается вне зоны внимания исследователей, занятых изучением общества.

Методологический подход к исследованию во многом зависит от теоретической призмы, сквозь которую ученый рассматривает общество и социальные процессы. Например, во времена СССР в отечественной науке господствовала марксистско-ленинская парадигма, посредством которой анализировались, объяснялись и прогнозировались социальные движения и тенденции [1; 4]. Когда же господство марксистско-ленинской парадигмы подошло к концу, отечественная гуманитарная наука, занимающаяся исследованием общества, оказалась в закономерном кризисе. Причем зарубежные социальные науки находились в схожей кризисной ситуации, обусловленной не только окончанием холодной войны и стремительно набирающей обороты глобализацией [2]. Во многом причина кризиса коренилась в постепенном закате «парадигмы оседлости». Сразу обозначим, что такое название не является официальным. Мы будем применять его, чтобы описать совокупность определенных теоретических констант, методологических приемов и взглядов, которые на протяжении долгого времени обуславливали развитие наук об обществе.

Социальные и гуманитарные науки в течение длительного времени использовали «парадигму оседлости» как отправную точку или перспективу, с которой велось наблюдение за всеми социальными и культурными процессами [23, р. 307]. Социальное бытие по умолчанию интерпретировалось как совокупность различных национальных государств, внутренний состав которых, в соответствии с негласной нормой, должен быть гомогенным. «Парадигма оседлости» не исключала мобильность, однако заключала ее в четко заданные границы. Перемещавшийся на разные расстояния индивид становился «путешественником», который приходил однажды и непременно уходил потом, потому что не принадлежал к физическому пространству, в которое вторгся [20, р. 509]. По этой причине предполагалось, что «путешественник», временно отклонившийся от «нормы», рано или поздно вернется к состоянию оседлости.

Элементы, отклоняющиеся от этого правила, автоматически превращались в источник хаоса. Согласно «парадигме оседлости», в самом существовании внутри национального государства

таких групп, как чернокожие евреи или греческие немцы, виделась угроза, так как это нарушало этнокультурный эссенциализм [2, с. 117]. Физическое пространство трактовалось как нечто, к чему естественным образом прикрепляются индивиды, поэтому данное пространство наделялось рядом атрибутов, которые необходимо было определить и научно обосновать. В роли таких атрибутов могли выступать самобытная культура, религиозная принадлежность, разделяемая большинством населения данной территории, или какие-либо этнические характеристики. Но основополагающим элементом, способным объединить и упорядочить все указанные атрибуты, было понятие национального государства [23]. Мир делился на национально-государственные культурные секторы, имевшие гомогенную сущность. Соответственно, общества, проживающие на территории национальных государств, приобретали характер замкнутых и существующих параллельно друг другу «контейнеров». В данном контексте любое вторжение «инородного» объекта в тот или иной сектор выглядело как явление, чреватое «деформацией» культуры.

Следует признать, что на протяжении нескольких десятилетий, на которые пришлось две мировые и одна холодная война, «парадигма оседлости» показала себя инструментом, посредством которого можно было довольно продуктивно анализировать и систематизировать общество (в качестве примера можно привести успешную работу представителей Чикагской школы социологии [3; 23]). При этом слабая сторона данной парадигмы, заключавшаяся главным образом в игнорировании мобильности (или же приписывании ей маргинального статуса), не играла принципиальной роли – каждое национальное государство действительно представляло собой независимую политическую единицу.

Бытование национальных государств как независимых единиц было обусловлено последствиями действий в социальной и политической, но никак не естественно-природной сфере, поэтому гарантом существования национальных государств являлся (и является до сих пор) институт политической границы, а также институты, контролирующие эти границы и их пересечение (это не только институт пограничного контроля, но и институт гражданства, образования и пр.). Социальные концепции, основанные на приоритетной роли национального

государства, истолковывают акт пересечения границы как завершённое действие, в соответствии с которым индивид утрачивает прежние социальные и духовные связи и приобретает новые, обусловленные территориальным пространством определенного национального государства. Данный тезис выглядел логично, ведь еще относительно недавно социальные связи невозможно было поддерживать при наличии больших расстояний, отделявших мобильных индивидов от их предыдущего местоположения. Однако с появлением новых средств коммуникаций ситуация радикально изменилась. Физические расстояния более не являются препятствием для сохранения и укрепления старых социальных связей.

Исследовательские трудности еще более усугубились с наступлением глобализации, проявившейся не только в мобильности индивидов, но и в построении всемирной экономической системы. Возникла ситуация, когда прежняя парадигма уже не соответствовала актуальным запросам. Представители социальных и гуманитарных наук больше не могли полноценно действовать в рамках парадигмы, согласно которой по умолчанию считалось, что культура конкретного общества обуславливается национальным государством и обладает набором неотъемлемых свойств [3; 23]. В ситуации, когда мобильность фактически стала нормой современной экономической и социальной жизни, следование подобному взгляду на данный социальный феномен означало бы тупиковую ситуацию для развития наук об обществе. Даже если исследователь выберет в качестве объекта исследования некое сообщество не-мигрантов, тесно связанных с конкретной локацией проживания, ему придется иметь в виду, что данное сообщество скорее всего будет находиться под воздействием таких проявлений мобильности, как контакты с мигрантами, зависимость от внешнего импорта, влияние информации, поступающей через интернет из других локаций и т.д. [14; 18].

В связи с вышеуказанными обстоятельствами в области социальных наук назрел новый поворот – так называемый «пространственный поворот» (англ. *spatial turn*) [17, p. 11]. Его суть состоит в отказе от рассмотрения социального пространства через призму четко фиксированных политических территорий, где процесс движения может происходить исключительно как физическое исчезновение из места А с последующим появлением в месте В. Также исследова-

тель больше не рассматривает места А и В как изолированные и не зависящие друг от друга.

Одной из методологических стратегий, предложенных для преодоления пространственного кризиса в социальных науках, является транснационализм. Изначально транснационализм использовался как альтернатива теории ассимиляции, которая была популярна в европейских странах в последние десятилетия XX в. [15, p. 11]. В отличие от интернационализма транснационализм позиционировался как понятие, обозначающее совокупность социальных практик и феноменов, которые имеют место в конкретных национальных государствах, однако существуют благодаря действиям лиц, не связанных с определенными государствами [16]. Предполагается, что длительность социальных связей на надгосударственном уровне (будь то семейные, экономические или политические отношения) обусловила формирование принципиально нового типа пространства. Согласно концепции транснационализма, деятельность людей выходит за рамки политических границ и, таким образом, создает «транснациональное социальное пространство», где действует множество разных лиц и институтов. Ученые позиционировали транснационализм прежде всего как исследовательскую программу, главной задачей которой станет анализ и интерпретация нынешних общественных перемен [16, p. 9; 9]. Особенное преимущество транснационализма для социальных исследований заключалось в том, что в рамках данной программы стал возможен методологический разворот эмпирического исследования в сторону расширения изучаемого социального пространства (в поле внимания оказывалось одновременно несколько локаций, соединенных социальными связями).

Следует отметить, что данная методологическая стратегия впервые получила применение в глобализационных и миграционных исследованиях, так как она позволила кардинально сменить перспективу и выйти на принципиально новый исследовательский уровень, где национальное государство уже не выступало в роли изначально заданной единицы [19; 22]. При этом стоит отметить, что преимущества применения стратегии транснационализма не ограничиваются новым взглядом на мигрантов как потенциальных обладателей нескольких идентичностей [3], но предполагают и новую интерпретацию пространства.

В соответствии с концепцией транснационализма, физические расстояния больше не вос-

принимаются как нечто деструктурирующее межличностные и межгрупповые связи. Кроме того, общества перестают рассматриваться в качестве однородных систем, замкнутых в государственных границах. Если в вышедших на данный момент отечественных статьях, посвященных транснационализму, большое внимание уделялось идентичности мигрантов и вопросам их интеграции [3; 6], то в данной работе акцент сделан главным образом на проблеме восприятия пространства с транснациональной перспективой. Таким образом, мигрант здесь будет рассматриваться прежде всего как амбивалентная фигура, с одной стороны, зависящая от окружающего ее пространства, а с другой – участвующая в его конструировании. С некоторой долей условности можно констатировать, что в рамках транснационализма исследовательский фокус поднимается *над* политическими границами. Во внимание берутся так называемые «третьи формы жизни» или пространства социальной деятельности, существующие независимо от политических границ [2, с. 62]. После того, как «аннулируется» привязка к физическому месту, в поле исследовательского зрения попадают новые, ранее оставленные наукой без внимания микро-сообщества, образовавшиеся несмотря на физические расстояния и государственные границы [15, р. 9–10]. Относительно микро-сообществ возникает несколько закономерных вопросов. Кто составляет эти сообщества? Какова их структура? Каким онтологическим статусом они обладают? Какие категории следует использовать для их продуктивного анализа?

Самый простой и, на первый взгляд, очевидный ответ на первый вопрос – мигранты. Однако в данном случае чрезмерное упрощение способно привести исследователя к серьезной методологической ошибке. Ведь столь же очевидно, что мигранты не являются и никогда не являлись однородной группой. Тем не менее мигрант – важная категория в рамках транснациональной перспективы и, следовательно, может быть продуктивно использована в процессе исследования общества. Поэтому данное понятие нуждается в постоянном уточнении в зависимости от социального ракурса, который собирается принять ученый в рамках своего исследования. В свете этого обстоятельства представляется целесообразным привести краткий обзор значений понятия «мигрант», существующих в современном социальном пространстве.

Мигрант (от лат. «migrare» – переезжать, переселяться) – это любой индивид, который по каким-либо причинам на продолжительное время покидает прежнее место жительства и становится мобильным [7]. Данное определение является весьма широким, так как в качестве определяющего фактора берется процесс передвижения. Таким образом, под определение «мигрант» попадает крайне неоднородное собрание индивидов, чей уровень благосостояния, культурный и социальный капитал существенно различаются. Кроме того, под приведенное определение попадают также индивиды, перемещающиеся в границах отдельных государств (например, из провинции в мегаполис). В данной работе внимание будет сосредоточено именно на мигрантах, пересекающих государственные границы, т.е. находящихся на транснациональном уровне. Однако следует подчеркнуть, что эта разновидность мигрантов никогда не являлась однородной. В зависимости от того, стал индивид мобильным по причинам финансовых затруднений, карьерной целесообразности или необходимости повышения своей образовательной квалификации, во-первых, его действия по построению связей на транснациональном уровне будут значительно отличаться, во-вторых, степень и направленность воздействия самого индивида на различные сферы социальной реальности также будут неодинаковыми. Закономерным образом появляется необходимость создания классификации мигрантов. При этом стоит отметить, что критерии дифференциации мигрантов будут отличаться в зависимости от сферы социальной реальности, которую исследует автор, создающий конкретную классификацию. Учитывая то, что современная миграция тесно связана с глобальным городом [17], примером одной из самых кратких и исчерпывающих классификаций можно назвать предложенную социальным антропологом Ульфом Ханнерцем.

У. Ханнерц разработал классификацию, состоящую из четырех социальных категорий, которые «в той или иной мере транснациональны» [10, р. 129]. Нужно оговориться, что при определении ее критериев автор отталкивался главным образом от примера американских мегаполисов, мотивируя это тем, что в экономическом, политическом и культурном плане роль этих городов значима в общемировом масштабе. Итак, Ханнерц выделяет следующие социальные категории людей:

Представители транснационального бизнеса – категория, в которую включены люди, мигрировавшие в деловых целях. Среди особенностей этой категории можно выделить обязательную изначальную связь с местом, куда впоследствии произойдет миграция. Связь имеет деловой характер, то есть содержит в себе как экономические, так и социальные компоненты. Ханнерц отмечает, что этнический состав данной категории варьируется от одного мегаполиса к другому. Например, в Лос-Анджелесе больший процент составляют выходцы из азиатских государств, а в Нью-Йорке это в значительной степени представители западноевропейских стран.

Представители стран третьего мира [10, р. 130]. Составляющие данную категорию люди часто предпочитают селиться в непосредственной близости друг от друга, что приводит к постепенной визуальной «этнизации» конкретной местности. Автор приводит в качестве примера часто присутствующие в ландшафтах мегаполисов чайна-тауны или мексиканские гетто. Со временем подобные места могут превратиться в объекты туристического внимания.

Люди, так или иначе связанные с миром культуры и искусств [10, р. 130], т.е. представители творческих профессий (художники, режиссеры, актеры, фотографы, дизайнеры и пр.). Ханнерц указывает на важный аспект, характеризующий данную категорию, – стремление перебраться «в правильное место». Предполагается, что представителей творческих профессий «стягивают» в определенные районы мегаполиса. В качестве примера автор приводит парижский Монмартр начала XX в.

Туристы. Несмотря на то, что пребывание их вдали от страны своей принадлежности, как правило, краткосрочно, тем не менее они также создают каналы транснациональных связей. Во-первых, туристы, находясь в локации временного пребывания, сохраняют стабильную и крепкую связь со своим изначальным местопребыванием. Во-вторых, туризм включен в структуру транснационального бизнеса, являющегося одним из главных двигателей глобализации. В-третьих, турист представляет собой идеальное воплощение «путешественника», который значительно отклонился от «нормы» оседлости, ведь его мобильность в процессе путешествия зачастую не ограничивается одной локацией.

Общим атрибутом всех четырех категорий, перечисленных Ханнерцем, является то, что их

представители, перемещаясь в географическом пространстве и пересекая политические границы, остаются социально, политически, экономически и духовно связаны с национальными государствами, где изначально располагались их места поселения. Существенное отличие такого подхода в сравнении с «парадигмой оседлости» заключается в том, что он не предполагает по умолчанию непременно возвращение индивида в изначальное местопребывание. Кроме того, транснациональная парадигма позволяет учитывать несколько связей одновременно. Например, представитель бизнеса, находясь в стране А, может представлять интересы корпорации, чья штаб-квартира расположена в стране В, и при этом являться гражданином государства С.

В то же время при использовании классификации Ханнерца важно иметь в виду некоторые ее недостатки. Самый очевидный из них – ее условность. Когда исследователь относит представителей изучаемого им сообщества к одной из четырех категорий, он должен по умолчанию допускать возможность перехода индивидов из одной категории в другую, в противном случае возникнет тенденция к «контейнеризации» групп внутри категорий. Пояснительные примеры к каждой из категорий, таким образом, должны фигурировать как «идеальные модели». Еще один важный аспект, который необходимо учитывать при использовании данной классификации, это степень включенности изучаемого сообщества и его представителей в принимающее общество: идет ли речь о конструировании полностью/частично изолированной группы, о построении связей с другими мигрантскими группами (нередкое явление для представителей транснационального бизнеса или людей творческих профессий) или же о том, что мигрант строит связи исключительно с представителями принимающего общества. Также исследователю следует помнить, что глобальный город является феноменом, существующим одновременно в двух измерениях: одно из них напрямую связано с локацией, где расположен город, а второе формируется в результате действий вышеназванных транснациональных категорий людей, превращающих город в значимую единицу на глобальном уровне. Когда исследователь изучает общественные процессы в транснациональной перспективе, ему важно осознавать, какое из этих двух измерений он имеет в виду, рассуждая об изучаемом им обществе, в противном случае классификация

Ханнерца окажется расплывчатой и не сможет быть использована для достижения поставленных исследователем целей.

Существенное преимущество транснационализма как исследовательской стратегии – отказ от линейного толкования процесса перемещения, когда последний сводится к простой схеме движения из одной географической точки в другую. Использование линейной схемы изначально предполагало, что мобильный субъект не просто обладает свободой воли, но действует максимально рационально и индивидуалистически. Кроме того, возникал гносеологический парадокс, когда субъект, с одной стороны, трактовался как свободный индивид, единолично принимающий независимые решения, с другой – рассматривался как частица однородного миграционного потока. В совокупности это вело к ошибочному отождествлению миграционных потоков с волнами, набирающими силу в определенных регионах земного шара и с полной мощью накатывающими на территорию некоторых государств.

Транснационализм позволяет очертить совершенно иную траекторию миграционных передвижений. Главным условием при этом становится отсутствие фокусирования на стране конечного прибытия [12, р. 52]. Это обусловлено двумя ключевыми причинами. Во-первых, само понятие страны конечного прибытия имеет темпоральный характер вне зависимости от временного промежутка, который мобильный субъект проводит в ней. Теоретически каждый субъект имеет реальную возможность продолжить перемещения, таким образом, «страна конечного прибытия» – понятие относительное. Во-вторых, зачастую траектория пути мигранта, если нанести ее на карту, будет напоминать вовсе не линию, а сложную кривую, состоящую из петель и зигзагов [8, р. 22, 24]. Складывая траекторию передвижения из множества физических местонахождений, транснационализм дает исследователю возможность более комплексно взглянуть на феномен мобильности. В частности, мигрирующий субъект рассматривается с учетом его зависимости от коллектива и социальной среды. При использовании транснациональной перспективы важно иметь в виду тот факт, что коллективы и социальная среда имеют тенденцию качественно изменяться в зависимости от локации, через которую в определенный момент пролегает траектория передвижения мигранта. Кроме того, сама траектория

передвижения также выступает как продукт влияния, которое оказывают на субъект коллектив и социальная среда.

Своеобразной чертой транснационализма как исследовательской стратегии является то, что его использование предполагает комбинирование с другими новыми парадигмами. В качестве примера можно привести применение транснационализма в таких научных областях, как культурология, философская антропология, городские исследования и пр. Методологическая концепция транснационализма в этих случаях предполагает транскультурный подход. Последний предусматривает особый взгляд на проблему взаимовлияния культур, когда культуры интерпретируются не как отдельные «контейнеры», а как взаимодействующие открытости [13, р. 8]. Так как процесс культурного взаимодействия в принципе не может происходить в отрыве от социальных групп (носителей культуры) и физических пространств, в пределах которых социальные группы осуществляют различного рода деятельность, логично, что физическое пространство не может оставаться культурно нейтральным. Благодаря концепции транскультурности физические пространства перестают анализироваться как статичные и наделенные жестко фиксированным набором атрибутов. Теперь с пространствами связывается открытость динамике и развитию [13, р. 11].

Так как транснационализм и связанные с ним концепции появились в методологическом арсенале науки относительно недавно, они еще нуждаются в проработке и уточнениях. Например, разрешения требует проблема изначальной географической привязки. С одной стороны, устраняется методологическая проблема, касающаяся бытования общества исключительно в рамках замкнутых географических «контейнеров». Но, с другой стороны, мобильные социальные группы все равно анализируются с позиции их изначальной принадлежности к определенному национально-государственному «контейнеру». В конечном счете данный «контейнер», условно говоря, «растягивается» в пространстве. Таким образом, понятие изначальной связи с местом следует уточнить в нескольких аспектах: в чем именно заключается эта связь (семья, община, деловые связи, культурная связь), насколько сильно эта связь продолжает влиять на действия индивида, является ли эта связь единственной или деятельность индивида будет определять несколько изначаль-

ных связей (случаи с двойным гражданством, интернациональными семьями и пр.).

Использование нового методологического подхода, представленного в данной статье, актуально не только для социальной философии, но и для других дисциплин, занимающихся исследованием современного общества и его структуры, – социологии, культурологии, миграционных исследований и др. В современном мире, где перманентная мобильность индивидов становится нормой, вышеназванные дисциплины нередко испытывают сложности с выбором подхода к изучению общества и его структур. Транснационализм может быть использован как инструмент, открывающий перед гуманитарными и социальными науками принципиально новые пути развития, каждый из которых будет разрабатываться с учетом актуальных эмпирических данных (миграционная статистика, отчеты международных компаний и пр.) и, в свою очередь, способен открыть перед исследователями новые направления поиска информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев В.Г. Системность и общество. М.: Издательство политической литературы, 1980.
2. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.
3. Костенко В.В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 3. С. 62–76.
4. Мишулин А.В. Марксистско-ленинская теория исторического процесса // Вестник древней истории. 1938. № 4. С. 3–12.
5. Пружинин Б.И. Воспроизводимость эксперимента как инструмент познания (эпистемологический анализ) // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 18–28.
6. Степанов А.М. Транснациональный подход в современных миграционных исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. № 1. С. 116–127.
7. Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов. М.: Издательство РГСУ; Академический Проект, 2007.
8. Crawley, H., McMahon, S., Jones, K., Duvell, F. and Sigona, N., 2016. Destination Europe?: Understanding the dynamics and drivers of Mediterranean migration in 2015. Coventry: Coventry University.
9. Faist, T., Fauser, M. and Reisenauer, E., 2013. Transnational migration. Cambridge: Polity Press.
10. Hannerz, U., 1996. Transnational connections: culture, people, places. London: Routledge.
11. Hermans, H.J.M. and Kempen, H.J.G., 1998. Moving cultures: The perilous problems of cultural dichotomies in a globalizing society. American psychologist, Vol. 53, no. 10, pp. 1111–1120.
12. Hess, S., 2011. Welcome to the container. Zur wissenschaftlichen Konstruktion der Einwanderung als Problem. In: Friedrich, S. ed., 2011. Rassismus in der Leistungsgesellschaft. Analysen und kritische Perspektive zu den rassistischen Normalisierungspozessen der „Sarrazindebatte“. Münster: Edition assemblage, pp. 40–58.
13. Kimmich, D. and Schahadat, S., 2012. Einleitung. In: Kimmich, D. and Schahadat, S. eds., 2012. Kulturen in Bewegung: Beiträge zur Theorie und Praxis der Transkulturalität. Bielefeld: Transcript Verlag, pp. 7–21.
14. Kossoff, G., 2019. Cosmopolitan localism: The planetary networking of everyday life in place. Cuadernos del Centro de Estudios en Diseño y Comunicación, no. 73, pp. 51–66.
15. Nowicka, M., 2019. Transnationalismus. Baden-Baden: Nomos Verlag.
16. Pries, L., 2010. Transnationalisierung: Theorie und Empirie grenzüberschreitender Vergesellschaftung. Wiesbaden: Springer.
17. Scott, A.J., 2019. City-regions reconsidered. Environment and Planning A: Economy and Space, Vol. 51, no. 3, pp. 554–580.
18. Schlosberg, D., Rickards, L. and Byrne, J., 2017. Environmental justice and attachment to place: Australian cases. In: Holifield, R., Chakraborty, J. and Walker, G. eds., 2017. The Routledge Handbook of Environmental Justice. London; New York: Routledge, pp. 591–602.
19. Schmitz, A., 2014. Transnational leben. Bildungserfolgreiche (Spät-) Aussiedler zwischen Deutschland und Russland. Bielefeld: Transcript.
20. Simmel, G., 1908. Exkurs über den Fremden. In: Simmel, G., 1908. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Berlin: Duncker & Humblot, pp. 509–512.
21. Snooks, G., 1996. The dynamic society. The sources of global change. London; New York: Routledge.
22. Vertovec, S., 2009. Transnationalism. London: Routledge.
23. Wimmer, A. and Glick Schiller, N., 2002. Methodological nationalism and beyond: nation-

state building, migration and the social sciences. *Global networks*, Vol. 2, no. 4, pp. 301–334.

REFERENCES

1. Afanasiev, V.G., 1980. *Sistemnost' i obshchestvo* [Consistency and society]. Moskva: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. (in Russ.)
2. Beck, U., 2001. *Chto takoe globalizatsiya?* [What is globalization?]. Moskva: Progress-Traditsiya. (in Russ.)
3. Kostenko, V.V., 2014. *Teorii migratsii: ot assilyatsii k transnatsionalizmu* [Migration theories: from assimilation to transnationalism], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, Vol. 17, no. 3, pp. 62–76. (in Russ.)
4. Mishulin, A.V., 1938. *Marksistsko-leninskaya teoriya istoricheskogo protsessa* [Marxist-Leninist theory of the historical process], *Vestnik drevnei istorii*, no. 4, p. 3–12. (in Russ.)
5. Pruzhinin, B.I., 2021. *Vosproizvodimost' eksperimenta kak instrument poznaniya (epistemologicheskii analiz)* [Reproducibility as a tool of cognition (epistemological analysis)], *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 18–28. (in Russ.)
6. Stepanov, A.M., 2018. *Transnatsional'nyi podkhod v sovremennykh migratsionnykh issledovaniyakh* [Transnational approach in contemporary migration studies], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*, Vol. 11, no. 1, pp. 116–127. (in Russ.)
7. Yudina, T.N., 2007. *Migratsiya: slovar' osnovnykh terminov* [Migration: a glossary of key terms]. Moskva: Izdatel'stvo RGSU; Akademicheskii Proekt. (in Russ.)
8. Crawley, H., McMahon, S., Jones, K., Duvell, F. and Sigona, N., 2016. *Destination Europe?: Understanding the dynamics and drivers of Mediterranean migration in 2015*. Coventry: Coventry University.
9. Faist, T., Fauser, M. and Reisenauer, E., 2013. *Transnational migration*. Cambridge: Polity Press.
10. Hannerz, U., 1996. *Transnational connections: culture, people, places*. London: Routledge.
11. Hermans, H.J.M. and Kempen, H.J.G., 1998. *Moving cultures: The perilous problems of cultural dichotomies in a globalizing society*. *American psychologist*, Vol. 53, no. 10, pp. 1111–1120.
12. Hess, S., 2011. *Welcome to the container. Zur wissenschaftlichen Konstruktion der Einwanderung als Problem*. In: Friedrich, S. ed., 2011. *Rassismus in der Leistungsgesellschaft. Analysen und kritische Perspektive zu den rassistischen Normalisierungsprozessen der „Sarrazinebatte“*. Münster: Edition assemblage, pp. 40–58.
13. Kimmich, D. and Schahadat, S., 2012. *Einleitung*. In: Kimmich, D. and Schahadat, S. eds., 2012. *Kulturen in Bewegung: Beiträge zur Theorie und Praxis der Transkulturalität*. Bielefeld: Transcript Verlag, pp. 7–21.
14. Kossoff, G., 2019. *Cosmopolitan localism: The planetary networking of everyday life in place*. *Cuadernos del Centro de Estudios en Diseño y Comunicación*, no. 73, pp. 51–66.
15. Nowicka, M., 2019. *Transnationalismus*. Baden-Baden: Nomos Verlag.
16. Pries, L., 2010. *Transnationalisierung: Theorie und Empirie grenzüberschreitender Vergesellschaftung*. Wiesbaden: Springer.
17. Scott, A.J., 2019. *City-regions reconsidered*. *Environment and Planning A: Economy and Space*, Vol. 51, no. 3, pp. 554–580.
18. Schlosberg, D., Rickards, L. and Byrne, J., 2017. *Environmental justice and attachment to place: Australian cases*. In: Holifield, R., Chakraborty, J. and Walker, G. eds., 2017. *The Routledge Handbook of Environmental Justice*. London; New York: Routledge, pp. 591–602.
19. Schmitz, A., 2014. *Transnational leben. Bildungserfolgreiche (Spät-) Aussiedler zwischen Deutschland und Russland*. Bielefeld: Transcript.
20. Simmel, G., 1908. *Exkurs über den Fremden*. In: Simmel, G., 1908. *Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Berlin: Duncker & Humblot, pp. 509–512.
21. Snooks, G., 1996. *The dynamic society. The sources of global change*. London; New York: Routledge.
22. Vertovec, S., 2009. *Transnationalism*. London: Routledge.
23. Wimmer, A. and Glick Schiller, N., 2002. *Methodological nationalism and beyond: nation-state building, migration and the social sciences*. *Global networks*, Vol. 2, no. 4, pp. 301–334.

В.М. Липицкая*

РЕПЛАНТАЦИЯ СОВЕТСКОГО КАК СЮЖЕТ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ И ГИПЕРЛОКАЛЬНЫХ СМИ)

Используя материалы ряда региональных и гиперлокальных СМИ в Республике Татарстан, автор выявляет новый тренд обыденного сознания современного общества, который предлагает именовать *реплантацией* советского, т.е. таким изменением социальной парадигмы отношения к обширной советской теме, которое позволяет вновь «вписать» ее в контур публичной дискуссии на нейтральных основаниях, свободных от негативистских коннотаций. В статье сделан вывод о том, что благодаря такой обновленной «оптике», предложенной журналистами, становится возможной ревизия советской культуры, порой незаслуженно преданной забвению, и повторное присвоение ее гуманитарного наследия.

Ключевые слова: СМИ, обыденное сознание, общественное сознание, советская культура, реплантация, ностальгия

Replantation of the Soviet as an everyday consciousness trend (on the materials of regional and hyperlocal media). VALENTINA M. LIPITSKAYA (Kazan Higher Tank Command School)

Using the materials of a number of regional and hyperlocal media in the Republic of Tatarstan, the author reveals a new trend in the everyday consciousness of the modern society, which is suggested to be referred to as a replantation of the Soviet. The term implies such a change in the social paradigm of considering an extensive Soviet theme, which allows «re-adding» it into the circuit of public discussion on neutral grounds, free from any negativist connotations. It is concluded that such updated optics, offered by journalists, makes possible the revision of the Soviet culture, which is sometimes undeservedly consigned to oblivion, as well as reappropriation of its heritage.

Keywords: mass media, everyday consciousness, public consciousness, Soviet culture, replantation, nostalgia

Введение

В октябре 2019 г. на сайте общественно-политического издания «Новые Известия» был опубликован, пусть и снабженный пометой «Мнение автора может не совпадать с позици-

ей редакции», текст Алины Витухновской, в котором советская культура названа «состоящей из пошлости, лакейства и патетических банальностей», а также «ничего не давшей мировой культуре, но многое пытавшейся украсть»

* ЛИПИЦКАЯ Валентина Михайловна, кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков Казанского высшего танкового командного ордена Жукова Краснознаменного училища.

E-mail: vmnasrtdinova@mail.ru

© Липицкая В.М., 2023

[9]. А в 2022 г. блогер Анастасия Чушевская (Instagram-аккаунт¹ @s_tri_kogoba), вспоминая цитату В.И. Ленина на школьной стене, саркастически отмечала, что «автору вообще удавался жанр “пафосные глупости на стену”». Безусловно, и регистр, и интонирование, и целевая аудитория высказываний, приведенных выше, различны. Общим их местом являются аксиологические основания, избранные авторами: непримиримая критика советской культуры и соответствующих повседневных практик, очевидное стремление подвергнуть таковые социальному и культурному остракизму.

Исследовательская ценность данных суждений заключается в однозначности, эмоциональности и конкретности манифестации в них заметного постперестроечного сюжета обыденного сознания, выраженного в желании отмежеваться от советского и любимыми способами сбросить его «с парохода современности» как нечто кондовое, косное, отжившее, *нафталиновое, совковое*. Собственно, данный сюжет на постсоветском пространстве имел, кроме гневных вербальных, и совершенно материальные, деятельностные инкарнации: под лозунгом декommунизации и деидеологизации изменялись городские топонимы, демонтировались памятники; определенные артефакты аудиальной и визуальной культуры, становясь «неформатом», покидали сетку теле – и радиовещания; пересмотру подверглось содержание программ среднего и высшего образования (прежде всего, по дисциплинам социально-гуманитарного цикла – например, литературе, истории).

Взявший свои истоки в сфере государственной политики тренд отрицания всего советского и повсеместного отказа от него возымел масштабные побочные эффекты гуманитарного характера: первоначально локально-политическая концепция «советское – значит *плохое*» была экстраполирована обыденным сознанием и на советскую культуру в самом широком смысле слова – архитектуру, литературу, музыку, моду, постепенно превратив последние в «отрезанный ломоть» культуры современной, переместив их в расфокус массовой социальной памяти.

Однако наряду с описанным выше современное общественное сознание обнаруживает

постепенное, пусть пока и несколько контурное оформление еще одного сюжета, который в рамках настоящей работы мы будем называть «реплантацией советского». В медицине реплантацией называется «хирургическая операция по приживлению частично или полностью отчлененного сегмента конечности» [25]. В социально-философском смысле реплантацией мы предлагаем именовать процессы, способствующие возвращению феномена в повседневный публичный дискурс, его нейтральной ре-акцепции на условиях освобождения (отказа) от депривации, стигматизации, однозначности коннотаций и трактовок. Оценивая СМИ как своеобразную лабораторию по «культивации» смыслов и формул массового сознания, автор рассматривает процессы реплантации советского, опираясь на анализ материалов региональных и гиперлокальных изданий.

Кейс интернет-журнала «Инде»

Деятельность интернет-журнала о жизни в Татарстане «Инде» берет отсчет с января 2016 г. В своем mission statement («О проекте») издание сообщает о себе следующее: «Мы пишем о городских сообществах, о современном искусстве, состоянии науки, метаморфозах национального наследия – обо всем, что помогает понять, кто мы такие, откуда идем и куда движемся» [20]. Р. П. Баканов, произведя содержательный анализ публикаций названного интернет-издания, большинство текстов «Инде» аттестует в качестве т.н. «инфотейнмента» [7, с. 61] (англ. infotainment: information – информация и entertainment – развлечение), при этом отмечая, что «многие из ... тем были направлены на формирование потребительского вкуса аудитории, ориентирование ее на удовлетворение бытовых (где что выгоднее купить, поесть, получить определенную услугу) и духовных потребностей (куда сходить в выходные, какие три мероприятия нельзя пропускать на будущей неделе, репортажи с интересных ... образовательных проектов и т.д.)» [7, с. 60].

«Инде» – яркий пример молодежного, гиперлокального СМИ, сознательно дистанцирующегося от «классической», информационно-аналитической журналистики; модного, *атмосферного*, в известной мере *хипстерского*. Адресован интернет-журнал, на наш взгляд, прежде всего современным young adults, непременно имеющим высшее образование, являющимся представителями креативных про-

¹ Деятельность Meta Platforms Inc. и принадлежащий ей социальных сетей, в т.ч. Instagram, признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

фессий или IT-индустрии; многочисленным фрилансерам – фотографам, *инфлюэнсерам, блогерам*, чей образ жизни в значительной мере предзадан пульсацией культурных, интеллектуальных, социальных инициатив мегаполиса – фестивалей, маркетов, кинопоказов, public talks и др. Наряду с прагматическими функциями (например, информирование о предстоящих мероприятиях и освещение прошедших) интернет-издание последовательно реализует и мировоззренческую функцию путем предоставления читателю определенной «зрительской оптики» и сосредоточения на определенном же эстетическом каноне.

Заслуживающими отдельного внимания с точки зрения рецепции и опыта (*пере*)проживания советского в современном общественном сознании нам видится ряд публикаций интернет-журнала, посвященных локальным достопримечательностям советской архитектуры (например, «Архитектурный ликбез. 14 советских мозаик в Казани» [5], «Дом с историей. Как живется в зеленой сталинке на Булаке» [10], «Маршрутный лист. Что исследовать в старой части Советского района» [17] и др.).

Общей тональностью работ, содержащих референции к советской архитектуре, избрана сдержанная, констатирующая, как правило, безоценочная дескрипция информационно-просветительского свойства, например: «Жилой дом на пересечении улиц Декабристов и Гагарина построили в 1955 году для сотрудников авиационного завода № 22» [12]; «Отодвинутый от исторической красной линии, дом на пересечении Островского и Джалиля артикулировал угол квартала и по задумке автора перекликался с угловым домом на Кави Наджми / Островского, где в войну жил Самуил Маршак» [11]. И лишь изредка встречаются оценочные суждения: «Невероятной красоты образец сталинского ампира в Дербышках» [21] или «Жилые дома, построенные в 1930-1950-е годы, до сих пор вдохновляют и притягивают горожан, выдерживая конкуренцию с новостройками» [4].

При том, что ни одна из работ этого цикла не выступает адвокатом советского как институционально-идеологической модели или проводником реставрирующей ностальгии, *совстальгии*, их значение с точки зрения пересмотра локальных стратегем взаимодействия с советским – прошедшим и продолжающимся – довольно велико, и вот почему. Рассматриваемое подобным образом *советское*, не переставая быть именем

собственным, перестает, однако, быть именем нарицательным, выдворенным «за сто первый километр» публичной дискуссии, обретает утраченную многомерность и симфоничность социокультурного звучания, вновь присваивается городом и миром. В качестве объяснения вновь возникшей готовности общества *смотреть(ся) в советское* убедительной нам представляется гипотеза, высказанная автором книги «Что придумал Шухов», экскурсоводом Айратом Багаудиновым, приглашенным комментировать один из материалов серии: «Советский модернизм изучен слабо: к нему начали обращаться лишь лет десять назад. ... Вероятно, так происходит потому, что это наследие связано с болью: совмод ассоциируют с годами брежневского застоя, с отторжением всего советского. Только сейчас, когда мы постепенно преодолеваем эти психологические травмы, модернизм для нас становится чем-то заслуживающим интереса» [3].

То есть, во-первых, справедливо говорить об органическом течении трансформационных процессов в общественном сознании: давно закончилась мировоззренческая «гражданская война» 1990-х гг.; коллективной психикой пройдена точка невозврата, и, поэтапно, все канонические стадии процессирования неизбежного, описанные Элизабет Кюблер-Росс: прекращение существования советского государства есть свершившийся и уже вполне осознанный, *принятый* социумом исторический факт (вне зависимости от формулировок, избираемых говорящим: «распад», «развал», «крушение» и т.д.). Во-вторых, на наш взгляд, наряду с врачеванием коллективной травмы *окончания советского* и последовавшего за ней кризиса идентичности, формируется представление о том, что огульное, оптовое отрицание и утилизация всего советского по меньшей мере недальновидны; оформляется социальный запрос на вдумчивую ревизию советского наследия, возникает способствующий этому социально-психологический контекст. В-третьих, возвращаясь к архитектурной тематике рассмотренных текстов, справедливо отметить, что на момент их публикации в городском ландшафте (в данном случае, в городе Казань), уже появились здания, воспринимаемые в качестве стилистических высказываний нововременного градостроения, на фоне которых порой [2] становится совершенно очевидно, что советская архитектура заслуживает уважительного внимания и комплиментарных оценок.

Таким образом, оценивая упомянутые выше публикации интернет-журнала «Инде» как частный случай реплантации советского, мы прежде всего вменяем им в заслугу формирование качественно нового интереса к советской культуре у читательской аудитории, а также снабжение ее обновленной линзой видения, свободной от «встроенных фильтров», «концептуальных пресетов» политической пристрастности, ангажированности и фракционизма; *создание прецедента*.

Оговоримся, впрочем, что содержательная сторона реализации этого «нового интереса» будет зависеть непосредственно от личности реципиента (читателя), и в ряде случаев не продвинется дальше обывательского «*поедем пофоткаемся*»², то есть будет редуцирована к созданию «свежего контента» для личного аккаунта в социальных медиа. Добавим, что некоторые объекты городской среды даже приобретают статус т. н. «инстаспотов» (англ. *instagrammable spots*) – локаций, имеющих потенциал служить фоном для идеального фото.

Кроме того, архитектура с ее явной фото – и киногеничностью является для поколения т. н. «цифровых аборигенов» [28] *правильным* поводом для знакомства с культурой, ведь для специфической дигитальной ментальности, выстроенной вокруг пользования социальными медиа и интернетом, визуальный нарратив предпочтителен и превалирует над вербальным. Отсюда новый *bon ton* постинга в социальных сетях: большие, потенциально некомфортные для других пользователей тексты зачастую сопровождаются предупреждением «*извиняюсь за лонгрид*» или «упреждающими» хэштегами #длиннопост, #слишкомногобукв и проч.

Однако можно с уверенностью утверждать, что найдутся и те, чьи наблюдения, вызванные знакомством с советской архитектурой, окажутся созвучны соображениям Рори Стотта, высказанным в статье, посвященной выходу фотоальбома Кристофера Хервига «Советские автобусные остановки»: «Что любопытно для режима, обычно ассоциируемого – как в плане архитектуры, так и в любом другом – с единообразием и одинаковостью, автобусные остановки, построенные Советской Республикой, демонстрируют удивительное разнообразие и

креативность» [29]. Действительно, бытование сюжета о шаблонной безликости советской архитектуры чрезвычайно широко. Например, именно этот сюжет (Рис. 1, 2), утрированный до абсурдности в жанре комедии положений, лежит в основе канонической киноленты «Ирония судьбы, или с легким паром...» (реж. Э. Рязанов, 1975 г.). При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что «серая» советская действительность прибегала к собственному, самобытному декоративному вокабуляру для оформления урбанизированной среды, используя мозаики, витражи, сграффито [5; 6; 22], не жалея на это средств³, а адресатом этих арт-посланий автоматически становился любой горожанин – монументальное искусство эгалитарно, осязаемо, обладает всеобщей доступностью.

Итак, подводя итог рассмотрению сюжета реплантации советского по версии гиперлокального интернет-журнала «Инде», отметим, что из всего ансамбля советской культуры заслуживающими наибольшего читательского интереса журналистам издания видятся советская архитектура и декоративно-прикладное искусство. Материалы имеют популярно-культурологическую интонацию, прибегают к стратегиям *awareness raising* и при этом свободны от любых политических или идеологических коннотаций и агитационной риторики. Значимыми с социально-философской точки зрения, на наш взгляд, они становятся потому, что инициируют знакомство своей целевой аудитории с советской культурой, создавая последней обновленную социально-психологическую аранжировку в обыденном сознании, предлагают замечать материальные артефакты культуры и наделять их ценностью.

Кейс интернет-журнала «Enter»

Ближайшим локальным «каунтерпартом» рассмотренного выше «Инде» справедливо полагать «Enter» – еще одно издание о жизни в Казани, стартовавшее годом позже, в 2017 г. В разделе «О проекте» читаем: «Каждый день редакция рассказывает о городских инициативах, общественных пространствах, а также знакомит читателей с новыми героями креативной индустрии Татарстана» [19].

² Употребление сленгового глагола, отличного от литературной нормы, избрано сознательно, с целью сохранения аутентично-коллоквиальной формы высказывания.

³ В статье «Архитектурный ликбез. 14 советских мозаик в Казани» [5] указано, что смальтовая мозаика является дорогим отделочным материалом, применяемым в монументальном искусстве.

Рис. 1. Кадр мультфильма из к/ф «Ирония судьбы, или с легким паром»
(Реж. Э. Рязанов, художник-мультипликатор В. Песков, 1975 г.)

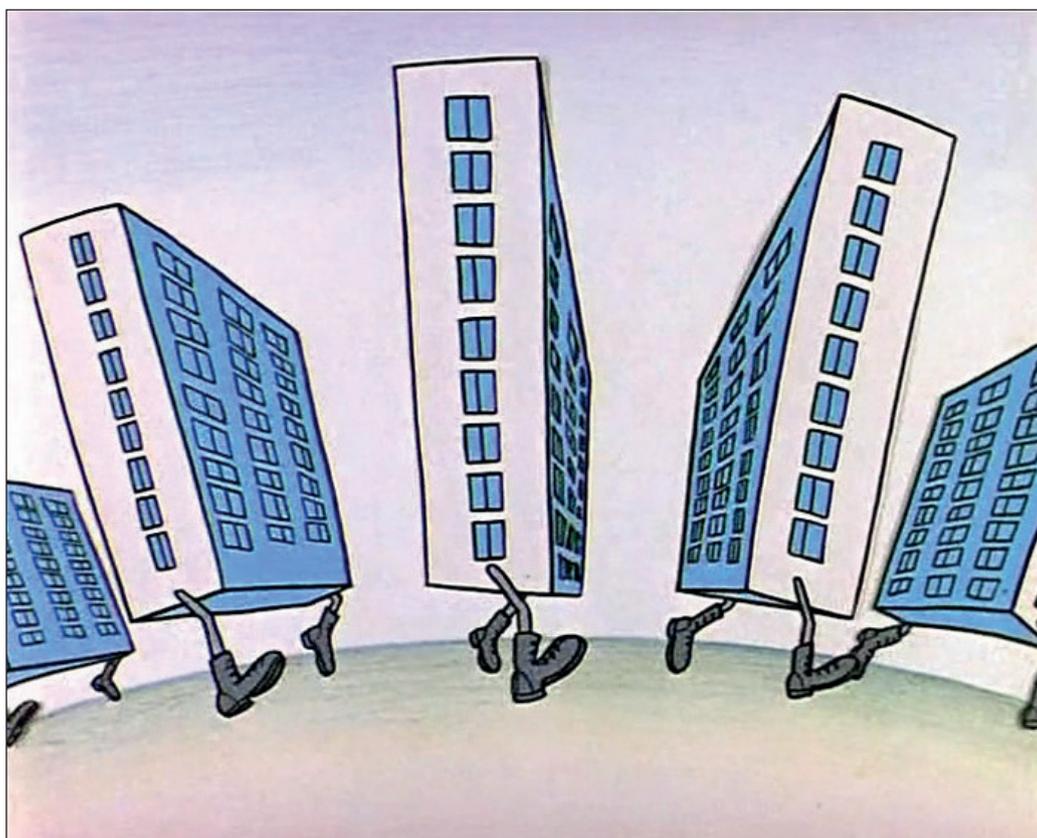

Рис. 2. Кадр мультфильма из к/ф «Ирония судьбы, или с легким паром»
(Реж. Э. Рязанов, художник-мультипликатор В. Песков, 1975 г.)

Проанализировав публикации данного интернет-журнала на предмет реферирования к советскому, мы пришли к выводу, что в отличие от «Инде» «Enter» мало и довольно поверхностно интересуется советским как слагаемым гуманитарного знания или мотивом общественной дискуссии, лишь изредка предлагая вниманию читателя публикации научно-популярного свойства (см., напр.: [13; 26; 27]), «идущие вслед» за наличествующим у аудитории интересом, *откликающиеся* на него.

«Enter», впрочем, формулирует собственные инструменты-практики культурного присвоения или, вернее, *переприсвоения* советского, отсылающие одновременно к самобытности глокализации и тотальности консюмеризма: советское транскрибируется в виде гурманского ингредиента для создания харизматичной локальной айдентики, материализуется в небанальный *мерч* – одновременно интеллектуальный, ироничный, ненавязчиво-патриотический, слегка ностальгирующий. Речь идет о двух коллаборациях редакции «Enter» – с местной ювелирной студией «Rings for you»

[24] и косметическим брендом «Amaia» [1], результатом которых стали две капсульные коллекции – украшений и парфюмерии соответственно. Примечательно, что осевым элементом вдохновения для обоих проектов (первого – в большей степени) вновь становится сюжетика советской архитектуры Казани. Так, легендарное сграффито «Казань – столица Советской Татарии» (Рис. 3), украсившее здание центрального железнодорожного вокзала и давно обретшее статус «визитной карточки» города [18], сначала воплотилось в этикетке парфюма (Рис. 4) «Горькие слезы от разлуки с Татарстаном» (дизайнер Саша Спи постиронично «играет» с монументальным образом, изображая «татарочку» плачущей), а затем и вовсе обернулось (в буквальном смысле) крупным серебряным кольцом (Рис. 5). Аналогичные метаморфозы, *закольцовываясь* в драгоценном металле, претерпевает и лозунг «Миру – мир», венчающий одну из заглавных казанских сталинок и отсылающий к утраченному городскому топониму – одноименному продовольственному магазину.

Рис. 3. Сграффито «Казань – столица Советской Татарии», авторы С. Бубеннов, В. Федоров, 1967 г., г. Казань, ул. Чернышевского, 36а. Фото Д. Самойловой

Рис. 4. Туалетная вода «Горькие слезы от разлуки с Татарстаном» от бренда Амаиа

Рис. 5. Кольцо «Советская Татария» из капсульной коллекции. Фото предоставлено студией «Rings for you»

Таким образом, реплантация советского по версии интернет-издания «Enter» реализуется в формате своеобразной культурологической «нострификации» советского как незаменимой составляющей локального культурного кода и дальнейшем его брендинге и продвижении.

Кейс журнала «Казань»

В 2021 г. целый номер иллюстрированного общественно-политического, историко-публицистического и литературно-художественного журнала «Казань» [14] был посвящен распаду Советского Союза (Рис. 6). Предваряющее номер письмо главного редактора А.Б. Абсаямовой было озаглавлено «Непростое прошлое время», а в шапку обложки вынесен тезис «30 лет из/без “прекрасного далека”». *Реплантирующим советское*, то есть заново вписывающим его в контур общественной дискуссии, данный номер видится нам не только и, пожалуй, не столько в силу его концептуально-тематической гомогенности, но прежде всего из-за новизны, *неизбитости* интонации данного выпуска.

Антрополог С.Ю. Бойм, «атомизируя» термин ностальгия на два греческих корня – *νόστος* («возвращение домой») и *ἄλγος* («печаль» или «тоска»), предлагает типологическую дихотомию: реставрирующая и рефлексивная ностальгия [8, с. 23]. И если первая, оформляясь вокруг *νόστος*, тяготеет к «реконструкции потерянного дома», то вторая, фундированная *ἄλγος*, реализуется «в тоске как таковой, и откладывает возвращение на родину» [8, с. 23]. Сам феномен профессор Бойм определяет как «стремление к дому, которого больше нет или никогда не существовало» [8, с. 15].

Однако при ближайшем знакомстве с текстами ноябрьского выпуска журнала «Казань» оказывается, что рассуждать о советском возможно и уместно из парадигмы *наличия*, а не *отсутствия*, *обладания*, а не *утраченности*. Материалы номера не пытаются ни полемизировать с историческим фактом исчезновения государства Советский Союз с мировой карты, ни скорбеть о нем, однако артикулируют важный конструкт обыденного сознания: существуют социальные группы, для которых советское – не дом, которого «больше нет», но дом, который фактически продолжается, пусть и виртуально – на уровне паттернов коллективной ментальности или персональных коммеморативных практик.

Программно это ощущение сформулировано в статье заслуженного деятеля искусств Российской Федерации Рустема Аязова: «Страну нам никто не вернет, но и воспоминания о ней никто у нас не отнимет!» [14, с. 73].

Таким образом, вопреки предположению С. Бойм («тоска – это то, что мы разделяем друг с другом» [8, с. 19]), объединяющим фактором, своеобразной *скрепой* становится не *ἄλγος*, но мотив *возвращения домой*; а сам номер, превращаясь в портал, обеспечивающий опыт такого возвращения, воплощает не ностальгию, а, если угодно, *ностофилию* (от греч. *φιλία* – любовь, дружба), то есть *добрую, сердечную* любовь к возвращению домой, к возможности этого возвращения (в отличие от принципиальной ностальгической *не-возможности*). Стоит также добавить, что рассмотренный выше номер – не единственный, демонстрирующий такой паттерн отношения к масштабной советской теме: она звучит на страницах «Казани» регулярно, на паритетных началах, и интонируется нейтрально, например: «Двухвековая елочная история» [15, с. 6], «Три новеллы из детства» [16, с. 22], «Народный словарь казанского лета» [16, с. 20] и др.

Советское в транскрипции журнала «Казань» явлено в качестве коллективного референтного опыта, актуальность которого не увязана на привлекательность политического свойства, но предзадана *неизвлекаемостью* советского из частных, персональных, семейных, региональных историй; благодаря чему *распаковывается* «советское-как-родное», а не «советское-как-идеальное». Именно поэтому вместо неизбежной «клюквенности», «патоки», избыточности *ἄλγος* реализуется доброжелательно-сдержанная *φιλία*.

Заключение

На основании проделанного анализа нам удалось установить, что в ряде региональных и гиперлокальных СМИ, действующих на территории Республики Татарстан, в настоящее время оформляется обновленный журналистский ракурс видения советского как обширной темы общественной дискуссии. Данный тренд мы предлагаем называть *реплантацией советского*: ранее длительно отторгавшееся, табуированное или, наоборот, инфернализованное, советское могло пребывать вне контура социального полилога и/или было лишено нейтральности эмоциональных оценок.

Рис. 6. Обложка журнала «Казань» № 11 за 2021 г. (иллюстрация Л. Косолаповой, фото Ю. Калининой)

Мы сознательно избегаем терминов «реабилитация», «нормализация» и, тем более, «реставрация» по отношению к советскому – все они, так или иначе, подразумевали бы движение маятника общественного сознания в какую-то определенную сторону – например, формирование массовых ретроспективных симпатий, что, разумеется, не соответствует действительности.

Однако, как нам видится, публикации ряда СМИ свидетельствуют о готовности рассуждать о советском на нейтральных основаниях, учитывая его и как неизбежное прошлое, и как альтернативную «параллельную» реальность, релевантную для ряда категорий граждан, и как значительную, *большую культуру*, вдумчивую ревизию гуманитарного наследия и артефактов которой еще предстоит произвести.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. #ПрекрасныйТатарстан: Enter выпустил капсульную коллекцию туалетной воды // Интернет-журнал «Enter». URL: <https://entermedia.io/fashion/prekrasnyjtatarstan-enter-vypustil-kapsulnuyu-kollektsiyu-tualetnoj-vody/>
2. #ЯМыКольцо. Авторы термина «капиталистический романтизм» о том, как полюбить спорную архитектуру «Кольца» и «Пирамиды» // Интернет-журнал «Инде». URL: <https://inde.io/article/31516-yamykoltso-avtory-termina-kapitalisticheskiy-romantizm-o-tom-kak-polyubit-spornuyu-arhitekturu-koltsa-i-piramidy?ysclid=184jo0vtyo903899663>
3. Архитектурный ликбез. 19 казанских зданий эпохи советского модернизма // Интернет-журнал «Инде» URL: <https://inde.io/article/15685-arhitekturnyy-likbez-19-kazanskih-zdaniy-epohi-sovetskogo-modernizma?ysclid=184i9xpi1604986467>
4. Архитектурный ликбез. 11 самых красивых жилых сталинок в Казани // Интернет-журнал «Инде» URL: <https://inde.io/article/31200-arhitekturnyy-likbez-11-samyh-krasivyh-zhilyh-epstalinok-v-kazani>
5. Архитектурный ликбез. 14 советских мозаик в Казани // Интернет-журнал «Инде» URL: <https://inde.io/article/15072-arhitekturnyy-likbez-14-sovetskih-mozaik-v-kazani?ysclid=184i7mj9nv39066559>
6. Архитектурный ликбез. 11 советских сграффито в Казани // Интернет-журнал «Инде» URL: <https://inde.io/article/15995-arhitekturnyy-likbez-11-sovetskih-sgraffito-v-kazani?ysclid=184hwph8u264596406>
7. Баканов Р. П. Казанское онлайн-издание «Инде»: проблематика и функциональное разноеобразие // Материалы Международной научно-практической конференции «Новые городские медиа в медиаландшафте России», г. Пермь, 1–2 июня 2018 г. Пермь, 2018. С. 45–68.
8. Бойм С. Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
9. Витухновская А. Советская культура ничего не дала мировой, но многое пыталась украсть // Газета «Новые известия». URL: <https://newizv.ru/comment/alina-vituhnovskaya-2/14-10-2019/sovetskaya-kultura-nichego-ne-dala-mirovoy-nomnogoe-pytalas-ukrast>
10. Дом с историей. Как живется в зеленой сталинке на Булаке // Интернет-журнал «Инде» URL: <https://inde.io/article/7782-dom-s-istoriey-kak-zhivetsya-v-zelenoy-stalinke-na-bulake>
11. Дом с историей. Как живется в писательской сталинке на Островского // Интернет-журнал «Инде» URL: <https://inde.io/article/16003-dom-s-istoriey-kak-zhivetsya-v-pisatelskoy-stalinke-na-ostrovskogo>
12. Дом с историей. Как живется в сталинке на перекрестке Гагарина и Декабристов // Интернет-журнал «Инде» URL: <https://inde.io/article/30094-dom-s-istoriey-kak-zhivetsya-v-stalinke-na-perekrestke-gagarina-i-dekabristov>
13. Звукошум и куб: Что происходило с музыкой в советский период // Интернет-журнал «Enter». URL: <https://entermedia.io/weekend/zvukoshum-i-kub-cto-proishodilo-s-muzykoj-v-sovetskij-period/>
14. Казань: иллюстрированный общественно-политический, историко-публицистический и литературно-художественный журнал. 2021. № 11.
15. Казань: иллюстрированный общественно-политический, историко-публицистический и литературно-художественный журнал. 2022. № 1.
16. Казань: иллюстрированный общественно-политический, историко-публицистический и литературно-художественный журнал. 2022. № 7.
17. Маршрутный лист. Что исследовать в старой части Советского района // Интернет-журнал «Инде» URL: <https://inde.io/article/26420-marshrutnyy-list-cto-issledovat-v-staroy-chasti-sovetskogo-rayona?ysclid=184im15jeo778760289>

18. Мирханова А. Виктор Федоров. Создатель казанской «визитки» // Журнал «Казань». URL: <http://kazan-journal.ru/news/novosti/viktor-fedorov-sozdatel-kazanskoj-vizitki>

19. О проекте // Интернет-журнал «Enter». URL: <https://entermedia.io/about/>

20. О проекте // Интернет-журнал «Инде» URL: <https://inde.io/about/835-o-proekte>

21. Обновленное место. Концертный зал, библиотека и кинотеатр в ДК имени Саид-Галиева // Интернет-журнал «Инде» URL: <https://inde.io/article/29462-obnovlennoe-mesto-kontsertnyuzal-biblioteka-i-kinoteatr-v-dk-imeni-said-galievayysclid=184i3ah14u817376374>

22. Обновленное место. Концертный зал, коворкинг и кафе в культурном центре «Сайдаш» на Ершова // Интернет-журнал «Инде» URL: <https://inde.io/article/24867-obnovlennoe-mestokontsertnyuzal-kovorking-i-kafe-v-kulturnomtsentre-saydash-na-ershova>

23. Остановка времени. Шесть советских мозаичных павильонов недалеко от Казани // Интернет-журнал «Инде» URL: <https://inde.io/article/28421-ostanovka-vremeni-shest-sovetskihmозаичных-pavilonov-nedaleko-ot-kazani>

24. Редакция Enter и студия Rings for you выпустили капсульную коллекцию колец // Интернет-журнал «Enter». URL: <https://entermedia.io/fashion/redaktsiya-enter-i-studiya-rings-for-you-vypustili-kapsulnuyu-kollektsiyu-kolets/>

25. Реплантиция (реваскуляризация) конечностей // НКЦ №2 ФГБНУ «РНЦХ им. акад. Б. В. Петровского» (ЦКБ РАН). URL: <https://www.ckbran.ru/hospital/surgery/otdelenie-travmatologii-i-ortopedii/replantatsiya-konechnosti>

26. Советский, криминальный, новый: Как менялся российский двор // Интернет-журнал «Enter». URL: <https://entermedia.io/city/sovetskij-kriminalnyj-novuj-kak-menyalsyarossijskij-dvor/>

27. Что читать и смотреть, чтобы влюбиться в советский модернизм // Интернет-журнал «Enter». URL: <https://entermedia.io/city/chto-chitat-i-smotret-ctoby-vlyubitsya-v-sovetskij-modernizm/>

28. Prensky, M., 2001. Digital natives, digital immigrants. Part 1. On the Horizon, Vol. 9, no. 5, pp. 1–6.

29. Stott, R. A collection of striking Soviet bus stops designs. URL: <https://www.archdaily.com/484679/a-collection-of-striking-soviet-bus-stop-designs>

REFERENCES

1. #PrekrasnyiTatarstan: Enter vypustil kapsul'nyu kolleksiuyu tualetnoi vody [#BeautifulTatarstan: Enter has released a capsule collection of toilet water]. URL: <https://entermedia.io/fashion/prekrasnyjtatarstan-enter-vypustil-kapsulnuyu-kollektsiyu-tualetnoj-vody/> (in Russ.)

2. #YaMyKol'tso. Avtory termina «kapitalisticheskii romantizm» o tom, kak polyubit' spornuyu arhitekturu «Kol'tsa» i «Piramidy» [#IWeKoltso. The authors of the term «capitalist romanticism» on how to fall in love with the controversial architecture of the «Koltso» and «Pyramid»]. URL: <https://inde.io/article/31516-yamykoltso-avtory-termina-kapitalisticheskii-romantizm-o-tom-kak-polyubit-spornuyu-arhitekturu-koltsa-i-piramidy?ysclid=184jo0vryo903899663> (in Russ.)

3. Arkhitekturnyi likbez. 19 kazanskikh zdaniy epokhi sovetskogo modernizma [Crash course in architecture: 19 Kazan buildings from the era of Soviet modernism]. URL: <https://inde.io/article/15685-arhitekturnyy-likbez-19-kazanskikh-zdaniy-epokhi-sovetskogo-modernizma?ysclid=184i9xpi1604986467> (in Russ.)

4. Arkhitekturnyi likbez. 11 samykh krasivykh zhilykh stalinek v Kazani [Crash course in architecture: 11 most beautiful residential «Stalinkas» in Kazan]. URL: <https://inde.io/article/31200-arhitekturnyy-likbez-11-samyh-krasivykh-zhilykh-epstalinek-v-kazani> (in Russ.)

5. Arkhitekturnyi likbez. 14 sovetskikh mozaik v Kazani [Crash course in architecture: 14 Soviet mosaics in Kazan]. URL: <https://inde.io/article/15072-arhitekturnyy-likbez-14-sovetskihmозаик-v-kazani?ysclid=184i7mj9nv39066559> (in Russ.)

6. Arkhitekturnyi likbez. 11 sovetskikh sgraffito v Kazani [Crash course in architecture: 11 Soviet sgraffitos in Kazan] URL: <https://inde.io/article/15995-arhitekturnyy-likbez-11-sovetskihsgraffito-v-kazani?ysclid=184hwhp8u264596406> (in Russ.)

7. Bakanov, R.P., 2018. Kazanskoe onlain-izdanie «Inde»: problematika i funktsional'noe raznoobrazie [Kazan online edition «Inde»: issues and functional diversity]. In: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Novye gorodskie media v medialandshafte Rossii», g. Perm', 1–2 iyunya 2018 g. Perm, 2018, pp. 45–68. (in Russ.)

8. Boym, S., 2019. Budushchee nostalgii [The future of nostalgia]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
9. Vitukhnovskaya, A. Sovetskaya kul'tura nichego ne dala mirovoi, no mnogoe pytalas' ukrast' [Soviet culture gave nothing to world culture, but tried to steal a lot]. URL: <https://newizv.ru/comment/alina-vitukhnovskaya-2/14-10-2019/sovetskaya-kultura-nichego-ne-dala-mirovoy-no-mnogoe-pytalas-ukrast> (in Russ.)
10. Dom s istoriei. Kak zhivyotsya v zelyonoi stalinke na Bulake [House with a history. How life is in a green «Stalinka» on Bulak]. URL: <https://inde.io/article/7782-dom-s-istoriey-kak-zhivetsya-v-zelenoy-stalinke-na-bulake> (in Russ.)
11. Dom s istoriei. Kak zhivyotsya v pisatel'skoi stalinke na Ostrovskogo [House with a history. How life is in the writer's «Stalinka» on Ostrovsky Street]. URL: <https://inde.io/article/16003-dom-s-istoriey-kak-zhivetsya-v-pisatelskoy-stalinke-na-ostrovskogo> (in Russ.)
12. Dom s istoriei. Kak zhivyotsya v stalinke na perekryostke Gagarina i Dekabristov [House with a history. How life is in the «Stalinka» at the intersection of Gagarina and Dekabristov streets]. URL: <https://inde.io/article/30094-dom-s-istoriey-kak-zhivetsya-v-stalinke-na-perekrestke-gagarina-i-dekabristov> (in Russ.)
13. Zvukoshum i kub: Chto proiskhodilo s muzykoi v sovetskii period [Sound noise and cube. What happened to music in the Soviet period]. URL: <https://entermedia.io/weekend/zvukoshum-i-kub-chno-proishodilo-s-muzykoj-v-sovetskij-period/> (in Russ.)
14. Kazan': illyustrirovannyi obshchestvenno-politicheskii, istoriko-publitsisticheskii i literaturno-khudozhestvennyi zhurnal [Kazan: illustrated journal], 2021, no. 11. (in Russ.)
15. Kazan': illyustrirovannyi obshchestvenno-politicheskii, istoriko-publitsisticheskii i literaturno-khudozhestvennyi zhurnal [Kazan: illustrated journal], 2022, no. 1. (in Russ.)
16. Kazan': illyustrirovannyi obshchestvenno-politicheskii, istoriko-publitsisticheskii i literaturno-khudozhestvennyi zhurnal [Kazan: illustrated journal], 2022, no. 7. (in Russ.)
17. Marshrutnyi list. Chto issledovat' v staroi chasti Sovetskogo raiona [Route sheet. what to explore in the old part of the Soviet district]. URL: <https://inde.io/article/26420-marshrutnyy-list-chno-issledovat-v-staroy-chasti-sovetskogo-rayon-a?ysclid=184iml5jeo778760289> (in Russ.)
18. Mirkhanova, A. Viktor Fyodorov. Sozdatel' kazanskoi «vizitki» [Viktor Fedorov. The man who created Kazan's «business card»]. URL: <http://kazan-journal.ru/news/novosti/viktor-fedorov-sozdatel-kazanskoy-vizitki> (in Russ.)
19. O proekte [About the project]. URL: <https://entermedia.io/about/> (in Russ.)
20. O proekte [About the project]. URL: <https://inde.io/about/835-o-proekte> (in Russ.)
21. Obnovlyonnoe mesto. Kontsertnyi zal, biblioteka i kinoteatr v DK imeni Said-Galieva [Refurbished place. Concert hall, library and cinema in the House of Culture named after Said-Galiev]. URL: <https://inde.io/article/29462-obnovlennoe-mesto-kontsertnyy-zal-biblioteka-i-kinoteatr-v-dk-imeni-said-galieva?ysclid=184i3ah14u817376374> (in Russ.)
22. Obnovlyonnoe mesto. Kontsertnyi zal, kovorking i kafe v kul'turnom tsentre «Saidash» na Ershova [Refurbished place. Concert hall, co-working and cafe in the cultural center «Saidash» on Ershova street]. URL: <https://inde.io/article/24867-obnovlennoe-mesto-kontsertnyy-zal-kovorking-i-kafe-v-kulturnom-tsentre-saydash-na-ershova> (in Russ.)
23. Ostanovka vremeni. Shest' sovetskikh mozaichnykh pavil'onov nedaleko ot Kazani [Time stop. Six Soviet mosaic pavilions in the vicinity of Kazan]. URL: <https://inde.io/article/28421-ostanovka-vremeni-shest-sovetskikh-mozaichnyh-pavilonov-nedaleko-ot-kazani> (in Russ.)
24. Redaktsiya Enter i studiya Rings for you vypustili kapsul'nuyu kolleksiuyu kolets [«Enter» editorial office and «Rings for you» studio have released a capsule collection of rings]. URL: <https://entermedia.io/fashion/redaktsiya-enter-i-studiya-rings-for-you-vypustili-kapsulnuyu-kolleksiuyu-kolets/> (in Russ.)
25. Replantatsiya (revaskulyarizatsiya) konechnosti [Replantation (revascularization) of limbs]. URL: <https://www.ckbran.ru/hospital/surgery/otdelenie-travmatologii-i-ortopedii/replantatsiya-konechnosti> (in Russ.)
26. Sovetskii, kriminal'nyi, novyi: Kak menyalsya rossiiskii dvor [Soviet, criminal, new: how the Russian yard was changing]. URL: <https://entermedia.io/city/sovetskij-kriminalnyj-novyj-kak-menyalsya-rossijskij-dvor/> (in Russ.)
27. Chto chitat' i smotret', chtoby vlyubit'sya v sovetskii modernizm [What to read and watch to fall in love with Soviet modernism]. URL: <https://entermedia.io/city/chno-chitat-i-smotret-chnoby-vlyubitsya-v-sovetskij-modernizm/> (in Russ.)

28. Prensky, M., 2001. Digital natives, digital immigrants. Part 1. On the Horizon, Vol. 9, no. 5, pp. 1–6.

29. Stott, R. A collection of striking Soviet bus stops designs. URL: <https://www.archdaily.com/484679/a-collection-of-striking-soviet-bus-stop-designs>

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

УДК 1(091)

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-1/68-90>

Д.Э. Гаспарян*

ОТКРЫВАЯ Л. ВЫГОТСКОГО ЗАНОВО: ОТ ПРОЧТЕНИЯ НА ЗАПАДЕ К ПЕРЕПРОЧТЕНИЮ В РОССИИ**

Настоящая статья служит предисловием к публикации перевода фрагмента книги Я. Валсинера и Р. ван дер Веера «Понимая Выготского. В поисках синтеза» (глава 8 «Выготский и гештальтпсихология»). В предлагаемой русскоязычному читателю главе раскрывается вся сложность взаимоотношений гештальтпсихологии и деятельностного подхода. Авторы описывают не только обстоятельства распространения идей Л.С. Выготского по всему миру, но и полемические контексты, в которых находилось его учение.

Ключевые слова: Л.С. Выготский, Я. Валсинер, Р. Ван дер Веер, деятельностный подход, гештальтпсихология

Rediscovering Vygotsky: from interpretation in the West to reinterpretation in Russia. DIANA E. GASPARYAN (HSE University, Moscow)

The article is a preface to the publication of a translation of a fragment from the book «Understanding Vygotsky. In Search of Synthesis» by Jaan Valsiner and Rene Van der Veer (Chapter 8 «Vygotsky and Gestalt Psychology»). The chapter offered to Russian readers reveals the complexity of the relationship between Gestalt psychology and the activity approach. The authors describe not only the circumstances under which the ideas of Vygotsky spread all over the world, but also the polemical contexts in which his teaching developed.

Keywords: Lev Vygotsky, Jaan Valsiner, Rene Van der Veer, activity approach, Gestalt psychology

Значение наследия Льва Выготского не просто велико, но и весьма вдохновляюще с точки зрения возможностей интеграции одних научных школ в другие. Несмотря на явное влияние марксизма в теоретических разработках Выготского, которое несколько сужало и специфицировало разработанное им учение, его подходу удалось доказать свою научную ценность, вы-

ходящую за пределы идеологических коннотаций. Знаменитому деятельностному подходу Выготского удалось перерасти исторические, политические и культурные обстоятельства, в которых он зарождался. Ключевые методологические и идейные разработки Л. Выготского завоевали признание в Америке, Западной и Восточной Европе и давно вошли в классиче-

* ГАСПАРЯН Диана Эдиковна, кандидат философских наук, профессор Школы философии и культуры факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: anaid6@yandex.ru

© Гаспарян Д.Э., 2023

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ. Проект № 19-18-00100.

скую традицию освоения психологии как науки. Учение Выготского является обязательным к изучению в самых разных курсах, посвященных человеку, сознанию, мышлению, культуре, обществу и т.д.

Толчком к проникновению идей Л. Выготского в мировое научное сообщество послужил перевод главных трудов мыслителя, пришедший на вторую половину XX в. С выходом в свет в 1962 г. американского издания перевода книги Л. Выготского «Мышление и речь» [9] его идеи начали распространяться по всему миру. Практически сразу после этой публикации, а также после издания различных переводов книги «Развитие высших психических функций» возникает бурная реакция, и наследие Выготского, на фоне активных дискуссий, постепенно проникает в обиход западноевропейских школ. К 1980-м гг. на европейские языки было переведено достаточное количество его трудов, чтобы можно было говорить о полноценном влиянии Л. Выготского на западного исследователя. Вокруг работ Выготского постепенно формируется определенный набор тем, наиболее востребованных в рамках западноевропейских и американских исследований в дисциплинарной области «Social Studies». Это прежде всего темы противостояния между когнитивными структурами и деятельностью, обучения речи и формирования языковых компетенций у детей, прояснения понятия «зоны ближайшего развития», феномена «монологической речи», формирования абстрактного мышления и пр. Именно они привлекают внимание исследователей на Западе: в Италии [1], Нидерландах [7], Франции [2], Северной Америке и Великобритании [8; 10].

На протяжении всей истории возвышения и триумфа советского психолога неоднократно обсуждался вопрос: почему идеи Выготского смогли стать настолько влиятельными в мировом сообществе? Следует ли рассматривать этот факт в качестве курьезного исключения или вполне закономерного явления? По-видимому, объясняя специфическое влияние Выготского, нельзя игнорировать политическую обстановку в западном мире в 1960-е гг. По сравнению с другими советскими психологами, такими как А. Лурия и А. Леонтьев, Выготский в глазах западных ученых не выглядел явно вовлеченным в советскую идеологию, поскольку умер в 1934 г. На тот момент ему было всего 37 лет, и создание всех его трудов, таким об-

разом, пришлось на ранний советский период. Кроме того, его работы не распространялись западными издательскими компаниями, публикующими марксистскую литературу и книги по социализму и коммунизму, так как имя Выготского не ассоциировалось с коммунистической идеологией, приверженность которой чаще всего подразумевалась у советских интеллектуалов. Напротив, его появление на Западе через посредничество Джерома Брунера, который написал предисловие к первому послевоенному переводу «Мышления и речи», можно рассматривать как своего рода репутационный допуск со стороны западной науки. Интерес к советскому мыслителю был невольно подкреплен Жаном Пиаже, который неоднократно открыто полемизировал с Л. Выготским, создавая тем самым дискуссионное поле и саму возможность диалога: разумеется, общественности не терпелось узнать, кто удостоился звания «оппонента великого метра». Неудивительно, что к Л. Выготскому довольно быстро пришла посмертная слава. Впоследствии ученики Пиаже (например, Габриэль Муньи, Анн-Нелли Перре-Клермон, Бернанд Шнеули), разочаровавшись в индивидуалистическом подходе своего учителя, позаимствуют многое из того, что найдут у Выготского, а вскоре и вовсе переориентируются на его разработки. В итоге внедрение идей Выготского в послевоенную западную психологию довольно быстро привело к традиционной для Запада непрременной институционализации интеллектуального наследия в виде обязательных школ, лабораторий, научно-исследовательских центров и т.д. Начался «Vygotsky boom». Дж. Брунер и Г.А. Миллер основали Центр когнитивных исследований в Гарварде, деятельность которого сыграла значительную роль в развитии возрастной психологии, приведшему впоследствии к значительным подвижкам в изменении климата когнитивных наук. Результаты некоторых исследований Центра вскоре составили заметный противовес набирающей популярность генеративной лингвистике Н. Хомского и в целом нативистской линии когнитивизма (нативизму и преформизму). Благодаря рецепции идей Выготского сама полемика западных исследователей вокруг идеи врожденности стала приобретать ту же логику и риторику, которая присутствовала в его трудах. В целом акцентуация социализации именно как концепции, полемизирующей с различными версиями когнитивизма, была заимствована западной психо-

логией во многом в качестве ключевого тезиса деятельностного подхода советского психолога.

В рамках работы Центра активно развивались идеи культурной психологии. Одним из тех, кто сыграл значительную роль в развитии культурных аспектов познания, был Я. Валсинер, чей вклад в привлечение внимания к наследию Л. Выготского нашел выражение в многочисленных работах, в том числе – в написанной в соавторстве с Р. ван дер Веером¹ книге «Понимая Выготского. В поисках синтеза» [8], фрагмент которой (глава 8 «Выготский и гештальтпсихология») в нашем переводе предлагается русскоязычному читателю. Яан Валсинер – известный американский исследователь эстонского происхождения, уже более 40 лет работает в области культурной психологии и последовательно развивает теорию диалога культур, неизменно привнося им в анализ любых психологических и социальных явлений. С конца 1980-х гг. профессор Валсинер приобрел известность в качестве исследователя в области психологии взросления и культурной психологии. Особое внимание автор уделяет вопросу использования человечеством знаков и символов в качестве инструмента формирования и становления сознания. Он является редактором-основателем журнала «Culture and Psychology» (1995 г.). В настоящее время является профессором культурной психологии Нильса Бора в Ольборгском университете (Дания), а также профессором психологии на факультете психологии Университета Кларка (США). Валсинер опубликовал множество книг, наиболее актуальными из которых являются «Управляемый разум» [5] и «Культура в умах и обществах: основы культурной психологии» [6]. Он редактировал «Справочник по психологии развития» (совместно с Кевином Коннолли) [3], а также «Кембриджский справочник по социокультурной психологии» (совместно с Альберто Роза) [4]. Валсинер – главный редактор журналов «Integrative Psychological and Behavioral Sciences» (с 2007 г.) и «History and Theory of Psychology» (с 2008 г.). В 1995 г. он был удостоен премии Александра фон Гумбольдта в Германии за междисциплинарную работу по развитию человека. Я. Валсинер исследует смысловые системы, обращаясь к куль-

турной психологии, указывает на конституирующую роль культуры, а именно различных культурных кодов в процессе производства и воспроизводства смыслов. С опорой на структурализм, равно как и наследие М. Бахтина, а также деятельностный подход Л. Выготского Валсинер развил в своем учении мотив спонтанности возникновения символических систем как эпифеноменальных следствий глубоких культурных слоев, всегда залегающих глубже осознанно индивидуализированной жизни. Символические системы, которые индивидуализированные агенты сознания и речи используют для построения смыслов, являются структурами, которые уже глубоко укоренены в памяти самой культуры. Они представляют собой отражение коллективной имплементации, чья инструментальность в качестве используемых индивидом подручных средств делает их частью и манифестацией сообщества.

Заслуга Валсинера состоит в том, что он не только сыграл большую роль в деле адаптации и интерпретации наследия Л. Выготского, но и показал, в каких отношениях теория Выготского состоит с другими влиятельными учениями о человеке (в частности, с гештальтпсихологией, о чем можно прочесть в публикуемой главе). Это позволило включить разработки Выготского в живой диалог наук и исследовательских практик, что не в последнюю очередь позволило Выготскому надежно «осесть» на западной почве.

Подход Я. Валсинера и его коллеги Р. ван дер Веера, разветвленный и в значительной степени междисциплинарный, принимает во внимание основы деятельностного подхода внутри культуральной активности. Задача авторов состояла в том, чтобы проанализировать применение Выготским деятельностного подхода как универсального принципа построения наук о человеке. В своей совместной работе они показывают, как Выготскому удалось опереться на понятие диалектического синтеза и применить ряд теоретических конструкций в непосредственной эмпирической практике. Интересно, что авторам удалось извлечь из трудов Выготского довольно много фундаментальных положений диалектической философии, таких как синтез и снятие, и успешно применить их в области теоретической психологии.

В предлагаемом читателю переводе главы из книги Я. Валсинера и Р. ван дер Веера не только рассказывается о том, при каких обстоятель-

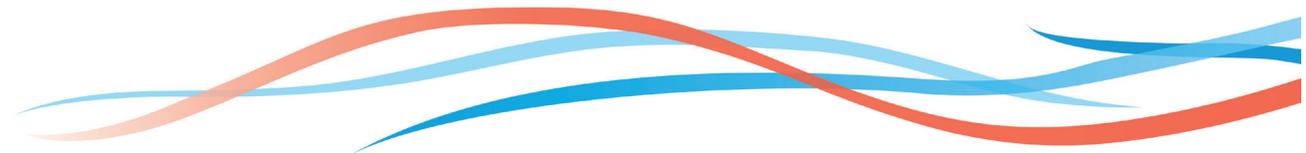
¹ Рене ван дер Веер – почетный профессор Лейденского университета (Нидерланды). Сфера интересов – культурно-историческая теория, история идей.

ствах идеи Л. Выготского начали распространяться по всему миру, но и рассматривается, в каких полемических контекстах находилось учение Выготского. Авторы прослеживают коэволюцию взглядов гештальтистов и последователей Выготского. Менялись не только взгляды теоретиков, но и сами теории. Авторам удается продемонстрировать весьма любопытные факты. В частности, довольно непривычно сближение гештальтпсихологии с подходом Выготского по критерию анти-редукционизма, а также отношения к набирающему обороты в начале XX в. элиминативистски ориентированному бихевиоризму. В исследовании показано, что Выготский многое позаимствовал у своих коллег по гештальту (Кёлера, Коффки, Левина, Гольдштейна), критикуя их, в свою очередь, за недиалектичность. Читатель может узнать, к каким неожиданным последствиям привели попытки Выготского объединить принцип гештальта и принцип диалектического развития. Авторы заставляют по-новому взглянуть на историю рождения концепции «внутренней речи», а также ряда идей, связанных с обучением и развитием ребенка. Наконец, итоговая тема диалектического противостояния Выготского гештальт-сообществу раскрывает всю сложность взаимоотношений гештальтпсихологии и деятельностного подхода. Данная книга является наглядной демонстрацией плодотворной

идеи рецепции отечественной мысли на Западе, развития науки «поверх барьеров».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Mecacci, L., 1983. *Lezioni di psicologia: Vygotsky*. Bologna: Il Mulino.
2. Schneuwly, B. and Bronckart, J.-P. eds., 1985. *Vygotski aujourd'hui*. Neuchâtel; Paris: Delachaux & Niestlé.
3. Valsiner, J. and Connolly, K.J. eds., 2003. *Handbook of developmental psychology*. London: Sage.
4. Valsiner, J. and Rosa, A. eds., 2007. *Cambridge handbook of socio-cultural psychology*. New York: Cambridge University Press.
5. Valsiner, J., 1998. *The guided mind*. Cambridge: Harvard University Press.
6. Valsiner, J., 2007. *Culture in minds and societies: foundations of cultural psychology*. New Delhi: Sage.
7. Van der Veer, R. 1984. *Cultuur en cognitie*. Groningen: Wolters-Noordhoff.
8. Van der Veer, R. and Valsiner, J., 1991. *Understanding Vygotsky: a quest for synthesis*. Oxford: Blackwell.
9. Vygotsky, L.S., 1962. *Thought and language*. Cambridge: MIT Press.
10. Wertsch, J.V., 1985. *Vygotsky and the social formation of mind*. Cambridge: Harvard University Press.

Р. ван дер Веер, Я. Валсинер

ГЛАВА 8. ВЫГОТСКИЙ И ГЕШТАЛЬТПСИХОЛОГИЯ

*Перевод Д.Э. Гаспарян**

После получения должности в московском Институте экспериментальной психологии в 1924 г. Выготский начал свои исследования, отталкиваясь от четкой аксиоматической основы, которая побудила его заинтересоваться развитием гештальтпсихологии. Как мы видели ранее (см. главы 1 и 2), к этому времени оформилось кредо интеллектуальной жизни Выготского – понимание синтеза как возникающего из диалектических оппозиций. Во время работы в институте он подчеркивал важность изучения сознания, определяя его как «проблему структуры поведения» [30, с. 181]. Таким образом, акцент на структуре был важной первой точкой соприкосновения Выготского с идеями гештальтпсихологии.

Если интерес Выготского к гештальтпсихологии был результатом постепенной эволюции его идей, то растущий интерес к гештальтпсихологии в институте был такого рода совпадением, какими богата социальная история. Марксистская психология, которую в то время продвигал Корнилов, активно занималась поиском альтернатив традиционной психологии – иллюстрацией этой традиции в умах молодых марксистов был профессиональный образ Челпанова. Оппозиция гештальтпсихологии старому немецкому ассоциационизму, таким образом, превратила ее в довольно подходящего компаньона для грохочущей и многословной марксистской психологии в Советском Союзе.

Тем не менее, хотя среда, в которой Выготский развил свой интерес к гештальтпсихологии, была сильно идеологизированной, ему удалось провести тщательный и относительно свободный от идеологии анализ «новой немецкой психологии» и использовать его, чтобы синтезировать метод двойного стимулирования, имеющий фундаментальное значение для психологической методологии. Этот анализ и синтез происходили в рамках легко определяемого периода, который начина-

ется в 1924 г. и заканчивается в разгар борьбы с меньшевистским идеализмом примерно в 1931 г. Хотя Выготский продолжал говорить (и писать) о гештальтпсихологии до самой своей смерти, ее значение как инструмента синтеза уменьшилось.

Знакомство Выготского с гештальтпсихологией началось с редакции русскоязычных изданий немецких работ, где он напоминал об основном посыле новой психологии, и со встреч с рядом гештальт-психологов во время их визитов в Советский Союз (например, Готтшальдт, Коффка, Левин). Однако эти личные контакты не оказали решающего влияния на зарождение его интереса. Например, с Левином и Коффкой он впервые встретился в ноябре 1931 г. и мае 1932 г. соответственно. Скорее, роль сыграли последние немецкие публикации (см.: [60]), предоставившие спекулятивный материал для Выготского и его коллег.

Развитие гештальтпсихологии и ее появление в России

Появление гештальтпсихологии как одной из школ внутри немецкой науки во втором десятилетии этого века и ее институциональное оформление в начале 1920-х гг. (путем создания журнала «Psychologische Forschung» в 1922 г.) было естественным источником вдохновения для психологов в Советском Союзе. Интеллектуальная жизнь в России исторически была наиболее тесно связана с немецкой (см.: [51; 61]). В дореволюционный период множество российских ученых получали образование в Германии и публиковались в немецкоязычных журналах. Эта тенденция сохранялась в 1920-е гг., но прервалась в начале 1930-х гг. с приходом к власти представителей радикальных сил как в Советском Союзе, так и в Германии. Большинство психологов в 1920-е гг. хорошо владели немецким языком, могли читать и писать на нем.

* Перевод выполнен при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 19-18-00100.

Выготский стоял у истоков перевода на русский язык и публикации произведений, представивших новую немецкую психологию. Он написал предисловие [18] к самому первому русскоязычному изданию работы по гештальтпсихологии – сочинению Коффки [36; 52]. В 1930 г. он выступил редактором перевода «Очерка духовного развития ребенка» Карла Бюлера и подготовил предисловие к нему [6] и к переводу книги «Исследование интеллекта человекоподобных обезьян» Вольфганга Келера [19]. В 1934 г. он опубликовал предисловие к русскому изданию «Основ психического развития» Курта Коффки [21]. Практически все русскоязычные переводы ключевых работ немецких гештальт-психологов в то время были так или иначе связаны с организаторскими или объяснительными усилиями Выготского (см. также: [31; 34]). Наряду с Выготским в популяризации гештальтпсихологии участвовали Александр Лурья [39] и В. Артемов [4] из Института экспериментальной психологии, возглавляемого Корниловым. Интерес к гештальтпсихологии, помимо института Корнилова, демонстрировали и другие институциональные объединения, особенно рефлексология [41] и педология [1; 2].

Помимо редактирования переводов и подготовки предисловий Выготский поддерживал свой интерес к современным подходам в гештальтпсихологии, отзываясь на происходившие в то время дебаты в своих публикациях (например, им была освещена [31, с. 123] дискуссия Ринано-Келера [53; 59]; расхождения между Келером и Бюлером были также продуктивно осмыслены Выготским). Наконец, Выготский написал множество обзоров основных экспериментов по гештальтпсихологии [31; 34]. В отличие от большинства других трудов Выготского, в которых он обычно избегал экспериментальных и эмпирических деталей, эти описания экспериментов богаты подробностями.

Что же стало отправной точкой увлечения Выготского гештальтпсихологией (как и поводом для ее критики)? Общее отношение Выготского к гештальтпсихологии как школе претерпело изменения в период с 1924 по 1934 гг. в соответствии с траекторией развития его собственных идей.

Критическая переоценка гештальтпсихологии у Выготского

При анализе гештальтпсихологии Выготский применил характерную для него схему тезис-антитезис-синтез. В разных сообщениях – в письменной и устной форме – и в за-

висимости от их функции (информационное, полемическое сообщение или программное заявление) относительная значимость каждого из этих композиционных компонентов менялась. Так, в текстах, обращенных к широкой аудитории и/или студентам (см., напр.: [31; 34]), описание идей и экспериментов гештальт-психологов было относительно большим и подробным, а критический элемент (антитезис) был ограничен и служил для объяснения синтеза. В текстах, которые можно было бы отнести к программным заявлениям (напр.: [18]), элементы критики и синтеза преобладают, тогда как описаниям отведено минимальное место. И, конечно, в полемических текстах антитезис и синтез освещаются масштабно, в то время как описание идей гештальтпсихологии остается фрагментарным. Такие различия между текстами, написанными для разных целей, вряд ли удивительны и могут рассматриваться как общая функциональная организация коммуникативных сообщений. В случае с Выготским эту отличительную особенность стоит иметь в виду, поскольку для наших современных ретроспективных попыток понять его рассуждения конкретные функции текстов едва ли четко различимы (как, например, в шеститомном собрании сочинений).

Тот факт, что первое знакомство Выготского с гештальтпсихологией было глубоко укоренено в идеологическом дискурсе, характерном для Института экспериментальной психологии, можно вывести из стиля его первых рассуждений об этих вопросах. Во введении к русскому переводу [36] классической статьи Коффки о роли самоанализа в психологии [52] Выготский наметил программный взгляд, который зарождающаяся марксистская психология могла бы принять в отношении предшествующей ей гештальтпсихологии [21]. Эта точка зрения также проявилась в других текстах, написанных (и озвученных) Выготским [13; 20] в его первый год в институте (1924/1925).

Выготский впервые заявляет о значимости гештальтпсихологии в опубликованной версии его устного доклада на Всероссийской психоневрологической конференции в Ленинграде 6 января 1924 г. Этот текст, по-видимому, был переработан для публикации, особенно это коснулось отдельной (заключительной) части, которая непосредственно посвящена вопросу об актуальности гештальтпсихологии [13, с. 43–46]. Подтверждения этому мы находим

в различных источниках. Во-первых, в отзыве на доклады Ленинградской конференции [35], опубликованном непосредственно после ее окончания, рассмотрены основные положения доклада Выготского, касающиеся рефлексологии, но ничего не говорится о его оценках гештальтпсихологии в этом выступлении. Во-вторых, в заключительном разделе (который в оригинальной публикации текстуально отделен от предыдущих частей) используется классическая статья Коффки об интроспекции, которая изначально была устным докладом 23 февраля 1924 г. на объединенном собрании Британской и Кембриджской психологических ассоциаций и появилась в письменной версии только в октябре 1924 г. [52]. Комментарии Выготского в конце опубликованной версии его ленинградского выступления явно являются антитезисом и интегративным синтезом в его диалоге с Коффкой (особенно в его ответе на вопрос о том, как можно использовать интроспективный метод [13, с. 45]). Кроме того, Выготский возвращается к проблеме гештальтпсихологии в третьей публикации в том же сборнике, посвященной доминирующим реакциям [20, с. 100–104], где речь в основном идет об экспериментальных результатах, полученных при совместной работе в московском институте в 1924–1925 гг.

Изначальный интерес к гештальтпсихологии, проявленный в институте, был отчетливо обозначен Выготским (и его коллегами) через противопоставление себя различным школам психологии, как они тогда понимались: с одной стороны, сторонникам эмпирической психологии (традиции Челпанова, следовавшего за немецким интроспекционизмом), с другой – бихевиоризму. Этот контраст способен объяснить, почему Выготский добавил в печатную версию своего ленинградского доклада короткий раздел, посвященный гештальтпсихологии. Напомним, что критика Выготского в 1924 г. была направлена против редуccionистского этоса рефлексологов (Павлова и Бехтерева), которые упускали из виду диалектическую природу качественных изменений. В то же время Выготский напоминает нам о том, что гештальтпсихология является новым (с его точки зрения – революционным) продуктом развития немецкой интроспективной психологии. В характерном для него космополитическом тоне Выготский напоминает аудитории: «Нет более фальшивой попытки,

чем желание изобразить, будто кризис, расколовший русскую науку на два лагеря, есть только местный русский кризис. Кризис происходит сейчас по всей линии в мировой психологической науке. Возникновение психологической школы *Gestalt-theorie*, вышедшей из недр эмпирической психологии, наглядно об этом свидетельствует» [13, с. 44].

Эта идея – о более масштабной природе кризиса в психологии – повторяется у Выготского в том же томе [18, с. 176, 177]. Это отсылка к выдвинутому Челпановым контраргументу в отношении усилий Корнилова, которая, впрочем, может рассматриваться и как выражение его личной неприязни к патриотической природе идеологической борьбы за марксистскую психологию, разворачивавшейся в то время внутри Института экспериментальной психологии (см. главу 6). Та же идея преобладает в рукописи о кризисе психологии, где беспокойство насчет «декларативного и воинствующего марксизма» выражено более отчетливо (см. главу 7).

Интересно, что общее видение Выготским роли гештальтпсихологии [18] в будущем развитии психологии как науки было сформулировано в нехарактерных для него идеологических терминах. Оно напоминает читателю большевистско-ленинское описание революционной тактики. Так, Выготский рассказывает, что в начале «русского» психологического кризиса ориентация на «американский воинствующий¹ бихевиоризм» была «верной», поскольку было необходимо «завоевать объективные позиции в психологии» и «вырваться из плена ... спиритуалистического и идеалистического субъективизма». Тем не менее далее он утверждает, что марксистская психология может идти одним путем с американским бихевиоризмом и русской рефлексологией «только до определенного пункта», в котором возникнет историческая необходимость размежеваться с «попутчиками» и пойти своей дорогой [18, с. 176]. Будущее развитие психологии, согласно его описанию, находится под угрозой «увязнуть в идеалистическом болоте» [18, с. 177]. Использование воинствующей большевистской терминологии еще более заметно в общем описании ситуации: «Вчерашние союзники в общей войне (здесь и далее – курсив наш. – прим. авт.) против субъективизма и эмпиризма, они, возмож-

¹ Тот же термин Ленин использовал в 1922 г. в статье о воинствующем материализме [37].

но, завтра окажутся нашими *врагами* – в *борьбе* за утверждение принципиальных основ социальной психологии общественного человека, за *освобождение* психологии человека из *биологического пленения* и за возвращение ей значения самостоятельной науки, а не одной из глав сравнительной психологии. Иначе говоря, как только мы перейдем к построению психологии, как науки о поведении социального человека, а не высшего млекопитающего, так сейчас ясно наметится линия расхождения со вчерашними союзниками» [18, с. 176].

Итак, гештальтпсихология, согласно Выготскому (как он считал в 1926 г.), должна была стать одной из «попутчиц» марксистской психологии – подходом, который разделял с ней общую методологию, но в итоге оказался неспособен конкурировать с новой психологией, которую марксистская философия обещала обеспечить для нового (советского) общества. Оглядываясь назад, мы можем сказать, что это обещание оказалось утопичным: ни марксистская психология, ни советское общество не обеспечили никаких качественных прорывов в нашем понимании человеческой психологии или в способах организации общественной жизни. Гештальтпсихология, оказавшая некоторое влияние на психологию в разных странах в результате эмиграции из Германии ключевых гештальтистов в 1930-х гг., также была практически забыта.

Тем не менее если посмотреть на сложившуюся к середине 1920-х гг. ситуацию глазами Выготского, гештальтпсихология, казалось, соответствовала интересам развивавшейся в то время марксистской психологии в двух аспектах. Во-первых, она воспринималась как монистическая психологическая система, пытающаяся объединить внутреннюю и внешнюю (поведенческую) стороны психологических явлений (максима Келера – «внутреннее одновременно есть и внешнее»), и как междисциплинарная в своей гештальт-перспективе, пересекающая границы физики, физиологии и психологии. Гештальтпсихология, как виделось, принимала диалектический закон перехода количества в качество, что, в свою очередь, хорошо соответствовало краеугольному камню марксистской диалектической психологии (и давно принятому Выготским гегелевскому мировоззрению). Во-вторых, гештальтпсихология удовлетворяла активный интерес Выготского к синтезу, предлагая основания для новых

методов исследования, в которых и внешняя (поведенческая), и внутренняя психологическая стороны были связаны, но не сведены друг к другу, что было ошибкой и бихевиоризма, и эмпирической психологии. Неудивительно, что методологический акцент гештальтпсихологии описывался Выготским в терминах реактологии Корнилова: «Новая методика пытается обосновать функциональный, субъективно-объективный метод, который охватил бы дескриптивную (описательно-интроспективную) и функциональную (объективно-реактологическую) точку зрения» [18, с. 178].

Это методологическое предсказание в наибольшей степени подтвердилось Выготским и его коллегами, нежели другими сотрудниками московского института (см. главу 6). И методика двойной стимуляции Выготского, и сопряженная моторная методика Лурии развивались как потомки гештальтпсихологии.

Среди пунктов несогласия Выготского с гештальтпсихологией были его опасения, что гештальтпсихология вернется к виталистическим и механистическим объяснениям, «слишком близкое сходство» проблем ее психологии с современной физикой, отсутствие социальной точки зрения на психологические проблемы и «интуитивная теория разума» [18, с. 178]. Он воспринял появление и развитие гештальтпсихологии как доказательство исторической правильности направления, которое занимала в то время марксистская психология, напомнив читателям, что не следует ожидать, что система марксистской психологии может возникнуть в «западной науке». По-видимому, Выготский усвоил ценности советского утопического мышления, которое окружало его в момент перехода в сферу психологии (см. также главу 3).

Учитывая интерес Выготского к гештальтпсихологии, удивительно, что в своей следующей крупной теоретической работе о кризисе в психологии [7] (см. также главу 7) он почти не обсуждает актуальность гештальт-мышления. Из 144-х страниц печатного текста лишь одна посвящена описанию роли гештальтпсихологии в попытках преодолеть этот кризис [7, с. 395–396]. Его освещение данной темы на этот раз свободно от милитаристской терминологии, которую можно было встретить в текстах, опубликованных в 1926 г. Он лишь обрисовывает основные принципы гештальт-позиции, напоминая о примате структурной ор-

ганизации целого по отношению к его частям, и затем задает короткий сдержанный вопрос о том, может ли эта система мышления успешно сочетать материалистическую психологию и феноменологию поведения. Мимоходом Выготский выражает сомнение в том, что гештальтпсихология окажется «третьим путем» выхода из кризиса [7, с. 396], но затем, вместо того, чтобы детально обосновать это сомнение, переходит к обсуждению персонализма Вильяма Штерна.

Проведенное Выготским исследование гештальтпсихологии послужило одним из оснований для культурно-исторической теории. Сомнения, которые он начал высказывать в отношении роли новой немецкой психологии, росли по мере того, как шли его собственный синтез структурного мировоззрения и динамика диалектического изучения развития. В этом процессе Выготский то противопоставлял гештальтпсихологию другим направлениям в психологии (подчеркивая «позитивные прорывы» гештальтпсихологии по сравнению с ними), то занимал все более критическую позицию в отношении неспособности гештальтистов решить проблему диалектического синтеза.

Хороший пример такой двойственной установки можно найти в анализе Выготским взглядов Келера на интеллект антропоидов [10]. Редакция издания «Естествознание и марксизм», марксистского журнала, выступавшего за слияние естественных наук с диалектическим материализмом, сочла необходимым добавить примечание к рассуждениям Выготского о Келере, в котором пояснялось, что в статье Выготского представлены только вопросы, связанные с экспериментами Келера, а не «марксистский анализ» его теории. Судя по всему, это уточнение было призвано успокоить воинственно настроенную марксистскую аудиторию журнала, учитывая стиль рассуждений Выготского, в которых упоминание философов-марксистов появлялось только тогда, когда это имело смысл для предметной дискуссии.

Выготский [10] сопоставил рассуждения и эмпирические данные Келера с выводами его критиков (Бюлера, Линдворского) и проанализировал связь между идеями Келера и Вагнера. Здесь мы вновь видим критическое отношение Выготского к обеим крайностям – сведению интеллектуальных функций к сумме поведенческих элементов и отделению поведения от «царства идей». Он все еще возлагает большие

надежды на методологические обещания структурной психологии: «Принцип структуры выполняет двойное методологическое назначение ... и в этом его истинное диалектическое значение. С одной стороны, принцип объединяет все ступени в развитии поведения, уничтожает разрыв, о котором говорит Бюлер, показывает непрерывность в развитии высшего из низшего, показывает, что структурные свойства заложены уже в инстинктах и в навыках, с другой стороны – позволяет установить и все глубокое, принципиальное, качественное различие между ступенями, все то новое, что каждый этап вносит в развитие поведения и что отличает его от предшествующего» [10, с. 147–148].

Таким образом, структурной психологии приписывается способность улавливать диалектику развития путем объединения противоположностей («низшего» и «высшего» уровней) с опорой на единство и различать их посредством выявления качественного своеобразия каждого уровня при сопоставлении. Это можно интерпретировать скорее как инструментальное использование Выготским гештальтпсихологии в его собственных размышлениях, чем как объективное утверждение о данной концептуальной рамке. Сам Выготский, по-видимому, признал это, согласившись с описанием структурной психологии у Бюлера, указавшего на ее связь с философией Спинозы [10, с. 153].

Многогранный взгляд Выготского на структурную психологию вскоре стал более критическим в отношении ее перспектив. В главе книги, посвященной обзору современных направлений в психологии [31], он вышел за рамки характеристики гештальтпсихологии как движения и заявил, что «структурная психология приходит к коренному пересмотру всей психологической теории обучения и развития ребенка» [31, с. 105]. В то же время он еще раз указал на опасности, сопряженные с гештальт-мышлением: сведение всех явлений только к понятию структуры. Для Выготского «только диалектически перестроенное понятие структуры может сделаться основным орудием психологического исследования» [31, с. 119]. В этой диалектической перестройке понятия структуры решающее значение приобретает акцент на формировании новых структурных форм и функционировании этих форм в дальнейшем синтезе последующих форм. Согласно Выготскому [31, с. 124], этот диалектический взгляд на структурную трансформацию должен

основываться на четком понимании социальных факторов, которые приводят к реорганизации структур. Конечно, исходя из этой сообразительной точки зрения, акцент Келера на универсальности гештальтов в физическом и психологическом мирах больше не удовлетворял Выготского. Междисциплинарные притязания гештальт-психологов, которые изначально были весьма благосклонно восприняты Выготским [18; 20], на тот момент утратили большую часть своей былой привлекательности. К этому времени его надежды на синтез знаний, который должен был произойти в процессе коммуникации между науками, стали связываться с педологией (см. главу 12).

В «Этюдах по истории поведения» критика Выготским открытости идее синтеза проявилась наиболее отчетливо [34]. В первой главе он подробно описывает эксперименты Келера на животных. Во всем корпусе работ Выготского внимание к эмпирическим деталям исследования встречается довольно редко. Конечно, Выготский использовал эти детали для того, чтобы дать читателю возможность понять основные принципы структурной психологии, поэтому уникальность данного текста можно объяснить его диалектическими функциями. Идеи, которые особенно подчеркивались в этом контексте, включали структурную организацию поля [34, с. 26–27], пластичность связей между средствами и целями в поведении животных (и человека) [34, с. 23] и качественно новую природу интеллектуального поведения (в отличие от инстинктов и условных рефлексов). В этой главе Выготский вел читателя от диалектической точки зрения качественных скачков в процессе эволюции к возникновению новых структурных форм путем диалектической перестройки. При этом он использовал свою излюбленную метафору короткого замыкания [34, с. 34, 39, 41] (см. также главу 2). В заключении он заявлял, что принципиальное различие между функционированием интеллекта у обезьян и людей заключается в качественном различии между способностью создавать опосредующие устройства (у людей) в форме знаков [34, с. 47] и ограниченностью шимпанзе уровнем использования орудий, не приводящим к появлению труда [34, с. 50] (см. также главу 9). В этой главе Выготский демонстрирует полностью марксистское диалектическое понимание указанных проблем, критикуя Келера и остальных представителей гештальт-

психологии за то, что они не приняли идею диалектической трансформации.

В лекциях о младенчестве [14, с. 312] Выготский утверждал, что теория структурной психологии может уловить истоки развития, но не может объяснить сам процесс развития в его ориентации на будущее. Эта критика звучит вновь при обращении Выготского к «кризису первого года жизни». Ребенок обнаруживает структуру мира, которая существует как таковая и не подлежит дальнейшему развитию [11, с. 324]. Более тщательный и содержательный анализ теоретических предпосылок гештальтпсихологии Выготский предложил в своей лекции в Академии коммунистического воспитания 26 июня 1932 г., где он обрисовал основную структуру утверждений гештальтпсихологии о том, что она противостоит «механистической» и «виталистической» перспективам в психологии [29]. Возвращаясь к более ранним предложениям Келера, а также к более поздним аргументам Вертхаймера и Коффки, Выготский показал, что редукция всей феноменологии в гештальтпсихологии представляет собой еще один «механистический» (в более широком смысле) подход, упускающий из виду развитие новых структур. Он рассматривал акцент гештальтпсихологии на динамических изменениях как отражение «принципа баланса» (уравновешивания), из которого не могут следовать никакие новые структурные состояния, а, скорее, следует лишь восстановление «хорошей формы» [29, с. 477].

Таким образом к 1932–1933 гг. Выготский начал воспринимать гештальтпсихологию как «натуралистическую психологию», теоретическая суть которой не отличается от рефлексологии, поскольку сводит значение к структуре [24, с. 159]. Основой для этой критики послужила собственная культурно-историческая теория Выготского, в которой все больший акцент делался на роли значений в реорганизации структуры психологических явлений. С этой точки зрения строгое отделение *homo sapiens* от других приматов, к которому пришел Выготский, противоречило акценту гештальт-психологов на уменьшении межвидовых различий и материализации подавляющей каузальной роли гештальтов (см.: [22]). Таким образом, большие надежды, которые Выготский в 1926 г. возлагал на то, что гештальтпсихология освободит психологию «из ее биологического заточения», в его понимании не оправдались. Тем не менее,

он продолжал активно использовать конкретные утверждения гештальт-психологов по отдельным вопросам (см. ниже), но энтузиазм по поводу этой школы в целом уже не был таким, как в предыдущие годы. В некотором смысле Выготский оправдал свое предсказание [18] о том, что связь с гештальтизмом была временной и эпизодической. В рамках логики его собственного развития растущее внимание Выготского к значению уводило его от чрезмерного акцента на структуру, хотя последняя оставалась бесспорной отправной точкой для всей его психологической работы (см.: [25; 26]).

Анализ специфических аспектов гештальтпсихологии у Выготского

Отношения Выготского с гештальтпсихологией имели решающее значение для развития его собственной культурно-исторической теории и методологии (см. главу 9). Поэтому необходимо проследить, какие именно аспекты работы гештальт-психологов привлекли внимание Выготского, и сосредоточиться на том, как он трансформировал идеи гештальтпсихологии в новые идеи в рамках собственной теоретической базы.

Примат структурной организации: единицы анализа

Изначальный интерес Выготского к гештальтпсихологии касался структуры психических процессов. Неудивительно, что именно идеологизированную антиассоцианистскую и антиэлементаристскую позицию гештальт-психологов Выготский поначалу использовал в собственных спорах с оппонентами. Внимание гештальтпсихологии к структурному единству совпало с работой Выготского о доминантных реакциях (см. главу 6).

Во введении к своей первой (и единственной) эмпирической статье о доминирующих реакциях Выготский использовал принцип гештальта против воинствующего элементаризма Павлова, сводящего все явления к рефлексам и их совокупностям [20]. Идея Ухтомского о «доминанте» [44; 45] (второстепенной стороне физиологически сложного процесса, которая со временем начинает управлять всем процессом) была близка представлениям самого Выготского (см. главу 2). Структурный холизм гештальтпсихологии, отказавшийся от идеи суммирующей агрегации, очень хорошо соответствовал интеллектуальным усилиям Выготского. Так, чтобы

проиллюстрировать проблему структуры поведения, он полемизирует с Павловым, указывая на интегративно-целостный, а не атомистический (суммирующий) взгляд на рефлекторные действия: «Уже в опытах акад. Павлова исследователям пришлось столкнуться с такими формами поведения, когда один рефлекс вступает в конфликт с другим – и поведение животного не определяется уже более суммой наличных раздражителей и соответственных рефлексов; а некоторыми фактами, которые возникают из столкновения обоих рефлексов. Рефлекс плюс рефлекс оказывается не два рефлекса, а некая новая форма поведения. Правда, эти простейшие акты легко поддаются истолкованию, как процессы простейшего, почти механического взаимодействия. “Два рефлекса – говорит акад. Павлов, – представляют собой буквально как бы две чашки весов. Но уже и представление весов есть некое сложное, динамическое целое, гораздо ближе стоящее к поведению, чем представление цепи, т.е. простого механического соединения”» [20, с. 102].

Здесь интерес Выготского к расшифровке «сложного динамического целого», стоящего за поведенческими феноменами, выступает точкой непосредственного соприкосновения с гештальтпсихологией. Этот интерес побудил его обращаться (эпизодически и не всегда лаконично) к проблеме «единиц анализа» в психологических исследованиях (см.: [61, р. 173–179]). Эта озабоченность единицами анализа восходит к Вольфгангу Келеру, сосредоточившемуся на аналогичных вопросах, и находит свое отражение в рассуждениях о свойствах атомов и молекул в химическом веществе. Если говорить вкратце, в сложном химическом веществе (таком, как вода, – H_2O) входящие в его состав элементы (атомы) не обладают теми же качествами, что и целостная структура, которой они принадлежат. Таким образом, использование кислорода и водорода по отдельности для тушения пожара невозможно, но их синтез (вода) хорошо известен как основное средство пожарных.

Во времена Выготского тема целостной организации природных систем широко обсуждалась в естественных науках и философии. Интеллектуальный дискурс России начала XX в. дал миру зачатки общей теории систем в виде тектологии Богданова [5]. Положительная оценка внимания гештальтпсихологии к структурному холизму нашла отклик в различных

контекстах (см., напр.: [3, с. 214]) и была отчетливо связана с традициями экспериментальной методологии А. Лазурского [39]. В этих дискуссиях часто упоминалось отличие качества структуры химических молекул от качества их составляющих.

В своих работах Выготский неоднократно обращается к примеру с молекулой воды, сопоставляемой с атомами водорода и кислорода, чтобы объяснить свое представление о разложении психических процессов на единицы, а не на элементы [20, с. 104; 22, с. 288; 25, с. 248; 26, с. 173; 27, с. 129 и др.]. В то время эта аналогия широко использовалась в аргументах гештальт-психологов против ассоциационизма. Рассуждение Выготского о проблеме единиц было интересным образом симптоматично: он горячо подчеркивал необходимость изучения соответствующих единиц как минимальных гештальтов (структур явления, сохраняющих его сущность), но отказывался приступать к анализу разбивки единиц (для дальнейшего обсуждения этой темы см. главу 5 в: [61]). Как если бы Выготский по какой-то причине боялся потерять явление, если будут предприняты попытки изучить его трансформацию как по мере его развития (от низших форм к высшим), так и по мере того, как его структура могла разрушиться (перейти из более высокой к другой, более низкой, форме). Другими словами, Выготский настаивал на принципе диалектического синтеза, а не на изучении его рабочих механизмов.

Конечно, собственное развитие Выготского привело его к рассмотрению разного рода единиц в интересующих его явлениях. Если в середине 1920-х гг. такой единицей должна была выступать структура реакций, объединенных доминантой, то к концу жизни в качестве релевантной единицы анализа он начал рассматривать значение слова [15, с. 9]. Возможно, довольно эпизодические и расплывчатые рассуждения Выготского о «разложении на единицы», которые время от времени появляются в его трудах и выступлениях, следует понимать как риторический прием, то есть как средство защиты структурно-ориентированной динамической теоретической позиции от попыток разложить ее на элементы. Тогда становится более понятным, почему Выготский не приступил к сколько-нибудь продуктивному изучению этих единиц, но подчеркивал необходимость такого изучения.

*На пути к новому методу:
от экспериментов Келера
к методике двойной стимуляции*

Роль экспериментов Келера на приматах в развитии культурно-исторической теории Выготского рассматривается в другой главе (см. главу 9). Здесь нам хотелось бы проследить, каким образом специфическая методологическая новация Выготского, названная им (несколько неуклюже) «функциональной методикой двойной стимуляции» [64, р. 430], основывается на работах Келера. В экспериментах Келера субъект находился в заданной ситуации, в которой для достижения цели могли использоваться различные объекты, доступ к которым был заблокирован существующей установкой. Субъект мог придумать способ решения проблемы, либо обходя или преодолевая блокировку цели (например, приближаясь к цели альтернативными маршрутами), либо используя доступные в данной ситуации объекты для достижения цели (как инструмент). Коллеги Михаила Басова, С. Шапиро и Е. Герке [46], перенесли методологическую идею Келера на изучение процессов решения проблем детьми на основе социальных фоновых знаний. Ребенок, оказавшийся в ситуации келеровского типа, привносит в нее набор «сценариев», выработанных как в результате предшествующего социального опыта, так и с помощью речи. Выготский следил за работой исследовательской группы Басова в Ленинграде (ср.: [46, с. 80–86] и [17, с. 387–392]). Он также обогатил келеровскую экспериментальную установку, показав, что у детей в таких условиях задействован качественно более высокий (в отличие от приматов) «уровень поведения», т.е. использование знаков [9, с. 123]. Образно говоря, Выготский таким образом добавил «пятое измерение» к «структуре поля» Келера. Помимо трех измерений пространства и четвертого измерения времени Выготский ввел в структурно-психологическую схему понятие значения (см.: [33, с. 48]). Значение производится субъектом путем конструирования знака (или использования заранее сконструированного и усвоенного знака) и использования знаков в общении (речи). Таким образом, использование этого знака в психологической системе человека реорганизует всю структуру установки. В этом отношении конструирование значений через использование знаков в экспериментальной установке ведет к синтезу. Человек реорганизует понимание ситуации и (возможно) действует в

соответствии с этим новым пониманием. С другой стороны, когда открытость к возникновению такого синтеза отсутствует, субъект может «застрять» в экспериментальной ситуации, в которой экспериментатор ожидает, что субъект сконструирует значение установки, подразумеваемое экспериментом. Так, Выготский утверждал, что разграничение задач «практического» и «когнитивно-интеллектуального» типа, которые ставятся перед умственно отсталыми детьми, может выявить наличие способности к решению задач в отношении первого, но не второго типа [32, с. 146]. Выготский проиллюстрировал это примером из исследования Петровой [42] в клинике М. Гуревича в Москве (феномен «примитивного ребенка», как его тогда называли): «Исследовался ребенок, глубоко отсталый в приспособительных реакциях. Он побывал во многих детских учреждениях и оттуда был направлен в психиатрическую больницу с подозрением на психическое заболевание. В больнице не нашли психического заболевания, и ребенок попал на исследование в клинику Гуревича. Ребенок – девочка, татарка, которая в раннем детстве сменила один неокрепший язык на другой, научилась понимать говоривших на этом языке, но совершенно не была приучена мыслить на нем. Девочка не привыкла к тому, чтобы на основании одних слов можно было делать какой-то вывод. Психолог ставит перед ней ряд мыслительных задач, предъявляя их в одних случаях практически, в других словесно. При постановке практических задач исследуемая давала положительные результаты. На словесные задачи реагировала полным непониманием, неумением мыслить. Скажем, этой девочке говорят: “Моя тетя выше меня, а мой дядя еще выше, чем тетя. Дядя выше меня или нет?” Девочка отвечает: “Я не знаю. Как я могу сказать, выше ли дядя, когда я его никогда не видела”. ... Ребенок задержан в культурном развитии, в развитии словесного мышления, но не дебил...» [32, с. 147].

Поставленная перед этим ребенком в рамках эксперимента словесная задача предполагает, что ребенок способен понять задачу и затем решить ее. Однако у ребенка отсутствует «база знаний» для решения подобных задач на дедуктивное мышление, и он отказывается от ее решения. Ребенок, подобно неграмотным взрослым в более поздних «культурно-исторических экспериментах» в Центральной Азии [38], конструирует значение данной ситуации иначе,

чем интерпретирует ее экспериментатор. Для Выготского контраст между успехами в практических рассуждениях и отсутствием успехов в рассуждениях теоретических у одного и того же субъекта указывал на текущий уровень его интеллектуального развития. Однако даже этот контраст сам по себе не удовлетворил его интереса к изучению процессов развития, в результате которых возникают новые, более высокие формы интеллектуальной деятельности. Так, роль экспериментатора в его новой методике заключалась не только в том, чтобы получить «диагностический профиль» высших и низших психических функций, но и в том, чтобы активно способствовать переходу от настоящего положения дел к новому (еще не существующему). Все эксперименты, проведенные в рамках культурно-исторической теории (см. главу 9) и касавшиеся формирования понятий (см. главу 11), были схожи в этом отношении: субъект помещается в заданную ситуацию, где существует определенная задача (на этом этапе это соответствовало принципам гештальтпсихологии), и получает активное руководство по созданию новых средств для ее решения. Отсюда вытекает увлечение Выготского «обучающими экспериментами», его критика неспособности гештальтпсихологии изучать развитие и неизменные призывы к изучению психологических функций, которые еще не развились, но скоро проявятся (см. главу 13). Следует также помнить о том, что Выготский, задолго до выработки «методики двойной стимуляции» [63], был убежденным борцом за право детей-инвалидов на социальное воспитание. Для этой новой задачи экспериментального изучения возникновения высших психических функций пришлось пересмотреть старые взгляды на психологические эксперименты. Это новшество экспериментальной методологии, состоявшее в признании за человеческим субъектом смыслообразующей роли в условиях эксперимента, возникло внутри культурно-исторической теории Выготского – в точке, где пересекалась ее экспериментальная основа (см. главу 9) и интерес Выготского к формированию понятий (см. главу 11).

Динамические отношения частей внутри целого: Левин

Использование Выготским идей структурной психологии в его собственном теоретизировании соответствует его функционалистскому акценту. Дифференцированный «ландшафт»

движения гештальтпсихологии позволял обращаться к актуальным психологическим проблемам, используя точки зрения различных авторов-гештальтистов в качестве средства для достижения цели. Таким образом, поскольку Выготский сохранял устойчивый интерес к динамическому единству аффекта и рассуждения (см. главу 2), работы Курта Левина 1920-х и начала 1930-х гг. были важны для него.

Ряд вопросов, которые нашли отражение в творчестве Левина, привлекли внимание Выготского. Во-первых, критика Левином традиционных статических перспектив в науке [58] следовала аналогичной линии критики, выдвинутой Выготским. Таким образом, можно сказать, что науке необходимо преодолеть «феноменологическую» точку зрения (статический акцент на существующих формах), чтобы принять «условно-генетическую» перспективу Левина [31, с. 112–113]. Несомненно, такое использование терминологии Левина было модифицированной версией более ранней максимы Блонски: «поведение можно рассматривать только как историю поведения». То, как можно изучать эту историю, в дальнейшем было раскрыто в анализе потребностей и интересов подростков, проведенном Выготским [17, с. 185–195]. Акцент Левина на целостной, структурной организации потребностей детей (в отличие от устоявшихся ассоциативных связей и привычек) был, конечно, любимой идеей Выготского, неустанно борющегося с недиалектическим редукционизмом психологии того времени. В своем комментарии к теории интересов Левина Выготский утверждал: «Деятельность человека является не простой механической суммой неупорядоченно действующих навыков, она структурно охватывается и упорядочивается целостными динамическими тенденциями – стремлениями и интересами. Вместе с установлением структурного отношения между интересом и навыком новая теория приходит с логической последовательностью и к совершенно новой постановке старой проблемы о врожденных и приобретенных интересах; она ставит вопрос не так, как он ставился прежде ... Интересы не приобретаются, а развиваются – в этом введении понятия развития в учение об интересах заключается самое важное слово, которое сказано новой теорией по поводу всей проблемы интересов» [17, с. 187].

Здесь явно просматривается излюбленная тема Выготского – динамическое развитие фе-

номенов высшего уровня. Здесь же кроется и суть критики Выготского в адрес Левина в этом отношении: тема непризнания высших (исторически сложившихся и опосредованных знаками) интересов и неприятие гегелевской идеи диалектического синтеза в работах Левина [17, с. 191–193].

Тем не менее, акцент Левина на изучении динамической стороны психических процессов был сильным союзником Выготского в его стремлении изучить диалектический синтез, и он подчеркнул актуальность условно-генетической методологической перспективы Левина для изучения развивающихся явлений (см.: [56; 58]). Эта методологическая позиция призывала изучать процессы, которые происходят по мере возникновения новой структуры из старой (и необходимые для этого условия). В атмосфере психологии 1920-х – 1930-х гг. это сильно контрастировало с тенденцией изучать результаты (фенотипические проявления) и производить осуществленные каузальные атрибуции для объяснения развития (см.: [8, с. 96–97]). Все психические процессы человека (включая использование языка) направлены на временную стабилизацию потока переживаний – перевод этого потока в статические конструкции (сущности), следовательно, процесс этого перевода можно назвать «осуществлением», а его продуктами являются «осуществленные» атрибуции, идеи и другие статические ментальные явления. Этот контраст между исследовательской ориентацией на развитие и ориентацией, не связанной с развитием, в настоящее время еще более заметен, поэтому союз Выготского с Левином по этому вопросу все так же актуален. Из акцента на условно-генетическом исследовании вытекает невозможность изучения развития через его статические результаты. В последнем случае условия, которые привели к его возникновению, обычно непреднамеренно утрачиваются, поэтому развитие невозможно изучить по его результатам. Результаты поведенческого развития отражают результаты автоматизации вновь выработанных функций («окаменелость поведения»; см.: [8, с. 99]), и изучение этих поведенческих окаменелостей в итоге не может заменить перспективное изучение самого процесса развития. Конечно, Выготский соглашался с рассуждениями Левина только в части его ориентации на динамику и развитие, в то же время критикуя его точку зрения за отсутствие внимания к диалектическому синтезу.

Наконец, усилия Левина (см., напр.: [55; 56; 57]), направленные на то, чтобы (вос)соединить аффект и познание, представляли интерес для Выготского, который обнаружил в ряде экспериментов Левина материал, подтверждающий его собственную позицию: «К. Левин показал, как одно эмоциональное состояние превращается в другое, как возникает замещение эмоциональных переживаний, как не разрешенная, не доведенная до конца эмоция продолжает существовать часто в скрытом виде. Он показал, как аффект входит в любую структуру, с которой связан. Основная идея Левина заключается в том, что аффективные, эмоциональные реакции не могут встречаться в изолированном виде, как особые элементы психической жизни, которые лишь позднее сочетаются с другими элементами. Эмоциональная реакция есть своеобразный результат данной структуры психического процесса. Левин показал, что исходные эмоциональные реакции могут возникать как в спортивной деятельности, развивающейся во внешних движениях, так и в спортивной деятельности, протекающей в уме, например, в шахматной игре. Он показал, что в этих случаях возникают различные содержания, соответствующие разным реакциям, но структурное место эмоциональных процессов остается тем же самым» [12, с. 433–434].

Выготский с особым энтузиазмом относился к экспериментам Левина, в которых испытуемых помещали в бессмысленную обстановку и оставляли ждать. В таких условиях у них наблюдалось накопление эмоциогенной «силы», которая приводила к когнитивной реорганизации субъективной ситуации путем придания ей некоторого субъективного значения. Также отмечалось, что испытуемые в таких эмоциогенных ситуациях разрабатывали планы действий, которые впоследствии автоматически приводились в действие [12, с. 461–463]. Эта связь эмоционального напряжения с когнитивной реконструкцией значения ситуации, как и с построением плана действий, согласовывалась с разрабатываемой Выготским в 1930–1932 гг. культурно-исторической теорией. В экспериментах Левина он мог видеть соединение аффективных процессов (нарастание эмоционального возбуждения) с познанием (конструирование новых значений) и действием (мысленная разработка планов, которые управляют последующими действиями). Одобрение рабо-

ты Левина было тесно связано в мышлении Выготского с его постоянным интересом к философии Спинозы².

Выготского также привлекала предложенная Левином концепция поля в силу ее акцента на единстве психологической феноменологии и структуры (субъективно окрашенной) среды, в которую погружен человек. Идея Левина о *Aufforderungscharakter* [56; 57] активно использовалась Выготским [28, с. 341], и в своих лекциях он кратко пересказал знаменитый фильм Левина о ребенке, пытающемся сесть на камень.

Однако Выготский недвусмысленно обозначил и свои разногласия с теоретической системой Левина, связанные с вопросом о том, как люди контролируют свои действия с помощью психических процессов. Ответ Выготского на этот вопрос был ясен: воздействуя на мир и управляя его раздражителями (процесс опосредования), человек управляет своими действиями. Роль знаков в этом процессе к тому времени имела для Выготского решающее значение [8, с. 120].

Выготский также видел схожим ход мыслей Левина и свой собственный в отношении понимания умственной отсталости, в частности, стремление Левина видеть корни умственной отсталости в аффективно-волевых, а не когнитивных процессах (см.: [25, с. 234–236], а также главу 4). Но опять-таки Левин подвергается критике за «антидиалектическую» связь аффекта и познания [25, с. 242–243]. Более того, Выготский отмечал отсутствие у Левина внимания к развитию при анализе когнитивно-аффективного комплекса умственно отсталого ребенка: «Он не знает того диалектического правила, что в ходе развития причина и следствие меняются местами, что раз возникшие на основе известных динамических предпосылок высшие психические образования оказывают обратное влияние на породившие их процессы, что в развитии низшее сменяется высшим, что в развитии изменяются не только сами по себе физиологические функции, но в первую очередь изменяются межфункциональные связи и отношения между отдельными процессами, в частности между интеллектом и аффектом. Левин рассматривает аффект вне развития и вне связи с остальной психической жизнью. Он предпо-

² Напр., о тесной связи между экспериментами Зейгарник и идеями Спинозы см.: [12, с. 387]; см. также: [25, с. 249].

лагает, что место аффекта в психической жизни остается неизменным и постоянным на всем протяжении развития и что, следовательно, отношения интеллекта и аффекта есть константная величина» [25, с. 244–245].

Итак, мы вновь видим, что критика Выготского в адрес гештальтпсихологии концентрировалась на вопросах развития как появления качественно новых характеристик. Из всех гештальт-психологов, живших в одно время с Выготским, именно Курт Коффка наиболее явно приложил усилия для решения проблем развития.

Процессы в развитии: Выготский о Коффке

Именно творчество Коффки 1920-х гг. послужило для Выготского введением в психологию (см. выше). Во-первых, для Выготского было важно, что Коффка подчеркивал структурный характер обучения и развития [31, с. 105]. Кроме того, одобрение Коффкой включения слов в структуру установки (в сочетании с орудиями) было важной идеей с точки зрения Выготского [31, с. 111]. Однако, как он сам предсказывал в 1926 г., взаимодействие с гештальтпсихологией в целом и творчеством Коффки в частности имело для него свои пределы. Он подверг критике аксиоматическое допущение о равновесии, присущее гештальтпсихологии в целом и Коффке и Вертхаймеру в частности. «[Гештальтпсихология считает] типичным для всякого движения, для всякого изменения физической структуры ... то, что она из покоящегося состояния через нарушение равновесия переходит в новое покоящееся состояние. Исходя из этого положения, и психическая структура рассматривается прежде всего как нечто находящееся в равновесии» [29, с. 477].

В обширном предисловии к русскоязычному переводу «Основ психического развития» Коффки Выготский дал, возможно, наиболее концентрированный и системный критический анализ гештальтпсихологии, какой только можно найти в его письменном наследии [21]. Сначала он рассматривает попытку Коффки применить структурный принцип к феноменам развития. Выготский, напротив, предлагает применять принцип развития к феноменам, которые гештальтпсихология рассматривает через призму структурного подхода (с чем Выготский полностью соглашался). Структура процесса развития включает соответствующий

контакт между преподаванием и обучением, но как в развивающемся организме возникают первые новые действия [22, с. 242]? Ответ Коффки на этот вопрос, где тот отсылает к формированию новых структур, не удовлетворил Выготского, поскольку в нем не проводилось различия между низшими и высшими психическими процессами [22, с. 246]. Конечно, эта критика опять-таки исходила из диалектической точки зрения на развитие; не признавая качественных скачков в процессах развития (как онтогенетических, так и филогенетических), Коффка, как считалось, чрезмерно распространял структуралистские принципы на явления, которые Выготский рассматривал как качественно отличные друг от друга. В частности (в соответствии с собственным акцентом на значении), Выготский критикует Коффку за то, что тот не признавал значимость семиотической деятельности как качественно иной характеристики человека [22, с. 272–275]. Эта критика остается вполне обоснованной – особенно с учетом того, что теперь мы знаем о тесной преемственности между работами Коффки и теорией «аффордансов» Гибсона и его последователей. Пример Выготского о том, как разные люди с разным уровнем знаний рассматривают один и тот же объект, хорошо иллюстрирует это: «Сравним, как воспринимают шахматную доску с расставленными на ней фигурами разные люди: человек, не умеющий играть в шахматы, человек, только что начинающий играть, средний и выдающийся шахматисты. Можно с уверенностью сказать, что все эти четыре человека видят шахматную доску совершенно по-разному. Не умеющий играть в шахматы будет воспринимать структуру фигур с точки зрения их внешних признаков. Значение фигур, их взаимное расположение и отношение друг к другу совершенно выпадают из поля его зрения. Та же самая доска предстанет в совершенно другой структуре человеку, который знает значения фигур и их ходы. Для него одни части доски станут фоном, другие выделятся в качестве фигуры. Иначе будет видеть средний и снова по-иному – выдающийся шахматист. Нечто в этом роде происходит и в процессе развития восприятия ребенка. Значение приводит к возникновению осмысленной картины мира» [22, с. 277–278].

Итак, в то время как у животных есть только восприятие мира, люди обладают его осмысленной картиной. Эта идея, заимствован-

ная Выготским у Гелба [22, с. 280], отражает его основную критику структуралистского редукционизма гештальтпсихологии. Выготский указывал, что структуралистская точка зрения Коффки не допускает появления новых форм. Его анализ понимания развития Коффкой в значительной степени способствовал завершению работы над идеей зоны ближайшего развития (см. главу 13). А именно, Выготский указывает на сходство во взглядах на развитие между Коффкой и Торндайком (обучение = развитие [22, с. 285–286]), при том что каждый из них сводил сложность этого процесса к разным единицам (структурам в одном случае, элементарным навыкам – в другом). В проницательном ретроспективном отрывке Выготский резюмировал путь, пройденный гештальтпсихологией. Характеризуя точку зрения Коффки на развитие, он заметил, что его структуралистский взгляд напоминает «мозаику» структур, развивающихся параллельно и становящихся связанными друг с другом: «Вначале имеют место отдельные молекулы структуры, независимые друг от друга, существующие рядом друг с другом. Развитие заключается в том, что изменяются размеры или величина этих структур. Таким образом, снова в начале развития стоит хаос неупорядоченных молекул, из которых потом путем объединения возникает целостное отношение к действительности» [22, с. 288].

Такое описание развития было схоже с описанием Торндайка только в части размера задействованных единиц (вместо элементарных действий Коффка вводит структуры). Вместо взгляда на развитие как на формирование ассоциаций между элементами гештальтпсихология приняла взгляд на развитие как на формирование ассоциаций между структурами и, таким образом, не преодолела основную трудность ассоциационистского мировоззрения. Неспособность Коффки объяснить развитие рассматривалась Выготским как показатель теоретического тупика всей гештальтпсихологии.

***Функциональные системы:
развитие и распад структурной
организации психических процессов***

В конце 1920-х гг. и особенно в начале 1930-х гг. Выготский проявлял интерес к принципам функционирования человеческого мозга, вероятно, вызванный тем, что примерно в то же время он начал заниматься медицинскими ис-

следованиями (см. главу 1). Преемственность этих идей совершенно очевидна: доминанта в структуре реакций – это системное явление, как и любое нейрофизическое явление в человеческом мозге. В мозге функциональную организацию доминанты можно проследить в связях между различными отделами, подобно тому, как системная организация высших и низших психических процессов прослеживается в целостной психологической структуре личности. Отсюда интерес Выготского к функциональным системам (обозначение которых, как видно, отражает его внимание к динамической и инструментальной природе этих структурированных единиц): «В процессе психического развития ребенка ... происходит не только внутреннее переустройство и совершенствование отдельных функций, но и коренным образом изменяются межфункциональные связи и отношения. В результате возникают новые психологические системы, объединяющие в сложном сотрудничестве ряд отдельных элементарных функций. Эти психологические системы, эти единства высшего порядка, заступающие место гомогенных, единичных, элементарных функций, мы условно называем высшими психическими функциями» [33, с. 81].

Функциональные системы мозга, которые Курт Гольдштейн с холистической точки зрения описал в своей неврологии, дали Выготскому много материала для размышлений. В отличие от более ранних (экспериментальных) попыток Выготского изучить доминанту в реакциях изучение целостной функциональной организации мозга привело его к использованию неврологического (и психиатрического) материала, накопленного к тому времени в научной литературе.

Изучение человеческого мозга и его функционирования – любопытная область исследований, поскольку ни в одной другой сфере, объектом которой являлся бы человек, исследования не зависят в такой степени от развития и использования технологий – как военных, так и научных. Интерес Выготского к функционированию мозга де-факто подкреплялся последствиями Первой мировой войны, которая привлекла внимание ученых-медиков и бихевиористов к проблеме повреждения головного мозга и его компенсации. Конечно, эмпирическая феноменология сама по себе слепа к новому пониманию общих принципов работы мозга. К счастью, некоторые исследователи, работаю-

щие с пациентами с военными травмами, оттачивались в своих исследованиях от структуралистской точки зрения [47; 48].

Клинический материал нейropsychологии позволил Выготскому подкрепить свои взгляды доказательствами. Так, например, он обращается к приведенному Гольдштейном примеру пациента с энцефалитом, у которого нарушение блокировало способность следовать абстрактным инструкциям (например, «закройте глаза» – пациент не мог этого сделать), но который мог выполнить требуемое действие, когда оно было встроено в контекст (например, «покажите, как вы ложитесь спать») [12, с. 463–464]. Аналогичным образом влияние повреждения мозга на нарушение категориального познания [44] подкрепляло взгляды Выготского на роль понятий в организации и реорганизации психических процессов человека (см., напр.: [17, с. 408; 65, р. 1072]). Он недвусмысленно утверждает, что случаи афазии, связанной с названием цветов, показывают перемещение рассуждений человека с уровня высших процессов (способность рассуждать посредством понятий) на более низкий уровень мышления комплексами [17, с. 412].

Проблема регрессии подводит нас к сложной теме в рассуждениях Выготского, где можно обнаружить несоответствия. С одной стороны, Выготский, по-видимому, иногда употреблял термин «регрессия» в его привычном значении (особенно ссылаясь на работы других авторов), то есть как возвращение на предыдущий уровень в иерархии уровней или стадий. В то же время употребление термина в таком значении противоречило бы его диалектическому, ориентированному на синтез подходу. Если Выготский подчеркивал диалектическую перестройку организмов в прогрессивной фазе развития, то следует признать, что аналогичная качественно новая перестройка имеет место и в регрессивных фазах процесса. Другими словами, если строго следовать идее Выготского о диалектическом синтезе развития, то ни один организм не сможет регрессировать к предыдущей стадии развития. Наоборот, организм может перейти с более высокой стадии на более низкую, но это не будет возвратом на ранее пройденный путь в развитии. Выготский не высказался ясно по этому вопросу (см. также: [54]), но мы можем указать на некоторые его идеи, которые согласуются с этой более строгой интерпретацией регрессии.

Интерес Выготского к расстройству психических функций принял в начале 1930-х гг. два параллельных направления: психиатрическое и нейropsychологическое. В области психиатрии он заинтересовался нарушением высших психических функций у взрослых, страдающих шизофренией [16] (см. также слегка измененный английский перевод: [65]). Этот интерес четко согласовывался в его сознании с интересом к проблеме из области онтогенетического развития – переходу от мышления комплексами к мышлению понятиями в подростковом возрасте. В то время как подросток продвигается от использования комплексов к понятиям, пациент с шизофренией демонстрирует движение вниз от рассуждений, основанных на понятиях, к рассуждениям в комплексах (которые в этом нисходящем движении иногда маскируются под «псевдопонятия»: слова, которые кажутся понятиями, но могут быть раскрыты как простые прикрытия для комплексов). Шизофренический процесс, согласно Выготскому, начинается со скрытого изменения значений слов [16, с. 486], за которым следует нисходящее развитие мышления с помощью псевдопонятий. Отпадение от понятийного мышления характеризуется расщеплением, распадом и разрушением высших психических функций. Этим трем синонимам, используемым для описания нисходящей трансформации, противопоставляются рост, развитие и построение более высоких уровней в онтогенезе [16, с. 482].

В лекции, прочитанной за полтора месяца до смерти (28 апреля 1934 г.) в Институте экспериментальной медицины в Москве, Выготский непосредственно затронул проблему развития и распада высших психических функций [23]. Во-первых, он (повторно) подчеркнул построение качественно новых психологических структур в онтогенезе в условиях социальных взаимодействий («развитие общения и обобщения идет рука об руку» [23, с. 373]). В этом (самом последнем) тексте Выготского начала захватывать проблема локализации в мозге различных развивающихся и разлагающихся психических функций. Однако вместо того, чтобы явно анализировать, как происходит разложение высших функций мозга, он вновь заявил о необходимости анализа структурной организации высших процессов. В совместной работе по эмпирическому описанию психологического расстройства у пациентов с болезнью Пика и Альцгеймера [43] клинические данные о рас-

стройстве объяснялись ссылкой на понимание деменции как структурной реорганизации в соответствии с общими психологическими принципами.

В отрывке, подготовленном для доклада (прочитанного кем-то другим в июне 1934 г.) на I Украинском съезде невропатологов и психиатров в Харькове, Выготский обратился к проблеме локализации психических функций в головном мозге [26] (см. также: [67]). В этом тексте Выготский четко обозначил различия в развитии мозга и соотношении психических функций у детей с дефектами головного мозга с одной стороны, и у взрослых людей с повреждениями мозга – с другой [26, с. 172]. Не существует единого способа, которым психические функции связаны с работой различных отделов мозга у детей и взрослых: сходные повреждения головного мозга (у ребенка и взрослого) могут вызывать совершенно разные психологические симптомы, в то время как разные симптоматические картины могут свидетельствовать о сходных повреждениях. Выготский, конечно, использовал это как веский аргумент против простого сопоставления психических функций (как сущностей в рамках элементаристского подход) с различными отделами мозга (он призывал слушателей не забывать, что эти различные отделы системно связаны). Он утверждал существование неодинаковых количественных последствий повреждения головного мозга для различных мозговых центров в виде общей закономерности: у детей с повреждением головного мозга ближайшему *высшему* (по отношению к поврежденному участку мозга) мозговому центру наносится больший ущерб в функциональном отношении, чем мозговым центрам, которые находятся *ниже* зоны поражения. Напротив, предполагалось, что последствия повреждения головного мозга у взрослых приводят к обратному эффекту: ближайший *нижний* центр (центры) (относительно поврежденной области) больше страдает от повреждения, чем ближайший *верхний* центр [26, с. 173]. Интересно, что здесь Выготский оперировал только количественными порядковыми отношениями (больше функциональных эффектов в X, чем в Y) и не пытался применить свою вездесущую диалектическую схему. Конечно, за этим общим количественным законом угадывается его внимание к возникновению и качественно-количественному изменению высших психических функций.

В развитии детей с поврежденным мозгом нарушение блокирует появление новых функций в высших центрах, заставляя нижние центры развивать компенсаторные функции (т.е. высшие центры повреждены больше, чем нижние). Если же мозг человека повреждается во взрослом возрасте (что означает, что высшие центры начинают функционировать по-новому, как правило, контролируя низшие центры), тогда непосредственным низшим центрам (тем, которые контролируются поврежденной областью) наносится больший ущерб, чем относительно более гибким (высшим) центрам, которые могут развивать компенсацию путем встраивания в другие (неповрежденные) центробежные нейронные связи.

Выготский не уточнял подробностей структурно-функционального расстройства функций головного мозга. Вместо этого он продолжал призывать к изучению межфункциональных связей и отношений, оставляя открытым для обсуждения вопрос о том, что (кроме общего принципа динамических гештальтов активации мозга) это подразумевает и как занимающиеся проблемами мозга ученые могли бы продолжить такое исследование. Последующая работа Лурии в этом русле развила данное направление, и его рассказ о роли Выготского в разработке ряда клинических экспериментов (см. главу 7 в: [40]) показывает, как проблема дефектов мозга рассматривалась в контексте принципа развития. Действительно, многие идеи реабилитации пациентов с повреждениями головного мозга, которые были реализованы Лурией на практике в последующие десятилетия, восходят к размышлениям Выготского о методе двойной стимуляции применительно к процессам повторного обучения пациентов с неврологическими дисфункциями.

**Курт Гольдштейн
и корни идей Выготского
о внутренней речи**

Одной из теорий, благодаря которой хорошо известен Выготский, является его трактовка «внутренней речи», ее функций в мышлении и ее социального происхождения, поскольку он противопоставляет эти функции понятию «эгоцентрической речи» Пиаже (см. главу 7 в: [15]). Проблема внутренней речи восходит к философии языка Вильгельма фон Гумбольдта (см. также главу 15) и активно обсуждалась рядом немецких неврологов, интересующих-

ся речью (Вернике, Шторх), на рубеже веков. Трактовка Выготским внутренней речи как особой, преобразованной формы внешней речи следовала традиции Курта Гольдштейна [49], который проводил параллели между нарушением внутренней речи у пациентов с афазией и речевым развитием детей. Будучи неврологом, Гольдштейн предоставил соответствующие доказательства нарушения высших функций (при афазии), однако связь, которую он установил между неврологическими случаями и развитием внутренней речи у детей, оставалась неэмпирической. На самом деле в трактовке внутренней речи Выготский прямо следует Гольдштейну: «В сущности говоря, если быть последовательным и довести точку зрения Гольдштейна до конца, надо признать, что его внутренняя речь есть вовсе не речь, а мыслительная и аффективно-волевая деятельность, так как она включает в себя мотивы речи и мысль, выражаемую в слове» [15, с. 278].

В развитии своей теории Выготский вышел за пределы точки зрения Гольдштейна, обогатив его идею понятием диалектической трансформации речи при ее переходе из внешней формы во внутреннюю. Этот переход, конечно, социально организован (идея интернализации, которую Выготский позаимствовал у Жане; см.: [62]). Сходство между разработкой проблемы внутренней речи Выготским и Гольдштейном можно увидеть и в увлечении Гольдштейна [50, с. 94–98] (см. также главу 11) идеями Выготского (после знакомства с ними через англоязычную публикацию главы 7 из «Мышления и речи» [66]).

Выводы:

диалектическое противостояние Выготского с гештальтпсихологией

В этой главе мы продемонстрировали интеллектуальное родство Выготского и гештальт-психологов. Неудивительно, что стремление последних сохранить структурную организацию явлений было близко анти-редукционистскому настрою Выготского. Выготский много заимствовал у своих коллег-гештальтистов (Келера, Коффки, Левина, Гольдштейна), при этом критикуя их за недиалектическую (упускающую из виду развитие) позицию. Пытаясь объединить принцип гештальта и принцип развития, Выготский познакомил других с возможным направлением теоретической мысли, до сих пор во многом неисследованным в

современной психологии, несмотря на нынешнюю моду упоминать его имя во многих современных публикациях.

Акцент на структурной динамике психологических явлений у Выготского развился дальше, чем у Левина, и достиг уже знакомой области «качественного синтеза». Гештальтпсихологии он был обязан своей экспериментальной методологией, а также своим подходом к единицам анализа. Его идеи, касающиеся обучения, были сформулированы в диалоге с Коффкой, и, наконец, что не менее важно, впоследствии принеся ему известность теоретическая проблема – теория внутренней речи – была развитием сходных мыслей Гольдштейна, связанных с немецкой традицией философии языка, начало которой было положено Вильгельмом фон Гумбольдтом. Принцип структуры в теоретической мысли Выготского стал принципом диалектического перехода и иерархической интеграции структур, и традиционный вопрос о регрессии приобрел в этом контексте новые характеристики. Тем не менее, Выготский никогда не давал детального описания способных к диалектическому переходу структур, и мы все еще по-прежнему далеки от понимания адекватной и тщательно разработанной методологической работы, которую необходимо провести, чтобы интегрировать структурализм Выготского в инструментарий современных психологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абельская Р., Неопиханова О. Принципиальные проблемы психологии в свете Гештальт-теории // Вопросы марксистской педагогики. 1929. № 5/6. С. 105–129.
2. Абельская Р., Неопиханова О. Проблема развития в немецкой психологии и ее влияние на советскую педологию и психологию // Педология. 1932. № 4. С. 27–36.
3. Агол И.И. Неовитализм и марксизм // Под знаменем марксизма. 1928. № 3. С. 202–237.
4. Артемов В.А. Современная немецкая психология // Психология. 1928. Т. 1. № 1. С. 66–94.
5. Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Берлин; М.; СПб.: Изд-во З.И. Гржебина, 1922.
6. Выготский Л.С. Вступительная статья // Бюлер К. Очерк духовного развития ребенка. М.: Работник просвещения, 1930. С. 5–26.
7. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Со-

- брание сочинений: в 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 291–436.
8. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. С. 13–223.
9. Выготский Л.С. К вопросу о компенсаторных процессах в развитии умственно отсталого ребенка // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 5. Основы дефектологии. М.: Педагогика, 1983. С. 115–136.
10. Выготский Л.С. К вопросу об интеллекте антропоидов в связи с работами В. Келера // Естествознание и марксизм. 1929. № 2. С. 131–153.
11. Выготский Л.С. Кризис первого года жизни // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. С. 318–339.
12. Выготский Л.С. Лекции по психологии // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1983. С. 363–465.
13. Выготский Л.С. Методика рефлексологического и психологического исследования // Проблемы современной психологии. Т. 2. Л.: ГИЗ, 1926. С. 26–46.
14. Выготский Л.С. Младенческий возраст // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. С. 269–317.
15. Выготский Л.С. Мышление и речь: психологические исследования. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.
16. Выготский Л.С. Нарушение понятий при шизофрении // Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. С. 481–496.
17. Выготский Л.С. Педология подростка: в 3-х т. Т. 3. М.; Л.: Учпедгиз, 1931.
18. Выготский Л.С. По поводу статьи К. Коффки о самонаблюдении // Проблемы современной психологии. Т. 2. Л.: ГИЗ, 1926. С. 176–178.
19. Выготский Л.С. Предисловие // Келер В. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М.: Изд-во Академии коммунистического воспитания, 1930. С. I–XXIX.
20. Выготский Л.С. Проблема доминантных реакций // Проблемы современной психологии. Т. 2. Л.: Госиздат, 1926. С. 100–123.
21. Выготский Л.С. Проблема развития в структурной психологии // Коффка К. Основы психического развития. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. С. IX–LVI.
22. Выготский Л.С. Проблема развития в структурной психологии: критическое исследование // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 238–290.
23. Выготский Л.С. Проблема развития и распада высших психических функций // Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. С. 364–383.
24. Выготский Л.С. Проблема сознания // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, С. 156–167.
25. Выготский Л.С. Проблема умственной отсталости // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 5. Основы дефектологии. М.: Педагогика, 1983. С. 231–256.
26. Выготский Л.С. Психология и учение о локализации психических функций // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 168–174.
27. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.
28. Выготский Л.С. Раннее детство // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 4. Детская психология. М.: Педагогика, 1984. С. 340–367.
29. Выготский Л.С. Современные течения в психологии // Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. С. 458–481.
30. Выготский Л.С. Сознание как проблема психологии поведения // Психология и марксизм. Т. 1. М.; Л.: ГИЗ, 1925. С. 175–198.
31. Выготский Л.С. Структурная психология // Выготский Л.С., Геллерштейн С.Г., Фингерт Б.А., Ширвиндт М.Л. Основные течения современной психологии. М.: Госиздат, 1930. С. 84–125.
32. Выготский Л.С. Трудное детство // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 5. Основы дефектологии. М.: Педагогика, 1983. С. 137–149.
33. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Орудие и знак в развитии ребенка // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 6. Научное наследство. М.: Педагогика, 1984. С. 6–90.
34. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.; Л.: Госиздат, 1930.

35. Даян Г. Второй психоневрологический съезд (некоторые итоги) // Красная новь. 1924. № 2. С. 155–166.
36. Коффка К. Самонаблюдение и метод психологии // Проблемы современной психологии. Т. 2. Л.: ГИЗ, 1926. С. 179–192.
37. Ленин В.И. О значении воинствующего материализма // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 5–12.
38. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974.
39. Лурия А.Р. Принципиальные вопросы современной психологии // Под знаменем марксизма. 1926. № 4–5. С. 129–139.
40. Лурия А.Р. Этапы пройденного пути: научная автобиография. М.: Издательство Московского университета, 1982.
41. Мясищев В.Н. Gestalttheorie и учение о рефлексах // Рефлексология и смежные направления. Л., 1930. С. 44–70.
42. Петрова А.Е. Дети-примитивы // Вопросы педологии и детской психоневрологии. Вып. 2. М., 1925. С. 60–92.
43. Самухин Н.В., Биренбаум Г.В., Выготский Л.С. К вопросу о деменции при болезни Пика // Советская невропатология, психиатрия, психогигиена. 1934. Т. 3. № 6. С. 97–136.
44. Ухтомский А.А. Доминанта и интегральный образ // Врачебная газета. 1924. № 2. С. 26–29.
45. Ухтомский А.А. Доминанта как фактор поведения // Вестник Коммунистической академии. 1927. Кн. 22. С. 215–241.
46. Шапиро С.А., Герке Е.Д. Процесс приспособления к условиям среды в поведении ребенка // Очередные проблемы педологии. М.; Л.: Госиздат, 1930. С. 73–111.
47. Gelb, A. and Goldstein, K., 1920. Psychologischen Analysen hirnpathologischer Fälle. Leipzig: Barth.
48. Gelb, A. and Goldstein, K., 1925. Über Farbenamnesie nebst Bemerkungen über das Wesen der amnestischen Aphasie überhaupt und die Beziehung zwischen Sprache und dem Verhalten zur Umwelt. Psychologische Forschung, Vol. 6, pp. 127–86.
49. Goldstein, K., 1933. L'analyse de l'aphasie et l'étude de l'essence du langage. Journal de Psychologie Normale et Pathologique, Vol. 30, pp. 430–496.
50. Goldstein, K., 1948. Language and language disturbances. New York: Grune and Stratton.
51. Joravsky, D., 1989. Cultural revolution and the fortress mentality. In: Gleason, A., Kenez, P. and Stites, R. eds., 1989. Bolshevik culture: experiment and order in the Russian Revolution. Bloomington: Indiana University Press, pp. 93–113.
52. Koffka, K., 1924. Introspection and the method of psychology. British Journal of Psychology, Vol. 15, no. 2, pp. 149–161.
53. Köhler, W., 1921. Intelligenzprüfungen an Menschenaffen. Berlin: Springer.
54. Kozulin, A., 1990. The concept of regression and Vygotskian developmental theory. Developmental Review, Vol. 10, no. 2, pp. 218–238.
55. Lewin, K., 1926. Filmaufnahmen über: Trieb – und Affektäußerungen psychopathischer Kinder (verglichen mit Normalen und Schwachsinnigen). Zeitschrift für Kinderforschung, Vol. 32, pp. 414–447.
56. Lewin, K., 1926. Vorbemerkungen über die psychischen Kräfte und Energien und über die Struktur der Seele. Psychologische Forschung, Vol. 7, pp. 294–329.
57. Lewin, K., 1926. Vorsatz, Wille und Bedürfnis. Psychologische Forschung, Vol. 7, pp. 330–385.
58. Lewin, K., 1982. Der Übergang von der aristotelischen zur galileischen Denkweise in Biologie und Psychologie. In: Mettraux, A. ed., 1982. Kurt Lewin Werkausgabe. Bd. 1. Wissenschaftstheorie. Bern; Stuttgart: Huber; Klett-Cotta, pp. 233–278.
59. Rignano, E., 1928. Die Gestalttheorie. Psychologische Forschung, Vol. 11, pp. 172–187.
60. Scheerer, E., 1980. Gestalt psychology in the Soviet Union. I. The period of enthusiasm. Psychological Research, Vol. 41, no. 2–3, pp. 113–132.
61. Valsiner, J., 1988. Developmental psychology in the Soviet Union. Brighton: Harvester Press.
62. Van der Veer, R. and Valsiner, J., 1988. Lev Vygotsky and Pierre Janet. On the origin of the concept of sociogenesis. Developmental Review, Vol. 8, no. 1, pp. 52–65.
63. Vygotsky, L.S., 1925. Principles of social education for deaf and dumb children in Russia. In: International conference on the education of the deaf. London: William H. Taylor and Sons, 1925, pp. 227–237.
64. Vygotsky, L.S., 1929. The problem of the cultural development of the child. Journal of Genetic Psychology, Vol. 36, no. 3, pp. 415–434.

65. Vygotsky, L.S., 1934. Thought in schizophrenia. Archives of Neurology and Psychiatry, Vol. 31, no. 5, pp. 1063–1077.

66. Vygotsky, L.S., 1939. Thought and speech. Psychiatry, Vol. 2, no. 1, pp. 29–54.

67. Vygotsky, L.S., 1965. Psychology and localization of functions. Neuropsychologia, Vol. 3, no. 4, pp. 381–386.

Я.И. Аров*

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ:
ОТ ПОЗИТИВИЗМА К ГЕРМЕНЕВТИКЕ
(НА ПРИМЕРЕ УЧЕНИЯ О ПОТЕНЦИЯХ
В ТРАКТАТЕ В.В. РОЗАНОВА «О ПОНИМАНИИ»)

В статье рассматривается один из вариантов решения проблемы статуса гуманитарного познания с позиции герменевтики, представленный в учении о потенциях В.В. Розанова. Автор обращает внимание на особенности позиций субъекта и объекта в структуре «наук о духе», рассматривая их, согласно концепции В.В. Розанова, как со-причастное единство потенций разума, задающих цель, ценности и смыслы понимания, и потенций вещей, являющихся эмпирическим материалом, которому разум дает форму как объекту исследования. В заключении статьи автор приходит к выводу о пользе исторических примеров развития герменевтики для ведения современных эпистемологических дискуссий о статусе гуманитарного познания.

Ключевые слова: гуманитарное знание, В.В. Розанов, герменевтика, эпистемология, потенции

The issues of cognition in humanities: from positivism to hermeneutics (the case of the concept of potentiality in Vasily Rozanov's «On Understanding»).
YAROSLAV I. AROV (Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; Moscow Pedagogical State University)

The article considers one of the way of solving the problem of the status of humanities from the point of hermeneutics, presented in the concept of potentiality, which was developed in Vasily Rozanov's «On understanding». The author focuses on the features of the position of the subject and the object in the structure of *Geisteswissenschaften*, considering them, according to Rozanov's idea, as a co-participatory unity of the potencies of the mind and the potencies of things. It is concluded that historical examples of the development of hermeneutics are still relevant for modern epistemological discussions about the status of humanities.

Keywords: humanities, Vasily Rozanov, hermeneutics, epistemology, potentiality

В современной гуманитаристике существует ряд актуальных проблем, касающихся места и статуса той или иной дисциплины в структуре научного знания, а также обоснования критериев научности для гуманитарного знания в целом. Последние широко обсуждались в XX в. после

* АРОВ Ярослав Игоревич, младший научный сотрудник отдела русской литературы конца XIX–начала XX века Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, специалист по учебно-методической работе кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

E-mail: vsedurd@gmail.com

© Аров Я.И., 2023

переосмысления К. Поппером «нормативов» научности в книге «Логика научного исследования». Однако выделяемый К. Поппером принцип фальсификации и сведение функций науки к «прогностическим» оставались релевантны для естественнонаучной эпистемологии. Для гуманитарного познания, исследующего динамику культуры, исторического процесса, человеческих идей, прогностический потенциал не мог быть основным критерием научности, да и с принципом фальсификации возникали проблемы, связанные с ценностными предпосылками (которые отчасти были решены введением второй, «ценностной» фальсификации).

В России задолго до публикации идей К. Поппера существовали философские учения, которые разграничивали методы гуманитарных и естественных дисциплин, апеллируя как к герменевтической традиции, так и к собственным эпистемологическим системам. Пример такого синтеза дает теория познания одного из ведущих русских философов рубежа XIX–XX вв. В.В. Розанова. Его трактат «О понимании: опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» является собой образец апологии подхода гуманитаристики к тому, что Ницше именовал «слишком человеческим», доказывая с помощью различных аргументов, что без этого «человеческого» гуманитарное познание – и познание в целом – не может существовать априори. В данной статье розановское учение о понимании будет рассмотрено на примере его концепции потенциалов в контексте споров о месте, методах и критериях гуманитарного познания.

Для начала стоит отметить, что и в настоящее время возникают споры о статусе гуманитарных дисциплин в общей структуре научного знания. Это обусловлено, с одной стороны, возникшей еще в XVIII–XIX вв. тенденцией к физикализации всех наук, их сведению к единому методологическому шаблону, к выведению общих законов культурно-исторического развития с помощью методов, апробированных в точных и естественнонаучных дисциплинах. Эта позиция, характерная для раннего позитивизма О. Конта, до сих пор имеет своих сторонников, несмотря на обширную критику, данную в работах В. Дильтея, В. Виндельбанда, М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, Г.Г. Шпета и др. Противники этой позиции обращают внимание на несводимость корпуса гуманитарных дисциплин к «шаблону» естественных,

апеллируют к особенностям «наук о духе» как сущностно отличных от тех областей познания, чьим объектом выступает или неживая природа, или же человек и продукты его деятельности как обезличенные функции. На пересечении проблемного поля, между интерпретацией гуманитаристики как «точной» дисциплины в своем идеальном (должном) воплощении и как культурно обусловленной области познания, находится общая методология гуманитарной науки. Проблема коренится в сложности диалога между двумя противоборствующими точками зрения.

На мой взгляд, один из вариантов ее решения, примиряющий обе точки зрения, дал С.С. Аверинцев в эссе «Похвальное слово филологии». При анализе сущности филологической работы он заметил, что филология не является точной наукой, поскольку «качественно отличается» от нее [1, с. 100]. Вместе с тем, по мысли Аверинцева, филология не является и исключительно субъективной дисциплиной, поскольку в ней также строятся исследовательские модели, она имеет свои методы и критерии оценивания, общие для всей структуры филологической науки. В ней есть определенная строгость, заключающаяся в «нравственно-интеллектуальном усилии, преодолевающем произвол и высвобождающем возможности человеческого понимания» [1, с. 101]. Мысли выдающегося филолога вторил и другой крупный отечественный исследователь – М.Л. Гаспаров. Он прямо называл филологию «наукой понимания» [5, с. 98]. Герменевтическая трактовка собственной сферы деятельности, данная этими учеными, может быть в общих чертах экстраполирована на гуманитаристику в целом. В филологии, социологии, философии не может существовать только фактологической фальсификации и неважно обстоят дела с прогнозированием.

В мире культуры и истории нельзя просто «механически» предсказать будущее с помощью методов анализа, индуктивной логики и т.п. Анализ, понимаемый как обнаружение сущностных черт исследуемого объекта путем редукции его вторичных свойств, конечно, свойственен в той или иной мере и гуманитарным дисциплинам. Однако этот анализ, сходный в своих формальных признаках, сущностно отличен от любого не-гуманитарного. Его содержание – это работа понимания, это аверинцевское понимание одного человека (выступающего объектом исследования) другим (исследовате-

лем). И здесь важную роль играет «правильная» интерпретация их взаимодействия, которая – если она претендует на статус научной – строится на основе этого анализа. Строго говоря, интерпретация – это всегда толкование о чем-то в контексте чего-то, но никогда – произвольное толкование [20, с. 91]. Использование методов в ней находится в зависимости от этих контекстов, т.е. природных элементов или человеческих форм деятельности. Нарратив контекстов в этой связи предстает как философский базис, как система ценностей внутри отношений субъекта с объектом его исследования.

Традиционное понимание отношения субъекта к объекту, возможно, не совсем подходит гуманитаристике в том смысле, что субъект, будучи человеком и исследуя живой, человеческий мир, не может отвлечься ни от собственной человечности, ни от человечности объекта исследования. Грубая объективация здесь не работает. Но это не значит, что сама система субъект-объектных отношений требует упразднения. В. Франкл в книге «Человек в поисках смысла» писал: «Только лишь благодаря выходу человеческого бытия за пределы самого себя, благодаря его устремленности к объекту и лишь ценой того, что оно тем самым конституирует себя как субъект, познание является изначально возможным» [19, с. 72]. В гуманитаристике познание требует не упразднительного, а системного подхода, заключающегося в необходимости выделения субъекта гуманитарного знания и объекта исследования как особого бинарного отношения. Нужен действительный эмпирический, а значит исторический, субъект исследования. Его поиском и структурированием занимался в свое время В. Дильтей, ориентируясь на более ранние формы герменевтических изысканий. В России позицию В. Дильтея развивал В.В. Розанов. Особенно в этой связи выделяется его книга «О понимании», написанная в 1886 г. – в тот период, когда, как признается сам философ в одном из писем своему биографу Б.А. Грифцову, устав от ссор с первой женой А.П. Сусловой, Розанов вынужден был уходить от «мучительницы в гостиницу Дудина (Брянск)» [10, с. 439], где и готовил свой труд. Несмотря на тяжелые жизненные обстоятельства философ подчеркивает, что все «о “Понимании” было написано со счастьем» [10, с. 439]. В этом оброненном слове «счастье» также, как и в позднейшем письме к Э.Ф. Голлербаху, где Розанов указывал на значимость своей первой

крупной философской работы [13, с. 355], содержится то зерно отношения субъекта к объекту, которое отличает гуманитарную эпистемологию от естественнонаучной.

Чувство, с которым исследователь подходит к изучению объектов культуры, к восприятию истории, к особенностям человеческих отношений, к психологии индивидов и обществ, играет важную роль в научной аргументации, поскольку теория гуманитарного познания всегда связана с проблемами ценности [12, с. 196; 11]. Субъект, конечно, отделен от объекта, но он сопричастен ему, во-первых, потому что его интенции постоянно направлены вовне, как показал еще Э. Гуссерль [7, с. 49], во-вторых, потому что сам объект является результатом трансформации субъектом той природной данности, которой человек придает форму и задает смысл (по Франклу). Розанов, как отмечает ряд исследователей, формирует смыслополагающую картину понимания субъектом его научной миссии [9]. Терминологический базис этого отношения человека к смыслу и ценностям он заимствует у Аристотеля и позднейшей традиции, опирающейся на перипатетическую метафизику. Но как человек своего времени он придает абстрактным терминам живой человеческий облик. В эпоху информационного общества, когда традиционные смыслы и ценности деформируются, растворяются в информационном потоке, розановская концепция понимания имеет герменевтические выходы к правильной трактовке научных контекстов, которая может быть полезной для сохранения за гуманитаристикой статуса строгой науки.

В общих чертах герменевтическую позицию Розанова характеризует три элемента:

- терминологический (здесь доминируют абстракции, дихотомические пары – «Акт-Потенция», «Разум-Природа», «Бытие-Небытие» и др.);
- концептуальный, соединяющий термины в контекст учения о схемах разума и схемах понимания;
- ценностный, придающий смыслы абстракциям и схемам.

В данной статье я не буду рассматривать все эти элементы и даже какой-либо один из них целиком. Это требует по крайней мере монографической работы. К тому же многие ученые-розановеды уже исследовали и розановское понимание разума, и понимание самого понимания. О Розанове как о предтече русской

герменевтики писала Н.К. Бонецкая [2]. Непосредственная связь его учения с немецкой философской традицией отмечена в трудах А.Я. Кожурина, С.В. Скородумова, К.Л. Романовского и др. Гносеологические особенности розановской философии рассматривал в своих статьях и диссертации А.П. Семенюк [16; 17; 18]. Идеологическая составляющая концепта «понимание» проанализирована в статье О.А. Глебова [6]. Свои комментарии к современному изданию трактата «О понимании» оставил и один из крупнейших исследователей и библиографов Розанова В.Г. Сукач. Развитие учения о понимании можно проследить в собраниях сочинений В.В. Розанова, изданных под редакцией А.Н. Николюкина. Поскольку корпус исследовательских работ по герменевтике Розанова крайне обширен, в задачи данной статьи не входит непосредственное перечисление основных проблем и тем его учения о понимании: здесь будет лишь кратко отмечена сама фактура розановских размышлений, та связь между терминологией, концептуальностью и аксиологией, которая может рассматриваться современной гуманитарной эпистемологией как исторический ресурс, один из вариантов герменевтического решения упомянутой проблемы субъект-объектных отношений.

На мой взгляд, показательным примером такого решения является розановская концепция потенциалов. О ее значимости в системе философских изысканий свидетельствует сам философ в письме к Э.Ф. Голлербаху от 8 августа 1918 г.: «Невозможно в сущности ничего понять у меня, понять и во мне, не прочитав и не усвоив двух первых глав *О понимании*, “О сторонах существующего и схемах разума” и “О принципе потенциалности”» [13, с. 355]. Важность данной концепции подтверждают и позднейшие исследователи творчества В.В. Розанова, такие как А.П. Семенюк, Н.Ф. Болдырев и др. Концепция потенциалов в трактате «О понимании» представляет собой, во-первых, один из ключевых пунктов работы понимания (на уровне бытия разума), а во-вторых, особую форму существования (на уровне бытия вещей). С точки зрения понимания, потенциалы являются способностью разума к выстраиванию причинно-следственных связей, а также к целеполаганию деятельности субъекта. Ведь если бы разум не обладал потенциалами и сам не являлся бы скрытой потенциальностью, рассуждает Розанов, то никакие изменения в разуме не могли бы произойти, стало

быть не менялись бы и его отношения к вещам, и поэтому не было бы возможным познание как таковое [15, с. 64, 73, 120]. Для науки в целом необходимо такое отношение разума к объекту, которое учитывает деятельность самого разума, направленного на этот объект.

С другой стороны, поскольку существует такая взаимосвязь, объект не может рассматриваться как некая «вещь в себе», его нумеральность соположена способности разума к открытию целей, скрытых в нем, и таким образом к приданию ему смысла. Это есть, выражаясь научным языком, вычленение объекта исследования, то есть его сущности. Поскольку сущность, по крайней мере в культуре и истории, есть развертывание целенаправленного процесса к тому, чем объект должен быть, и поскольку сам целенаправленный процесс, по мысли Розанова, есть процесс всегда имеющий истоком разумную деятельность [15, с. 307], то разум человека как потенция предполагает определенный телеологический элемент, всегда присутствующий в нем и не просто связанный с потенциалами самих вещей, но в конкретных случаях (например, в искусстве) оформляющий их, придающий значение и смысл [15, с. 337].

Есть и другая сторона розановской концепции потенциалов – феноменологическая. С точки зрения существования, вещи могут обладать потенциальным существованием, ведь если бы они им не обладали, то так же, как и разум, не могли бы изменяться. Здесь стоит сказать, что изменяется не весь разум и не все в вещи, а только некоторая часть в них, данная в явлении. Как подчеркивает Розанов, меняется не сама вещь, а наше отношение к ней [15, с. 107]. Впрочем, познание нумеральной природы вещи возможно только в умознении. Эмпирически и исторически вещь всегда обладает потенциалами, соположенными потенциалам разума, и именно эта соположенность помогает субъекту исследования формировать и понимать сформированный им объект. Такова, если не вдаваться в подробности, основная интенция розановской концепции потенциалов. Характерно, что она соединяет онтологию, аксиологию и эпистемологию в единую систему познания, тем самым нивелируя изначальную ошибку декартовского субъекта, его исключение из культурно-исторического слоя бытия.

Наука, понимаемая Розановым в самом широком смысле – как само воплощенное понимание, движется по лекалам истории, поскольку

исторический субъект задает смыслы истории и ее цель. Точнее, он обладает идеей целеполагания, и эта идея, существуя актуально, дает существование самой цели как потенции [14, с. 26]. Цель есть потенция, поскольку если цель достигнута, то она уже не может быть целью. В этом смысл научной рефлексии – живое человеческое отношение к объекту науки как к тому, на что направлена интенция человеческого разума. Но этот разум также, являясь потенцией, имеет и свою цель (в понимании) и свои ценности (в придании смысла исследуемому). Здесь, как отмечает А.П. Семенюк, Розанов отходит от перипатетической трактовки потенций, приходя к ряду романтиков [18, с. 53] и к представителям философии жизни (В. Дильтею и др.). Если сравнить идею «живой целостности сознания» Дильтея [8, с. 51] с розановским разумом как экстраполяцией понимания, то можно отметить ряд общих черт: учет исторических реалий в научной работе, трактовку науки с точки зрения аксиологии, критику позитивистского субъекта [8, с. 48].

Значение идей В. Дильтея для методологии гуманитарных дисциплин общепризнано. Стоит признать и заслуги В.В. Розанова, который воспринял критику декартовского субъекта, данную немецкой философской школой, и внес свою лепту в развитие отечественной герменевтики. Оригинальная концепция потенций В.В. Розанова была бы невозможна вне контекста истории. Во время создания данной концепции уже формируются кружки неокантианцев, вскоре становится популярной позиция В. Виндельбанда, разделившего науки на номотетические и идеографические и отметившего их внутренние взаимосвязи [4]. Существует определенная преемственность идей и на уровне отечественной герменевтики. Так, исследователь Н.Л. Варова отмечает связь между розановским обращением к разуму субъекта как ядру смысла и ценностей процесса познания и шпетовской апологией метода интроспекции, его познанием-пониманием как разворачиванием этапов самосознания [3, с. 11]. Таким образом, апелляция к живому пониманию взамен искусственного, лишённого ценностного начала объяснения протекает в характерной среде споров о методах и критериях научности.

Для Розанова понимание – это конструкт, связанный не только с какой-то конкретной гуманитарной наукой, но с наукой в самом широком смысле, понимаемой как само неизменное

понимание, данное человеку природой его разума [15, с. 10]. Утверждение о том, что в начале понимания лежит «внешнее впечатление» [15, с. 34] является не просто реликтом сенсуализма, но фактическим признанием эмпиричности нашего познания внутри явленного мира. И хотя существует мир, где вещи не становятся, а уже есть («сушность ... пребывает вечно в скрытом состоянии» [15, с. 242]), этот мир «абсолютной актуальности» выходит за границы возможностей научного познания, мы можем его только предполагать, но для нашего познания он окутан тайной [15, с. 66]. Природа, культура, история, сам человек, по Розанову, находятся в постоянном движении, в смене отношений между субъектами, поскольку все они имеют цель, все являются постоянными потенциями. И если в целеполагании природы еще можно сомневаться, умаляя роль субъективного, то в гуманитарной действительности эти цели существуют априори, поскольку априори существует живой человек с его чаяниями, сомнениями, внутренними моральными дилеммами – с тем, что невозможно полноценно понять, редуцировав до простой механической причинности. И субъект, и объект в структуре гуманитарного познания, таким образом, связаны не только внешне, как в позитивизме, но и внутренне – морально, ценностно. Эти связи подвижны, всегда имеют выходы к потенциальным целям, заложенным в них. И чтобы понять эти цели, необходимо выстроить правильное отношение между потенциями разума и потенциями вещей. Таков в общих чертах идеал розановской науки.

Дальнейшая судьба этого идеала, как и самого Розанова, незавидна. В советское время философ и его «наука» были забыты, вытеснены в подполье. В русскоязычной среде имя Розанова упоминалось разве что в кружках эмигрантов и в андеграундных сообществах (так, неизгладимое впечатление философ произвел на писателя Венедикта Ерофеева). Фактически только в 1990-е гг. усилиями А.Н. Николукина, В.Г. Сукача и др. начала формироваться библиография Розанова, появился корпус его сочинений, который сегодня насчитывает не один десяток томов. Розанов снова стал одним из самых исследуемых авторов Серебряного века. Однако его ранним работам по-прежнему уделялось существенно меньше внимания, нежели позднему творчеству. Сегодня имеются все основания пересмотреть подобный подход. Герменевтика уже проникла в гуманитарные дисциплины в качестве одного из

ведущих научных методов. В этой связи розановское учение о потенциях как основе понимания, как и другие герменевтические концепции XIX–XX вв., представляется весьма актуальным историческим ресурсом для ведения современной эпистемологической дискуссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.С. Похвальное слово филологии // Юность. 1969. № 1. С. 98–102.
2. Бонецкая Н.К. Предтечи русской герменевтики // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 90–98.
3. Варова Н.Л. Понимание в философии В.В. Розанова: от схем разума к образу феномена // Гуманитарные исследования. 2017. № 4. С. 8–12.
4. Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М.: Юрист, 1995.
5. Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
6. Глебов О.А. Концепт понимания и его идеалистическая трактовка в теоретической философии В.В. Розанова // История философии. 2021. Т. 26. № 1. С. 87–98.
7. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический проект, 2010.
8. Дильтей В. Описательная психология. М.: Современный гуманитарный университет, 2001.
9. Золотарев А.В. Василий Розанов и Вернер Гейзенберг о понимании природы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 46–54.
10. Ломоносов А.В. В.В. Розанов: ближние и дальние. Переписка В.В. Розанова: исследования и материалы. М.: Пашков дом, 2021.
11. Микешина Л.А. Современное развитие понятия «ценность» // Ценности и смыслы. 2009. № 1. С. 6–17.
12. Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учебное пособие. М.: Прогресс-Традиция; МПСИ; Флинта, 2005.
13. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 17. В нашей смуте (Статьи 1908 г.). Письма к Э.Ф. Голлербаху. М.: Республика, 2004.
14. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 25. Природа и история. Статьи и очерки 1904–1905 гг. М.; СПб.: Республика; Росток, 2008.

15. Розанов В.В. Сочинения: О понимании (Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания). М.: Танаис, 1995.

16. Семенюк А.П. Гносеологическая проблематика в трактате «О понимании» В.В. Розанова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. № 4. С. 118–121.

17. Семенюк А.П. Проблема понимания в творчестве В.В. Розанова: дис. ... канд. ист. н. Томск.

18. Семенюк А.П. Учение о потенциальности В.В. Розанова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. № 1. С. 52–54.

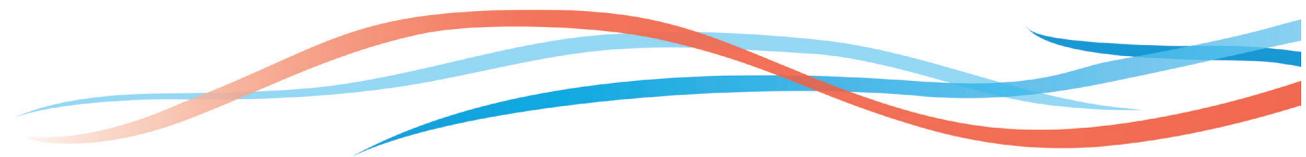
19. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

20. Щедрина Т.Г. Проблемы понимания исторической реальности (методологический опыт Густава Шпета) // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 90–93.

REFERENCES

1. Averintsev, S.S., 1969. Pokhval'noe slovo filologii [In praise of philology], Yunost', no. 1, pp. 98–102. (in Russ.)
2. Bonetskaya, N.K., 2014. Predtechi russkoi germenевtiki [Forerunners of Russian hermeneutics], Voprosy filosofii, no. 4, pp. 90–98. (in Russ.)
3. Varova, N.L., 2017. Ponimanie v filosofii V.V. Rozanova: ot skhem razuma k obrazu fenomena [Understanding in Vasily Rozanov's philosophy: from the scheme of mind to the image of phenomenon], Gumanitarnye issledovaniya, no. 4, pp. 8–12. (in Russ.)
4. Windelband, W., 1995. Izbrannoe: Dukh i istoriya [Selected works: Spirit and history]. Moskva: Yurist. (in Russ.)
5. Gasparov, M.L., 2001. Zapisi i vypiski [Notes and extracts]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
6. Glebov, O.A., 2021. Kontsept ponimaniya i ego idealisticheskaya traktovka v teoreticheskoi filosofii V.V. Rozanova [The concept of understanding and its idealistic interpretation in the theoretical philosophy of V.V. Rozanov], Istoriya filosofii, Vol. 26, no. 1, pp. 87–98. (in Russ.)
7. Husserl, E., 2010. Kartezijskie meditacii [Cartesian meditations]. Moskva: Akademicheskii proekt. (in Russ.)

8. Dilthey, W., 2001. *Opisatel'naya psikhologiya* [Descriptive psychology]. Moskva: Sovremenniyi gumanitarnyi universitet. (in Russ.)
9. Zolotarev, A.V., 2020. *Vasilii Rozanov i Verner Geizenberg o ponimanii prirody* [Vasily Rozanov's and Werner Heisenberg's views on understanding of nature], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, no. 4, pp. 46–54. (in Russ.)
10. Lomonosov, A.V., 2021. *V.V. Rozanov: blizhnie i dal'nie. Peregovory V.V. Rozanova: issledovaniya i materialy* [Correspondence of Vasily Rozanov: research and materials]. Moskva: Pashkov dom. (in Russ.)
11. Mikeshina, L.A., 2009. *Sovremennoe razvitiye ponyatiya «tsennost'»* [Modern development of the concept of value], *Tsennosti i smysly*, no. 1, pp. 6–17. (in Russ.)
12. Mikeshina, L.A., 2005. *Filosofiya nauki: Sovremennaya epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya: uchebnoe posobie* [Philosophy of science: Modern epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Research methodology: a textbook]. Moskva: Progress-Traditsiya; MPSI; Flinta. (in Russ.)
13. Rozanov, V.V., 2004. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 17. V nashei smute (Stat'i 1908 g.). Pis'ma k E.F. Gollerbakhu* [Collected works: in 30 volumes. Vol. 17. In our turmoil (Articles of 1908). Letters to E.F. Hollerbach]. Moskva: Respublika. (in Russ.)
14. Rozanov, V.V., 2008. *Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 25. Priroda i istoriya. Stat'i i ocherki 1904–1905 gg.* Moskva; Sankt-Peterburg: Respublika; Rostok. (in Russ.)
15. Rozanov, V.V., 1995. *Sochineniya: O ponimanii (Opyt issledovaniya prirody, granits i vnutrennego stroeniya nauki kak tsel'nogo znaniya)* [On understanding: Essay on the study of nature, the boundaries and inner structure of science as an integral knowledge]. Moskva: Tanais. (in Russ.)
16. Semenyuk, A.P., 2014. *Gnoseologicheskaya problematika v traktate «O ponimanii» V.V. Rozanova* [Gnoseological problems in Vasily Rozanov's treatise «On understanding»], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, no. 4, pp. 118–121. (in Russ.)
17. Semenyuk, A.P., 2002. *Problema ponimaniya v tvorchestve V.V. Rozanova* [The issue of understanding in the works of Vasily Rozanov], *dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk*. Tomsk. (in Russ.)
18. Semenyuk, A.P., 2013. *Uchenie o potentsial'nosti V.V. Rozanova* [Vasily Rozanov's doctrine of potentiality], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, no. 1, pp. 52–54. (in Russ.)
19. Frankl, V., 1990. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's search for meaning]. Moskva: Progress. (in Russ.)
20. Shchedrina, T.G., 2018. *Problemy ponimaniya istoricheskoi real'nosti (metodologicheskii opyt Gustava Shpeta)* [The issues of understanding historical reality (methodological experience of Gustav Shpet)], *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 90–93. (in Russ.)

УДК 101.1

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2023-1/98-111>

С.Е. Ячин*

СТРАТЕГЕМЫ РАЗУМА: ВВЕДЕНИЕ В КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ КУРС ИСТОРИИ ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЙ

Статья знакомит читателей с ключевой идеей коллективного проекта концептуального курса истории философских учений. Замысел этого курса, рожденный опытом преподавания философии, состоит в том, чтобы взглянуть на философские учения как на особые коммуникативные стратегии. Понятая таким образом, философия предстает как обучение разумному пониманию родового опыта в его конкретно-исторической форме. Стратегической целью философского учения оказывается рефлексивное выстраивание опыта в определенном порядке. При этом ключевым условием достижения данной цели являются стратегемы разума: приемы, которые использует философ для пробуждения рефлексивного отношения к своему опыту, т.е. приемы пробуждения мысли. В их число входят парадоксы, апории, интеллектуальные уловки, антиномии, но исходным и основным приемом пробуждения мысли остается рефлексивно поставленный вопрос. Автор приглашает читателей, в случае заинтересованности, принять участие в данном проекте и предложить свою аналитику коммуникативной стратегии того или иного мыслителя.

Ключевые слова: философская стратегия, коммуникативная стратегия, стратегемы разума, история философии

Stratagems of mind: introduction to a conceptual course in the history of philosophy. SERGEY E. YACHIN (Far Eastern Federal University)

The article introduces the key idea of a collective project – a conceptual course in the history of philosophy. The idea of this course, born out of the experience of teaching philosophy, is to look at philosophical doctrines as specific communication strategies. Philosophy, thus understood, appears as a doctrine of a reasonable understanding of human experience in the form relevant for each historical age. The strategic goal of philosophical doctrine turns out to be the reflexive arrangement of this experience in a certain order. At the same time, the key condition for achieving this goal is the use of the stratagems of mind: the techniques that philosophers employ to awaken a reflexive attitude to their experience. These include paradoxes, aporias, intellectual tricks, antinomies. However, the initial and key role in awakening thought remains with a reflexively posed question. The author invites interested readers to take part in this project

* ЯЧИН Сергей Евгеньевич, доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: yachin.se@dvfu.ru

© Ячин С.Е., 2023

and offer their own analysis of the communicative strategy of a particular philosopher.

Keywords: philosophical strategy, communicative strategy, stratagems of mind, history of philosophy

Стратегия и стратегемность философского учения

Если философия начинается с удивления¹, то у нее есть все основания, чтобы удивиться самой себе. Удивление вызывает специфическое бессмертие ее учений, совершенно необъяснимое с точки зрения прогресса научного знания, а равным образом – одновременное существование нескольких неуязвимых для критики друг друга школ в каждую историческую эпоху [10]. Этот удивительный историко-философский факт можно объяснить, если понимать философию в первую очередь как учение (в исходном значении этого слова как обучение *чему-то*), и только во вторую – как систему знания и познания *чего-то*. «Приземляя» постановку вопроса, можно бы задать «наивный» вопрос «ученика»: «А какая философия правильная?» Мы же («учителя») предлагаем увидеть проблему в том, что с самого начала своего отчетливого существования философия особо не заботилась о различении того, *о чем* она говорит, и того, *чему* она учит, какого рода дисциплину разума предполагает.

Почему это различие стоит продумать? Дело в том, что построение учения и построение системы знания предполагают разный «порядок дискурса»². Порядок квалифицированного дискурса учения, в первую очередь, определяется *не-до-умением* слушающего/вопрошающего и только во вторую – природой того «предмета», о котором идет речь. Именно в порядке учения-обучения разворачивается канонический философский дискурс – диалог. Даже соглашаясь с тем, что порядок вопросов и ответов, который мы видим в «Диалогах» Платона, искусно

выстроен им самим [5], нельзя не понимать, что этот порядок имеет в виду незнание собеседников и нацелен на то, чтобы установить предусмотренную учителем «дисциплину». Чрезвычайно показательно, что «Диалоги» не содержат законченного решения поставленных там проблем и в этом смысле не дают никакого систематического представления (знания) о предмете разговора. Пожалуй, никакие другие философские произведения в европейской традиции не демонстрируют столь явно приоритет дискурса учения над дискурсом знания, как платоновские беседы.

Впрочем, то, как Платон разворачивает свое учение, не является какой-либо новостью в греческой традиции мудрости. Изначальную (и, может быть, данную на все времена) стратегию собственно философского учения мы находим у Парменида, в характерной для всей его поэмы апелляции к уму-разуму: «Вот я тебе это сказал, а ты это обдумай!» Эта формула проводит ясное разграничение в том, чем философское учение отличается от мифического предания, от религиозного учения, идеологического и литературно-художественного дискурса. Все свернуто в этом обращении к мысли: «Ты это обдумай!» Здесь начало всякой возможной науки, если под ней мы понимаем систему аргументативного знания. Ведь обдумыванию подлежит аргумент («несокрушимый довод» – говорится в поэме). Персонализация обращения нас не обманывает: адресатом является не конкретное лицо («Юноша»), но сама человеческая, еще не вполне «разбуженная», разумность. Как всякое философское учение, поэма Парменида апеллирует к человеку как разумному существу, т.е. ко всякому, кто этот аргумент может понять. Много позже слово «наука» («у» – праиндоевропейский корень, общий для «нус», «ум», «учить» и др.) приобретает значение логически организованной системы знания.

Господствующий в современной философии отказ рассматривать саму философию в качестве «одной из наук» [4, с. 24] говорит пример-

¹ Так нам завещали (среди прочего) понимать ее и Платон, и Аристотель. «Ибо и теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать, причем вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь таким образом далее, они задавались вопросом о более значительном» [1, с. 69].

² Концепт М. Фуко, обладающий хорошей различительной силой для понимания специфики жанров и текстов.

но о том же³. Но если философия не является «одной из наук», тогда – чем? Р. Рорти провокативно полагает, что философию следует отнести к жанру литературы [13]. Основания для этого имеются, но в данном случае они преувеличены. Дискурс учения обязан иметь литературную форму (поскольку в нем мысль свершается в слове), но содержательно он более или менее откровенно выстроен в порядке, который можно бы назвать «прояснением истинного».

Таким образом, будучи в первую очередь учением (дискурсом учения), философия является руководством <для> ума-разума, особым типом «наставления на путь истины», и именно в этом состоит ее стратегическая задача и стратегичность. Дело философии – во все времена и независимо от ее направлений, течений и школ – есть дело разума, «обращенного к началам самой разумности» [2, с. 35]. Как таковая философия обучает уму-разуму, и это есть ее первое дело. Занимаясь одним делом, разные философские учения используют разные стратегии и стратегемы.

Будем понимать под «философской стратегией» или «стратегией разума» особый тип смыслополагания, призвание которого – выстроить опыт в определенном порядке. Философия как учение видит свою стратегическую цель в рефлексивном прояснении или осмыслении родового опыта. Предметный мир не требует ни того, ни другого. Его нужно просто *по-знать!* Логика стратегирования обретает свою регулятивную силу, когда успех дела становится непосредственно зависимым от согласованности действий его многочисленных участников. Как таковое стратегическое действие подчиняется преимущественно логике коммуникативного разума. Тема коммуникативного разума или коммуникативной рациональности с соответствующей критикой инструментального разума была введена в современную философию Ю. Хабермасом [16]. В этой связи можно заметить, что процесс учения, в том числе и философский, в общем плане соответствует не столько инструментальной, сколько коммуникативной логике совместного действия.

Таким образом, в нашей работе акцентируется внимание не столько на стратегиях фило-

софских учений, не столько на познавательных целях, которые данное учение ставит перед собой, сколько на особых приемах или средствах, которые при этом использует разум, то есть на стратегемах.

Оправдание необходимости такой акцентировки мы видим в том, что характер самого дискурса учения и цель, которую оно перед собой ставит, далеко не всегда позволяют выделить его рациональную составляющую: этот дискурс вполне может носить синкретический характер и включать в себя как религиозную проповедь, так и идеологическую пропаганду. Особенно тесной является связь религиозного и философского дискурса (с учетом того, что большая часть учений в истории носила религиозно-философский характер), стратегическая цель которых является, по сути, общей, а различимы они могут быть только на уровне используемых стратегем. Собственно-философский характер учению придает его апелляция к разуму человека, за что и отвечают используемые при этом *стратегемы разума*: рефлексивные вопросы, апории, парадоксы, иронические уловки и даже хитрости, которые вовлекают в разговор и понуждают думать, а также риторические приемы – это в основном метафоры, образно проясняющие смысл сказанного. Религиозное учение или идеологическая пропаганда могут иметь ту же стратегическую цель – перестроить сознание человека в нужном порядке, но их отличие состоит в том, какие диалектические и риторические приемы при этом используются. Вот почему стратегичность, а не стратегичность определяют лицо философского учения: в самих средствах достижения цели сокрыт действительный смысл стратегического действия. Цель познания может быть одной и той же, научным его делает только использование особых средств – доказательных аргументов. Нам представляется, что акцент на *стратегичности* философских учений позволяет лучше понять сами коммуникативные стратегии. Стратегема разума более ясно указывает на обучающий характер философских учений, их ориентацию на опыт, нежели их общая стратегия. Только в свете стратегичности (приемов, которые использует разум) мы можем заметить приоритет задачи обучения разумности над целью познания, а сама исключительная познавательная задача философии ясно вырисовывается в качестве критической аналитики опыта.

³ Сам собой к XX в. сложился профессиональный консенсус, хорошо выраженный «формулой» Л. Витгенштейна: «Философия не является одной из наук. Цель философии – логическое прояснение мыслей» [4, с. 24].

Философское искусство задавать вопросы и вести спор

Платоновский Сократ говорит об искусстве диалектики как умении задавать вопросы и отвечать на них⁴. С ответами в диалогах Платона не совсем ясно, но, что касается вопросов, то умение их задавать – исключительная способность его гения. Это великое искусство понимать свое и чужое незнание, только осмыслив которое и можно двигаться к Истине. Философский вопрос раскрывает наше незнание, что и позволяет подступиться к Алетеи (раскрыть истинно сущее, явить подлинное). Философский вопрос раскрывает наши *перво-бытные* представления или мнения в их недостоверности, т.е. не столько как форму знания (которым хотя бы отчасти являются «мнения»), но именно как форму незнания. Вот почему философия и может быть названа, по выражению Николая Кузанского, «ученым незнанием» (*docta ignorantia*).

Не менее значимая и развитая восточная традиция спрашивания имеет свою яркую коммуникативную специфику: она в значительно большей степени ориентирована на *не-до-умение* того, кто спрашивает. Если в платоновском диалоге тон задает *майевтик* (Сократ), то в восточной (буддийской и конфуцианской) традиции вопрос обычно задает ученик, а Учитель в своем ответе всегда учитывает характер его незнания и потому, случается, на один и тот же вопрос может дать противоположные ответы. Вопрос по своей сути диалогичен, и эту суть восточная мудрость доносит до нас более ясно.

Стоит ли концептуализировать это искусство задавать вопросы (и для этого – предложить ему специальное именование)? Сказать, что это просто такой *прием* (а именно так при исследовании *Corpus Platonicum* принято называть те искусные методы, которые использует Платон, чтобы вовлечь собеседников Сократа в спор о существовании дела), значит растворить то дело, которым занят философ, в обыденности разговоров, которые ведут между собой люди. Собственно, с целью такой концентрации смысла умения задавать вопросы мы и предлагаем отнести искусство вопрошания⁵ к *стратегии* философского учения, а сам способ постановки

философского вопроса именовать *стратегемой разума*. В этом ключе мы проблематизируем типичный для данного времени способ постановки вопросов. Какой была и как менялась с течением времени самая характерная для данной эпохи форма вопроса? Мы предлагаем в логике коммуникативной рациональности (и ее приоритета над рациональностью когнитивно-инструментальной) обратить внимание и на саму форму вопросительного слова и предложения, и на то, кто и кому задает вопрос.

Начнем с нашего базового различения. Философское учение противостоит мифологическому преданию, религиозной и моральной проповеди, идеологической пропаганде, поскольку оно апеллирует к «уму-разуму», помогает и понуждает мыслить. Специфически заданный вопрос – вопрос, обращенный к рефлексивному умозрению, – есть та первичная форма, в которой разворачивается философский дискурс. Мы узнаем такой дискурс по характеру поставленного вопроса. Пусть не покажется странным, если сначала философское вопрошание растворено в мифологическом предании или моральной проповеди. Использование вопросительных предложений, рефлексивно имеющих в виду умозрительные сущности, – первое, что позволяет нам квалифицировать данный дискурс как философский. Второй признак состоит в том, что философски поставленный вопрос подразумевает, что за ним скрывается проблема (*πρόβλημα*) – некое умственное затруднение, перед которым стоит человек как разумное существо. Если проблема допускает решение, то только после размышления над ней.

Встречные вопросы типичны для философского диалога. Особую остроту такие вопросы приобретают в искусстве философского спора⁶. Более сложным вариантом постановки проблемы является парадокс, первичная задача которого – в дискурсивном виде столкнуть опыт чувственно-данного и фиксированного во мнении (*δόξα*) с разумом. Парадокс предполагает, что мыслимое должно стать критерием видимого. Как известно, стрела все же летит, а Ахиллес догонит черепаху, но как движение выразить в

⁴ Стоит отметить, что Платон и о самой философии чаще говорит как об искусстве, в то время как Аристотель начинает понимать ее больше как науку.

⁵ Понимание философии как вопрошания демонстрирует во всех своих работах М. Хайдеггер.

⁶ Здесь нужно отметить выдающийся вклад средневековой схоластики, которая это искусство отточила до совершенства, предложив особые приемы проблематизации. К самым главным можно отнести рефлексивное различение аргументов «за» и «против» (Ср.: «Да и нет» Абеяра) и прием дистинкции обозначенной проблемы (Иоанн Скот).

логике понятий? Уже в зрелом, эмансипированном состоянии разум может сформулировать свои собственные апории, дистинкции и антиномии. Вопрос – парадокс – апория – дистинкция – антиномия – в такой последовательности можно представить шаги эмансипированного разума⁷.

В том, как Философ ставит свои вопросы (прежде всего, свой главный вопрос), – вся его философия. Нам представляется, что в том, как и о чем задается этот главный вопрос, кто и кому его задает, можно найти концентрированное выражение философского духа эпохи. При этом обнаруживается определенная логика (мы предлагаем это в качестве гипотезы) в исторической последовательности постановки вопросов. Поскольку философская мысль развивается, только принимая во внимание и опираясь на иную, сказанную ранее мысль (представляя в этом отношении историю духа – *Geistesgeschichte*) [12], то каждый последующий способ вопрошания становится рамочным для предыдущего, включая его в себя или дополняя. Так, в истории европейской философии можно выделить (в первом приближении) несколько доминирующих способов задавания вопросов.

Краткий экскурс в историю философского вопрошания

Античное начало философии задано вопросом, «который издревле ставился и ныне и постоянно ставится и доставляет затруднения, – вопрос о том, что такое сущее?» [1, с. 188]⁸. В своей простоте и универсальности этот вопрос о том, *что это есть?* Однако подразумевает он многое и очень непростое. Сама

⁷ Мы не находим в философском словаре отчетливого различия между этими концептами. Ничто не мешает использовать один вместо другого. Мы считаем возможным несколько иначе провести различие между парадоксами, апориями и антиномиями. Апории Зенона против движения – классический пример апорийного мышления, которое с полной ясностью для самого себя противопоставляет чувственную достоверность умозрительной логике. Антиномии разума, согласно Канту, уже не связаны прямо с эмпирическим опытом, но фиксируют неразрешимое противоречие в самом разуме.

⁸ «Если мы уловили ход подобного вопрошания, то и сами, может быть, осмелимся спросить: а что такое “что”? не скрыта ли в самой форме вашего вопроса – Что такое? – определенная форма возможных ответов на него?» [2, с. 47].

форма вопроса предполагает различие между чувственной данностью сущего и тем, что оно поистине есть. В этом вопросе содержится специфическое для греков понимание Истины, определившее последующий характер всей европейской теоретической науки как познающего стремления раскрыть сущность сущего за скрывающим его явлением⁹. Вопрос о сущности (*чтойности*) сущего навсегда остается в философском вопрошании, но он смещается с центральной позиции или же дополняется, теснимый другими.

Христианская эпоха выдвигает на первое место лично-ориентированный вопрос о «кто», спрашивая: *кто ты есть?* Это вопрос о личности, вопрошающей о том, что и почему есть, типично обращенный к Творцу. Нельзя сказать, что такого вопроса не было в античные времена, однако он находился на периферии философской проблематики, поскольку, по большому счету, человек мыслился лишь как особое сущее среди других сущих. Выйти на передний план он смог только в перспективе персонализированного Бога, лицом к лицу с которым становится возможной твоя собственная личность (*чтойность*). Вне этой личной связи человек может полагать себя если и не вещью среди других вещей, то единицей некой людской массы (*Das Man*).

Спор того времени между номинализмом и реализмом только заострил античное различие ноуменального и феноменального миров, введя это различие внутрь самого мышления.

В споре рационализма и сенсуализма концентрируется философский дух эпохи Нового времени. Это была эпоха научной революции – знания, осознавшего свою теоретическую и практическую мощь. С характерным для всей эпохи методологизмом спор Декарта и Гоббса, Лейбница и Локка концентрируется вокруг вопроса: *откуда мы это знаем?* как мы получили или можем получить это знание?

Рельефное различие собственно философского вопроса и тех, которые мы обычно задаем друг другу, наверное, можно отнести к заслугам Канта и в этом смысле понять суть той «коперниканской революции», которую он совершил в философии. Своей аналитикой чистого разума он смог отчетливо отграничить саму форму философского вопроса от всегда сопутствующего ему предметно-практического. Вопрос задается

⁹ Продуктом такого понимания Истины стало математизированное естествознание Нового времени.

Кантом не о сущем, «над которым издревле мучилась философия», и даже не столько об условиях его познания, но об условиях его мыслимости! Этим вопросом мышление (чистый разум) особым образом вписывается в бытие: ибо условия возможности сущего те же самые, что и условия его мыслимости. Мыслимо – значит возможно! При этом создается впечатление, что сам Кант не осознает революционности своего способа постановки философского вопроса (и усматривает эту революционность в другом), а потому вопрос о человеке ставит в обычной форме: «что есть человек?»¹⁰

Лишь экзистенциализм XX в. смог развернуть потенциал вопроса об условиях возможности сущего, заменив форму вопроса о «что» и даже о «кто» вопросом «как». Теперь вопрос о человеке, о его месте в Мире, состоит не в том, *что* есть человек, и не в том, *кто* есть я сам, но в том, *как это* – быть человеком. Как возможно, что человек может быть добр или зол, жить подлинно и неподлинно, говорить правду и лгать и т.д. Вопрос о сущности совсем отходит на второй план и замещается существованием. В случае человека, как провозглашает Сартр, сущность идет после существования.

В рамках этой стратегии экзистенциализированного мышления, благодаря М. Хайдеггеру, открылось столь же простое, сколь и удивительное обстоятельство: у основного онтологического вопроса («что есть сущее как сущее?») имеется фундаментальная предпосылка – есть такое сущее, которое заботит вопрос о бытии. Исключительность человеческого бытия состоит в озабоченности своим бытием, что и получает выражение в способности задавать философские вопросы. Человек задает вопросы потому, что он переживает или осознает свое непонимание. Философски поставленный вопрос – это понимание своего непонимания. Теперь «вечный» вопрос о сущем получает иную модальность: не «что это есть?», но «как мы понимаем, что это есть?». Круг замкнулся: способность к чистому вопрошанию установлена как исключительная человеческая способность и, следовательно, лишь в меру этой способности человек и заслуживает свое имя.

Следующий шаг в опыте рефлексивного мышления стал почти неизбежен: если для

Сартра сущность приходит второй, то для нас, людей конца XX в., сущность не приходит никогда (Ж.-Л. Нанси). Так случилась, что человек вообще растворился в структурах своего бытия (Ж. Деррида) и произошла «смерть автора» (Р. Барт). Методология структурализма и постструктурализма, совершающая радикальный сдвиг от философии тождества к философии различия, делает все более распространенным особую форму децентрированного и обезличенного вопроса «как случилось, что ...?». Таков характерный способ вопрошания для всей философии постмодерна. Этот вопрос проблематизирует прежнюю его постановку: если экзистенциализм спрашивает, как и почему мы понимаем, что это есть, то теперь и у этого вопроса появляется новая, довольно странная онтологическая предпосылка: как случилось, что мы понимаем это именно так, а не иначе?¹¹

Следует отдать должное аналитической и постаналитической философии, которой удалось вынести на передний план очень ясный вопрос, во многом и определивший влияние этого течения на стилистику всей современной философии. Согласно канонической формуле Витгенштейна, аналитик видит свою философскую задачу в логическом прояснении мыслей, задавая вопрос: «Что вы, собственно, имеете в виду, говоря, что ... ?». В формулировке Т. Нагеля, автора самого краткого и одного из самых популярных введений в философию, этот вопрос звучит так: «What does it all mean?»

В общем и целом, представляется, что для философского вопроса как стратегемы разума значимо не только то, о чем спрашивается, но и как. К формальной стороне вопроса относится его модальность, кто спрашивает, кого спрашивают (учитель или ученик, один философ – другого), этика дискурса и другие аспекты коммуникативной рациональности, которой сущностно принадлежит философское учение.

Диалогический (и он же вопрошающий) философский дискурс имеет две отчетливые разновидности: разговор Учителя с учениками или Знающего с незнающими и разговор условно равных, спор философских школ и учений. Трудно сказать, какая разновидность лучше поясняет главный и типичный вопрос, но во вся-

¹⁰ М. Бубер правильно замечает, что поставив этот вопрос Кант «не осмелился» дать на него ответ», хотя он предполагается формой чистого философского вопроса [3].

¹¹ «Новые онтологии» релевантны «эпохе виртуальной и дополненной реальности», духу которой наиболее соответствует «философия имманентности» Ж. Делеза.

ком случае спор ближе находится к существу дела философии. Такого рода «вечным» спором является сама история философской мысли. Этот спор, может быть, не является «любящим», но он, безусловно, обязан быть «спором самого существа дела».

От вопрошания к проблематизации

Уже в современной философии (в ситуации, когда философия, по сути, отделила себя от позитивной науки) искусство задавать вопросы приобрело форму особой методологии (мы говорим – стратегии) – превратилось в искусство проблематизации. В философии постмодернизма (в основном благодаря М. Фуко и Ж.-Ф. Лиотару) проблематизация стала особым принципом рефлексивного осмысления и рационализации жизненных практик. Проблематизации подвергаются привычные или традиционные формы жизненного опыта и социальных технологий, которые перестали соответствовать ритму современной жизни.

В другом варианте проблематизация приняла на себя роль важнейшей стратегии отечественной методологической школы¹², которая на деятельностных основаниях попыталась переосмыслить социальные (прежде всего – профессиональные) практики. Именно в этом варианте постановка проблем стала выраженной коммуникативной стратегией коллективного мышления.

Трудно оценить значение этого фактора, но мы полагаем, что представление проблематизации как методологии (по образцу позитивной науки) само является препятствием для утверждения философии как особой коммуникативной практики, стратегически ориентированной на достижение согласия в определенном или бесконечном сообществе мыслящих.

Коммуникативные стратегии вовлечения Другого в философский «разговор о существе дела»

Мы предлагаем рассматривать философские учения с позиции того, чему и как они учат, акцентируя внимание на «уловках разума», вовлекающих Другого в спор или разговор о существе философского дела. В этом ключе философия

предстает как особого рода коммуникативная стратегия разума. Выше было отмечено, что исходной и главной уловкой, понуждающей человека мыслить, является рефлексивно поставленный вопрос – такой, который ставит под вопрос и самого спрашивающего. Следует ожидать, что характер коммуникативной стратегии будет сильно зависеть от того, кто и кого вовлекает в спор или разговор.

Философская мысль немислима, если она не опирается на предшествующую ей мысль. Так или иначе, явно или неявно, философствующий вовлекает в свое размышление мысль Другого, но может делать это по-разному, т.е. использовать разные коммуникативные стратегии. Способ вовлечения, как и характер постановки вопросов, исторически менялся. Платон иначе вовлекает Парменида в свой диалог, нежели Аристотель, который вполне академически приводит «точки зрения» на обсуждаемый вопрос. Даже отсутствие в произведении явных ссылок на Другого не может помешать грамотному читателю увидеть, на кого опирается его автор, к какой школе принадлежит, какую идею исповедует. История философии – это трансфер мысли от одного поколения мыслящих к другому. Ее центральной темой является рассказ о том, как происходит расширение и обогащение смысла того, о чем свидетельствует мысль.

Здесь мы хотим привлечь внимание к той коммуникативной стратегии обращения к истории философии, которая стала доминирующей в XX в., можно сказать, превратилась в ее стиль¹³. Речь идет о философских произведениях с характерным именованьем: «Парменид», «Гераклит», «Лейбниц», «Кант» и пр. Библиография таких работ, написанных значимыми мыслителями современности, необозрима. Почему-то каждый крупный мыслитель современности считает важным для себя вступить в прямой разговор с мыслителем прошлого, непосредственно вовлекая его мысль в свое философское размышление.

Что подразумевает Гуссерль, давая название «Картезианские размышления» своей известной работе? Что делает мыслитель масштаба М. Хайдеггера, М. Шелера, Ж. Делеза, А. Бадью и др., когда пишет работу, названную

¹² Это движение возникло в конце 1950-х гг. в виде Московского методологического кружка во главе с Г.П. Щедровицким. Сам кружок прекратил существование в 1980-х гг., но как методологическое направление сохраняет свое влияние до сих пор.

¹³ Философский стиль мы предлагаем понимать как формальную сторону коммуникативной стратегии разума. Примером здесь может служить Ницше, который считал своей заслугой «рождение великого стиля».

личным именем другого мыслителя? Причина популярности этого жанра, который можно назвать определяющим стилем философии XX в., требует разгадки. Почему современная философия фактически перестала работать в стилистике создания систематических учений (по образцу Канта или Гегеля), но предпочитает строить свои размышления, выбирая в качестве собеседника фигуру другого мыслителя?

Возьмем в качестве примера произведение А. Бадью «Бытие и событие». С одной стороны, это в высшей степени систематическая работа, но с точки зрения стиля она создана как разговор, вовлекающий многих философов, ученых и поэтов, имена которых выведены в заглавия разделов (всего около тридцати имен).

В такого рода обращении к мысли (философии) Другого мы прежде всего видим перевод с одного философского языка на другой, попытку представить идеи и концепты того мыслителя в понятиях своего собственного учения. При всем риске выдать мысль Другого за свою (или приписать свою Другому) такого рода перевод – главное, что обеспечивает развитие философской мысли. Осовременивание – необходимый момент истории философской мысли на всем ее протяжении¹⁴. Но если в прежние эпохи оно носило не прямой и неявный характер, то в философии XX в. эта процедура стала использоваться оригинальными мыслителями открыто и откровенно.

Для контраста вспомним, как выглядит типичная академическая работа, написанная на историко-философскую тему. Она выглядит как особый тип интерпретации текста оригинального мыслителя, когда отдельный сюжет, понятие или концепт подвергается специальному рефлексивному прояснению, как бы высвечиванию его значения в контексте других понятий и концептов, присущих системе взглядов автора.

Нас, однако, больше интересуют причины рождения сравнительно новой коммуникативной стратегии или стиля философствования, когда для выражения собственной философской позиции используется мысль Другого. Такое использование вовсе не выглядит как ссылка на авторитет, как указание на источник собственной позиции или как дань уважения.

В этой связи мы можем оценить проницательность лакановского психоанализа, в ко-

тором язык обозначается в качестве большого Другого, а фактический собеседник – только в виде маленького. Наличие инстанции Другого в процессе мышления мы бы считали доказанным «медицинским» фактом, а всякую патологию умственных способностей связали бы с деформацией или разрушением этой инстанции.

Философия как опыт критической рефлексии обеспечивает полномасштабность мышления тем, что осмысленно выводит инстанцию Другого вовне, объективирует ее и тем самым обеспечивает ее внешний контроль над собственной мыслью.

Представляется, что особенность новой коммуникативной стратегии и соответствующего ей стиля следует искать в той трансформации, которую претерпела философия в XX в. Гадамер обозначает эту новую ситуацию как трансформацию философии на путеводной нити языка [6], а Апель добавляет, что признание решающей роли языка образует едва ли не единственный консенсус между всеми ведущими направлениями современной философии. Мы полагаем, что суть трансформации лежит глубже: лингвистический поворот – это только выражение более веского основания. Современная философия глубинно конституирована сменой основной парадигмы философского мышления. Сформировавшаяся к концу XVI в. и господствовавшая до конца XIX в. субъект-объектная парадигма (именуемая также «эпохой картезианского субъекта») в XX в. была замещена субъект-субъектной. В основания философии нового мышления вошли идеи интерсубъективности и жизненного мира (Э. Гуссерль), диалогизма (М. Бубер, М. Бахтин), инстанции Другого (Ж. Лакан, Э. Левинас).

Современная стилистика вовлечения в разговор мыслителя прошлых эпох обнаруживает связь еще с одним философским новшеством, которым является мысленный эксперимент как эксперимент над самой мыслью. Насколько можно судить, до XX в. мыслители не использовали эту стратегию в явном виде, хотя фактически любое философское учение, в свете историчности мысли, есть не что иное, как такого рода *experimentum crucis* (критический эксперимент). В таком мысленном эксперименте используется предельное допущение, которое позволяет выявить (феноменологически обнаружить) скрытую зависимость элементов опыта. В случае истории мысли этим допущением становится введение в порядок мысли

¹⁴ Рорти считает осовременивание признаком рациональной реконструкции как одного из жанров историографии философии [12].

Другого такого понятия (концепта), которого в то время еще не было «изобретено»¹⁵. Тогда и возникают достаточно рискованные вопросы. Например, как бы мыслил Кант, если бы знал о решающей роли языка в формировании опыта? Как изменилось бы представление Лейбница о бессознательном, если бы ему были доступны открытия психоанализа? Что бы сказал Гегель об экспериментальной проверке его диалектики на опыте революций?

Такого рода историко-философский эксперимент и ставится в прямом диалоге современного философа с мыслителем прошлого. Вовлечение мысли Другого в свою философию действительно выглядит как уловка: уловка, затягивающая один порядок дискурса в сеть другого.

Что значит для философии быть исторической наукой?

Выше была сделана декларация: «Философская мысль немислима, если она не опирается на предшествующую ей мысль». Это и обуславливает ее приверженность собственной истории как истории мысли. Как таковая философия принадлежит к разряду наук о духе (*Geisteswissenschaften*) и является собственно «историей философии» (*Geistesgeschichte*) по типологии жанров Р. Рорти.

Рорти отмечает, что в противоположность рациональной и исторической реконструкции, «в *Geistesgeschichte* основное внимание уделяется специфике проблематики и ее генеалогии (почему такой-то философ рассматривает такую-то проблему как фундаментальную? как сложилось, что некоторый вопрос (тот, а не другой) приобрел особый интерес для философов? почему одна тема считается важной и серьезной, другая нет?), а не вопрошанию того, в какой степени ответы или решения великого философа-предшественника согласуются с решениями современных философов» [12, с. 186].

Впрочем, нельзя не заметить, что история философии как жанр (т.е. как попытка выстроить историю мысли в какой-то логической последовательности) находится в серьезном кризисе. Связано это с тем, что грамотный философ (достаточно ориентирующийся в истории философских учений) не может не видеть произвольности попыток выстроить философские учения

в определенной логике¹⁶. Причина, по которой историю философской мысли нельзя выстроить в определенном логическом порядке (что всегда возможно для истории конкретной науки), состоит в том, что философ, обращаясь к истории философии, свободен в выборе того, кого он вовлекает с собой в разговор. Мы можем свободно вступить в разговор с Платоном или любым другим философом, минуя все то, что было сказано после них, в своем выборе руководствуясь тем, что именно с данным мыслителем мы находимся в отношении большей конгениальности. Заостряя проблему, рискнем спросить: а возможна ли вообще *Geistesgeschichte* (история духа) как *Geisteswissenschaften* (наука о духе)?

Именно такой отказ от истории мы находим в программной «Археологии знания» М. Фуко. Одним из принципиальных положений этой программы является утверждение о радикальной прерывности в развитии знания, представление о дискурсивных формациях как синхронно связанных ансамблях высказываний, причем самого разного толка – в ущерб какой бы то ни было диахронии и исторической закономерности смены одной дискурсивной формации другой [21].

Проблема остается. Едва ли можно, будучи в ясном уме и твердой памяти, отрицать сам факт преемственности и последовательности в истории философской мысли (особенно учитывая ее зависимость от прогрессирующего состояния научного знания). Не случайно, что и сам Фуко был вынужден позже сменить акценты своей программы, заменив «археологию» на «генеалогию».

Возможно, логика развития философской мысли обнаружится более ясно, если мы будем рассматривать философию не столько как систему знания, сколько как особую коммуникативную стратегию. В случае с историей духа прошлое оставляет свой след в настоящем иначе, чем это происходит в естественной истории.

Почему стратегия и стратегемность, а не методология и не метод?

Что мы имеем в виду, когда вместо «методология исследования» говорим «исследовательская стратегия»? Почему характерный для всей

¹⁵ Согласимся с Ж. Делезом и Ф. Гваттари, что история философии есть (помимо прочего) «творчество концептов» [8].

¹⁶ В этом ключе уничижающей критике подвергается историко-философская концепция Гегеля. А Р. Рорти даже отказывается рассматривать этот жанр, именуемый им «доксографией», как заслуживающий внимания.

философии диалогизм трудно обозначить в качестве «диалогического метода»? Что, наконец, понуждает современную позитивную науку открыто выступить против диктата метода и методологии в познавательной деятельности? [15; 23]

До некоторых пор идея научного метода, тематизированная гением Декарта и предельно возвышенная Гегелем, назвавшем метод «душой науки», справлялась с той дополнительной смысловой нагрузкой, которую вносил в метод сама научная практика, становившаяся все более коммуникативной. Дело состоит именно в этом: научный метод по сути своей является инструментальным предприятием, которое предельно объективирует процесс познания, тогда как стратегия всегда акцентирует кооперативный, коммуникативный и интересубъективный характер целеполагающей деятельности. Идея метода соответствует субъект-объектной парадигме философского мышления, коррелятивна картезианскому субъекту, но мало соответствует принципам гуссерлианской интересубъективности. Не будет большим преувеличением сказать, что смена субъект-объектной парадигмы на субъект-субъектную начала определять облик философии с самого начала XX в. Различию предметно-ориентированной, инструментальной, интенциональной направленности метода и междисциплинарности, интересубъективности, согласованию смыслов, коммуникативности научных исследований лишь до некоторых пор можно не придавать особого значения: пока инструментальная логика действия не становится препятствием кооперативному успеху самого дела познания. Европейская наука Нового времени, предельно возвысив роль метода в познании, достигла впечатляющих успехов в объективации того мира, в котором человек живет, превратив мир в «картину мира» [17], и сегодня пожинает все риски такого представления о сущем.

Осмысленное начало размежеванию инструментальной и коммуникативной рациональности было положено основателями критической теории Франкфуртской школы – М. Хоркхаймером и Т. Адорно [19; 20], негативная диалектика которых, можно сказать, получила свое позитивное разрешение в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса [22]. Согласно последней, любое действие, поскольку оно включено в контекст совместной деятельности (а других действий и не бывает), требует согласования смыслов, и это согласование имеет особую логи-

ку в отличие от того, что от нас требует предмет познавательной и практической деятельности. С предметами мы действуем инструментально, а с другими людьми – коммуникативно. Трудно найти другое такое же совместное действие, как процесс учения, которое отдавало бы требованию коммуникативности действия приоритет перед его инструментальностью.

Что касается позиции самого Хабермаса, то он выделяет стратегическое действие в особый тип наряду с коммуникативным и инструментальным. Действие является инструментальным, поскольку его субъект имеет дело (или полагает, что имеет дело) с объектом. Таковым, по сути, является всякое субъект-объектное взаимодействие.

Действие является стратегическим, поскольку оно предполагает установление общего порядка совместной жизни людей в рамках той или иной общности. Действие является коммуникативным, поскольку его целью является достижение согласия (взаимопонимания) между людьми. Таково, собственно, субъект-субъектное отношение.

При всей понятности данного аналитического различения можно заметить, что стратегическое действие не имеет здесь собственной субстанции (не является субстанциальным отношением в терминологии Гегеля). Искомая нормативность может быть направлена как на познавательную и техническую деятельность, так и на нормирование коммуникаций. Предлагаемая Хабермасом этика дискурса как раз и является такой попыткой нормировать коммуникацию тех же ученых в их научно-технической, инструментальной деятельности. В силу сказанного, мы предлагаем рассматривать стратегичность как подтип коммуникативного действия. Безусловно, не всякая коммуникация имеет нормирующий характер и проходит в режиме фонового согласия, но процесс учения не может быть осуществлен в таком режиме: он требует стратегического нормирования. Хабермас фактически приходит к такому решению в своем ключевом понятии «коммуникативный разум» («коммуникативная рациональность»).

Стратегия коммуникативной рациональности, которой следует и философское учение, состоит в согласовании рефлексивного опыта мыслящих или, в соответствии с теорией Хабермаса, представляет собой процедуру достижения согласия в бесконечном коммуникативном сообществе. Поскольку философия является

рациональным учением, она осмысленно стремится к своей стратегической цели: пробудить мысль о бытии, о «мире в целом» и причем так, чтобы сам мыслящий был установлен как присутствующий в нем.

Чтобы категориально подчеркнуть различие инструментальной и коммуникативной логик, как раз и следует диалектически противопоставить стратегию методологии. Если нам важно подчеркнуть предметную направленность исследования, то лучше говорить о подходе, методологии, методе и методике; если же цель и успех дела определяется кооперацией, то в этом случае более уместно передавать суть ситуации выражением «исследовательская стратегия».

Примечательная черта современной технонауки¹⁷ (таких ее направлений, как когнитивные, информационные, компьютерные науки и др., которые связаны между собой не предметом, но именно способом обращения с предметами самого разного толка) состоит в появлении т.н. методологических стратегий, т.е. чего-то промежуточного между классическим инструментализмом научно-технического знания и социальными стратегиями коллективных действий. Конечно же, никто не может запретить использовать идею метода для характеристики стратегического действия: мы это и наблюдаем, но только это лишает строгости сам метод. Особенно важно учитывать это в гуманитарных и социальных исследованиях, предметом которых всегда являются те или иные формы кооперативных действий. В конечном итоге исследователь сам выбирает, какой концепт использовать для определения своего познавательного-коммуникативного действия (метод или стратегия), и этот выбор будет зависеть от того, насколько самому исследователю важно подчеркнуть, что люди – это не вещи (что с ними не стоит обращаться как с неодушевленными предметами). Тем не менее, это не всегда бывает важно: так, с естественнонаучной точки зрения, различие людей и вещей не существенно. Совершенно иначе обстоят дела в сфере социально-гуманитарного познания. Показательно, что в этой области знания критика возможностей метода уже получила свое классическое обоснование в труде Г.-Г. Гадамера «Истина и метод» [6]. Основную мысль произведения можно сформулировать следующим образом: если перед познанием стоит

задача понять сущее в целостности его бытия, во всем его смысловом горизонте, то именно характер самого метода, его направленность на определенные свойства целого, становится препятствием на пути познания полноты Истины.

У философии же в отличие от позитивных наук есть особо веские основания, чтобы считать себя в первую очередь коммуникативной практикой и в последнюю – системой позитивного знания о чем-то. Просто потому, что у философии нет предмета, к которому нужен какой-то особый подход. Чтобы познать самого себя, согласно великому завету и общей феноменологической установке, нужен не метод, но внимательность рефлексивного умозрения.

В защиту «вечных» философских вопросов

Философия учит: учит с большей или меньшей откровенностью, иногда обманывая себя тем, что она этот мир просто познает. Даже в тех случаях, когда цель познания «внешне» выводится на первый план (как это ярко демонстрирует классическая греческая философия в своем стремлении к Истине), глубинно эта цель опирается на просветительский (как таковой – моральный) постулат, что без знания того, что есть, например, справедливость и добродетель, человек не может быть истинно справедливым и добродетельным¹⁸.

Как учение философия отвечает на те жизненные вопросы (вопросы жизни и смерти), которые возникают в данное время и в данной культуре. На вопрос «Чему учит это философское учение?» невозможно вразумительно ответить, не учитывая характер того *не-до-умения*, в котором пребывает родовой человек своего времени.

Философия как учение откровенно формулирует свои сентенции в модальности должного. Никто не скажет, что категорический императив Канта характеризует фактическое положение дел, и из того, что разум определяет нормативность рассудка, не следует, что рассудок не сопротивляется давлению разума. Задача учения в том и состоит, чтобы идеальное сделать реальным или помыслить как таковое. И уость многих интерпретаций философских учений возникает от того, что сентенции о должном воспринимаются как суждения о сущем. Не все

¹⁷ Technoscience – так обозначается современное состояние «науки в действии», во многом благодаря Б. Латуру [11].

¹⁸ Возможно, недостаточное понимание этого порядка следования и заводило в тупик все просветительские проекты, как Античности, так и Нового времени.

философы, подобно Канту, в явном виде понятийно формулировали ключевые вопросы, но зачастую лишь предполагали их в своих решениях. Поэтому определение стратегии учения сводится к известной в герменевтике задаче: реконструировать те вопросы, которые стоят за представленными ответами [9], а также установить, какую значимость автор придает каждому из них. Здесь мы встаем перед проблемой т.н. «вечных вопросов».

Контекстуализм, признанная методология интерпретации текстов в современной историографии философий, в целом отрицательно относится к любому внеисторическому пониманию смысла того или иного философского произведения и поставленных в нем вопросов. Так, К. Скиннер и Р. Рорти высказывают явное скептическое и ироническое отношение ко всякого рода «вечным вопросам» [14]. Рорти присоединяется к Г. Райлу, считая, что таким образом историк философии (как доксограф) «оболванивает» великих философов [12]. Однако в данном случае контекстуалисты путают постановку вопроса с проблемой, которая за ней стоит, с ее вопросительной формулировкой. Такая формулировка действительно исторически меняется и меняется в зависимости от того значения, которое придает данной проблеме время или культура. Когда Кант спрашивает «Что я должен делать?», он, по сути, имеет в виду вечную проблему, перед которой всегда стоял и стоит родовой человек, но формулирует ее в такой обостренной форме, которую до него мы в истории философских учений не встречаем. За такой формулой вопроса стоит эпохальное изменение: человек получил право задать этот вопрос от себя. Однако сама проблема – вечная. Так, завет «познай самого себя» имеет в виду ту же самую проблему («Что мы должны делать?»), но прямо не формулирует сам вопрос¹⁹. Собственно, этот вопрос (с вариацией того, кого он касается) – «Что мы/я/ты/все должны делать?» – и есть центральный стратегический вопрос философского учения.

Рорти, Скиннер, до них – Коллингвуд, отрицая вечный характер философских вопросов, правы в той мере, в какой вызовы, перед которыми стоит родовой человек, имеют разное значение в составе жизненного опыта, а это

происходит во многом потому, что сам опыт имеет свойство накапливаться. Мы уже не можем таким же образом отвечать на вызов природы или своего естества, как это мыслили и делали греки, и не только потому, что живем в других природных условиях, но и потому, что накопили технический опыт извлечения вещества и энергии из запасов природы [18]. И так по всем пунктам.

В защиту «вечных вопросов» философии можно выдвинуть еще одно чисто профессиональное соображение. Квалифицированный философ (а это тот, кто знает историю философии) не может воспринимать конкретное учение само по себе, исходя из текста как такового. Он обязан учитывать, как проблема, которую решает в данном тексте мыслитель, решалась другими в истории философии. Только тогда проясняется ее вечный смысл. Уже сам факт нашего обращения к мысли Платона о справедливости есть свидетельство того, что это вечный вопрос человеческого общежития. Корректным является требование к историку философии, чтобы он предъявил свое понимание той вечной проблемы, которую он нашел и рассматривает у интересующего его мыслителя, и обязательно с учетом того, что в истории философии она могла решаться по-разному.

Заключение

Подводя итог, мы скажем: за бессмертием философских учений лежит своеобразная неразрешимость философских проблем. Именно поэтому то, как философ ставит свою проблему и формулирует вырастающие из нее апории, парадоксы и антиномии, сущностно характеризует его учение. Таким вопрошанием философ обращается к аудитории, способной узнать в этом учении свою проблему. Вот почему, согласно «невольному» признанию Гуссерля, философия есть личное дело философствующего и должна состояться как его собственная мудрость [7]. Помочь становлению этой мудрости и есть сверхзадача нашего академического дела – обучения самой философии через ее историю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 65–367.
2. Ахутин А.В. Дело философии // Ахутин А.В. Поворотные времена. СПб.: Наука, 2005. С. 22–87.

¹⁹ Впрочем, формулу вопроса можно найти в истории греческой философии. Согласно преданию, он был задан Фалесу: «Что самое трудное?» На него он ответил: «Познать самого себя!»

3. Бубер М. Проблема человека // Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 157–227.

4. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.

5. Гадамер Г.-Г. Диалектическая этика Платона (феноменологическая интерпретация «Филеба»). СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.

6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.

7. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. М.; Минск: АСТ; Харвест, 2000.

8. Делез Ж., Гваттари, Ф. Что такое философия? М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1998.

9. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980.

10. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

11. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

12. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра // Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М.: УРСС, 2001. С. 182–200.

13. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 30–41.

14. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122.

15. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ; Хранитель, 2007.

16. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. М.: Весь Мир, 2022.

17. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 41–62.

18. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221–238.

19. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2011.

20. Хоркхаймер М., Адорно, Т.В. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997.

21. Шнайдер У.-Й., Автономова Н.С. Археология знания // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7117>

22. Habermas, J., 1981. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

23. Low, J., 2004. After method: mess in social science research. London: Routledge.

REFERENCES

1. Aristotle, 1976. Metafizika [Metaphysics]. In: Aristotle, 1976. Sochineniya: v 4-kh t. T. 1. Moskva: Mysl', pp. 65–376. (in Russ.)

2. Akhutin, A.V., 2005. Delo filosofii [The work of philosophy]. In: Akhutin, A.V., 2005. Povоротnye vremena. Sankt-Peterburg: Nauka, pp. 22–87. (Russ.)

3. Buber, M., 1995. Problema cheloveka [What is man?]. In: Buber, M., 1995. Dva obraza very. Moskva: Respublika, pp. 157–227. (in Russ.)

4. Wittgenstein, L., 1994. Filosofskie raboty. Ch. 1 [Philosophical works. Part 1]. Moskva: Gnozis. (in Russ.)

5. Gadamer, H.-G., 2000. Dialekticheskaya etika Platona (fenomenologicheskaya interpretatsiya «Fileba») [Plato's dialectical ethics: phenomenological interpretations relating to the Philebus]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. (in Russ.)

6. Gadamer, H.-G., 1988. Istina i metod: Osnovy filosofskoi germeneyvtiki [Truth and method]. Moskva: Progress. (in Russ.)

7. Husserl, E., 2000. Logicheskie issledovaniya. Kartezianskie razmyshleniya [Logical investigations. Cartesian meditations]. Moskva; Minsk: AST; Kharvest. (in Russ.)

8. Deleuze, G. and Gvattari, F., 1988. Chto takoe filosofiya? [What is philosophy?]. Moskva; Sankt-Peterburg: Institut eksperimental'noi sotsiologii; Aleteiya. (in Russ.)

9. Collingwood, R., 1980. Ideya istorii. Avtobiografiya [The idea of history. Autobiography]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

10. Collins, R., 2002. Sotsiologiya filosofii: Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya [The sociology of philosophies: a global theory of intellectual change]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. (in Russ.)

11. Latour, B., 2013. Nauka v deistvii: sleduya za uchyonymi i inzhenerami vnutri obshchestva [Science in action: how to follow scientists and engineers through society]. Sankt-Peterburg: Izd-

vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (in Russ.)

12. Rorty, R., 2001. Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra [The historiography of philosophy: four genres]. In: Dzhokhadze, I.D., 2001. Neopragmatizm Richarda Rorti. Moskva: URSS. (in Russ.)

13. Rorty, R., 2003. Ot religii cherez filosofiyu k literature: put' zapadnykh intellektualov [From religion through philosophy to literature: the way the Western intellectuals went], Voprosy filosofii, no. 3, pp. 30–41. (in Russ.)

14. Skinner, Q., 2018. Znachenie i ponimanie v istorii idej [Meaning and understanding in the history of ideas]. In: Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018, pp. 53–122. (in Russ.)

15. Feyerabend, P., 2007. Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoi teorii poznaniya [Against method: outline of an anarchistic theory of knowledge]. Moskva: AST; Khranitel'. (in Russ.)

16. Habermas, J., 2022. Teoriya kommunikativnoi deyatel'nosti [The theory of communicative action]. Moskva: Ves' mir. (in Russ.)

17. Heidegger, M., 1993. Vremya kartiny mira [The age of the world view]. In: Heidegger, M., 1993. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. Moskva: Respublika, pp. 41–62. (in Russ.)

18. Heidegger, M., 1993. Vopros o tekhnike [The question concerning technology]. In: Heidegger, M., 1993. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. Moskva: Respublika, pp. 221–238. (in Russ.)

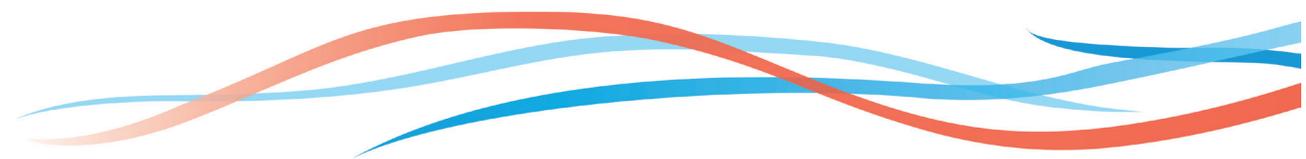
19. Horkheimer, M., 2011. Zatmenie razuma. K kritike instrumental'nogo razuma [Eclipse of reason]. Moskva: Kanon+; ROOI «Reabilitatsiya». (in Russ.)

20. Horkheimer, M. and Adorno, T., 1997. Dialektika Prosveshcheniya: Filosofskie fragmenty [Dialectic of Enlightenment: Philosophical fragments]. Moskva; Sankt-Peterburg: Medium; Yuventa. (in Russ.)

21. Schneider, U.J. and Avtonomova, N.S. Arkheologiya znaniya [Archeology of knowledge]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7117> (in Russ.)

22. Habermas, J., 1981. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main. (in German)

23. Low, J., 2004. After method: mess in social science research. London: Routledge.

ПОНИМАНИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ
КАК КЛЮЧЕВОЙ НАВЫК ЧЕЛОВЕКА ГОВОРЯЩЕГО

В статье анализируется способность людей к пониманию причинно-следственных связей и отмечается фундаментальная роль данного когнитивного навыка в овладении членораздельной речью. Автор подчеркивает взаимосвязь между орудийной деятельностью, разворачивающейся в определенном социальном контексте, энцефализацией в линии гоминид, развитием лобных долей головного мозга человека (в частности, префронтальных формаций коры) и совершенствованием концептуальной основы производства орудий труда. В совокупности отмеченные феномены связаны с увеличением емкости кратковременного компонента рабочей памяти, позволяющей человеку одновременно удерживать внимание на нескольких объектах и связях между ними, осуществлять рекурсивные действия, согласованно оперировать несколькими понятиями, генерируя рекурсивные предложения. Ввиду реализации перечисленных процессов у человека возникает способность понимать каузальные зависимости и умение выстраивать, анализировать и понимать предложения, состоящие из нескольких слов, а также создавать и понимать правила их построения.

Ключевые слова: язык, коммуникация, орудия труда, рекурсия, причинно-следственные связи, префронтальные формации, рабочая память, зеркальные нейроны

The ability to understand cause-and-effect relationships as a key skill of *Homo loquens*. EKATERINA S. BELYKH (Lomonosov Moscow State University)

The article analyzes human ability to understand cause-and-effect relationships and reveals the fundamental role of this cognitive skill in mastering articulate speech. The author highlights the relationship between tool activity carried out in a certain social context, encephalization in the hominid line, the development of frontal lobes of human brain (in particular, prefrontal cortex formations) and the improvement of the conceptual basis for the production of tools. These phenomena are associated with an increase in the capacity of the short-term component of working memory, which allows a person to keep attention on several objects and connections between them simultaneously, to carry out recursive actions, consistently operate with several concepts, generating recursive sentences. These processes make possible the emergence of human ability to understand causal dependencies and to build, analyze and understand sentences consisting of several words, as well as to create and understand the rules for their construction.

Keywords: language, communication, tools, recursion, causal relationships, prefrontal cortex, working memory, mirror neurons

* БЕЛЫХ Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры социальной философии и философии истории философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: belyhkaterina16@yandex.ru

© Белых Е.С., 2023

Введение

Объяснение способности человека к звучащей, членораздельной речи, к языку – это, безусловно, фундаментальная философская проблема, от потенциального решения которой во многом зависит то, что в конечном счете следует понимать под словом «человек». Способ жизнедеятельности людей без колебаний можно назвать языковым, так как практически любая человеческая активность сопровождается языковыми практиками. Изучая феномен *Homo sapiens*, исследователи различных областей гуманитарного и естественнонаучного знания неизбежно сталкиваются с проблемами глоттогенеза – процесса происхождения и развития языка как фундаментального свойства человеческого образа жизни. Так или иначе, язык – это одна из атрибутивных характеристик человека, определенным образом выделяющая его из царства живой природы. Способность к символически опосредованному поведению определяет вербально-понятийный характер мышления людей, позволяющего последним находиться в определенном, адаптивно-адаптирующем отношении с окружающим миром.

Один из ключевых блоков проблем, возникающих в связи с попытками постижения языковой природы человека, являются проблемы обнаружения основных анатомо-физиологических, когнитивных и этологических характеристик, обладая которыми люди оказываются в состоянии овладеть звучащим языком: возникает необходимость в определении того, какие предпосылки лежат в основе языковой компетенции человека. Разумеется, учеными различных специализаций выделяется весьма обширный перечень таких предпосылок (переход к прямохождению, опущение гортани и трансформация всего речевого аппарата, специфическое развитие мозга и формирование в нем речевых центров, в частности – зоны Брока и зоны Вернике, наличие зеркальных нейронов, коллективный образ жизни с высоким уровнем солидарности и развитые склонности к кооперации, способность понимать ментальное состояние другой особи и прогнозировать ее поведение, орудийное освоение окружающей среды и т.п.), однако, как представляется, отдельного исследовательского внимания заслуживает способность людей обнаруживать и понимать причинно-следственные связи, что обуславливает определенный, «эвристический» способ языкового бытия людей в мире.

В рамках данной работы основное внимание будет уделено пониманию причинно-следственных связей как когнитивному навыку человека. При этом необходимо заметить, что категории каузальности используются в связи с различными исследовательскими ориентирами: с одной стороны, как понятийные конструкции для постижения предельных оснований бытия, установления и описания законов и регулярностей, а с другой – для характеристики возможностей человеческого познания, которому присуще причинно-следственное виденье мира. Именно последний аспект будет находиться в центре исследовательского внимания в текущей работе, однако рассмотрен он будет не с сугубо философских позиций, а с точки зрения естественно протекающих, эволюционных процессов, ввиду которых способность человека обнаруживать и понимать причинно-следственные связи дает последнему ряд жизненно необходимых преимуществ, в том числе такое преимущество, как членораздельная речь. Даже при поверхностном, обыденном, не подкрепленном фактическими данными взгляде на специфику человеческой когнитивной ориентации в мире становится очевидным, что обнаружение и понимание причинно-следственных связей – это действительно прерогатива *Homo sapiens*, не доступная в полной мере ни одному другому представителю живой природы. Бытие человека знаменует пытливую заинтересованность последнего в постижении сущности явлений, и данный познавательный процесс с необходимостью предполагает каузальное рассмотрение действительности, где категории причины и следствия приобретают фундаментальное значение как в области научного, так и в сфере бытового, повседневного познания.

Орудийная деятельность:

новые возможности в познании мира

Следует заметить, что само понятие причинности зиждется на повседневном наблюдении людей за людьми в ходе деятельности, преимущественно орудийной, когда в результате воздействия одного предмета на другой последний претерпевает изменения. В дальнейшем же представление о причинно-следственной связи экстраполируется на явления неживой природы, а само понятие причинности постепенно становится центральной проблемой в различных областях философского знания: метафизике, философии науки, философии языка и теории

деятельности [9]. Таким образом, отдельное внимание в данном контексте следует уделить орудиям труда, ввиду овладения которыми человек научился обнаруживать в односложных, на первый взгляд, явлениях многокомпонентную структуру. К примеру, А.Н. Леонтьев акцентирует внимание на возможности посредством орудия преодолеть ограниченность телесных, кожно-мышечных ощущений человека и обозреть структурное многообразие материальных объектов, на которые направлена орудийная активность: воздействуя на предмет посредством орудия (или, иначе, посредством другого предмета), человек открывает для себя новые свойства этих предметов (например, твердость), познать которые вне орудийной деятельности было бы невозможно, ибо сенсорные возможности людей ограничены [12]. В схожем ключе Ф. Энгельс рассматривает фундаментальное значение орудий труда в совершенствовании как мозга человека, так и его органов чувств. В работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Ф. Энгельс, ориентируясь на закон роста, как его именовал Ч. Дарвин, рассматривает развитие человеческой руки, прямохождения, орудийного (трудового) приспособления к среде, языка, мозга и органов чувств как взаимосвязанные процессы. При этом, как отмечает Ф. Энгельс, «начинавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом вперед кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал *новые*, до того *неизвестные* свойства (курсив мой. – прим. авт.)» [22, с. 490].

Так, труд, по мнению Ф. Энгельса, сыграл фундаментальную роль в становлении человека. Освоив орудийную деятельность, человек оказался в состоянии пополнять и аккумулировать знания об окружающей среде, расширять кругозор, выходить за рамки конкретно-чувственного восприятия (собственно, тезис А.Н. Леонтьева о выходе познания за пределы порогов ощущений в результате использования орудий как посредников в рамках субъект-объектных отношений человека со средой созвучен данной идее).

В трудовые взаимоотношения, сплачивающие членов коллектива, вовлекалось все большее число индивидов, осознавалась польза совместной деятельности, в связи с чем появилась потребность в вербальной коммуникации, сопровождающей орудийную деятельность и

способствующей наиболее эффективному протеканию последней. Трудовая деятельность, высокая интенсивность интеракций между членами коллектива и членораздельная речь способствовали развитию мозга человека. «Развитие мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению оказывало обратное воздействие на труд и на язык, давая обоим все новые и новые толчки к дальнейшему развитию» [22, с. 491].

Представляется, что ввиду многообразия причин и с учетом действия различных факторов, имеющих место в процессах антропо-, социо – и глоттогенеза, сложно вычлнить какой-то единственный, автономный, доминантный мономеханизм, фундирующий возникновение языка и мышления. Так, например, российский лингвист С.А. Бурлак отмечает, что склонность людей во всем видеть структуру лежит в основе овладения ими грамматикой. Однако, как справедливо добавляет С.А. Бурлак, в силу того, что люди умеют говорить, сложно с точностью установить, является ли когнитивная склонность людей к поиску структуры причиной или следствием их языковой способности [4, с. 73]. Так или иначе, данный навык следует рассматривать в качестве адаптивного преимущества *Homo sapiens*: обнаружение в хаотичном мире закономерностей дает возможность упорядочивать этот мир и делать его более удобным для жизни. Более того, обнаружение и понимание каузальных связей имеет фундаментальное значение для выживания людей: знания о причинах событий помогают предсказывать последние, планировать индивидуальное и групповое поведение с учетом поставленных целей, определять и характеризовать различные состояния окружающей среды, наделяя их пространственно-временными характеристиками. И, как уже было отмечено, во многом именно в результате орудийного приспособления к среде у человека формируется данная когнитивная способность.

Данное утверждение нуждается в дополнительном обосновании. Представляется, что орудия труда не только позволяют людям выйти за пределы своих сенсорных возможностей, преодолевая ограничения последних, но также увеличивают в количественном и качественном отношении спектр возможных «раздражителей», стимулов для этих сенсорных способностей. Орудия труда, становясь посредниками между

человеком и окружающей средой, а также во взаимодействиях между людьми, обогащают в содержательном отношении субъект-субъектные, субъект-объектные и объект-объектные связи. Появление орудий труда как нового элемента в перечисленных типах связей, рождая новые типы взаимодействий и образуя новые модели поведенческих программ, обогащает свойства внешнего мира, расширяет спектр признаков для категоризации воспринимаемого, увеличивает количество дистальных и проксимальных стимулов. Представляется очевидным, что количество зрительных, акустических, тактильных, вкусовых, обонятельных раздражителей весьма существенно возрастает ввиду использования людьми орудий труда, и все эти данные, получаемые от органов чувств, необходимо преобразовывать и синтезировать. Ввиду увеличения числа признаков сенсорного объекта возрастает число нейронов, необходимых для отображения последнего, растет активность нейронов в мозге, формируются новые связи между ними и усиливаются старые, количество нейронных ансамблей увеличивается. Формируются сложные нервные аппараты коры головного мозга, позволяющие человеку осуществить более комплексный анализ внешних данных и приспособиться к быстро меняющимся условиям окружающей среды: в коре головного мозга огромное место отводится нервным аппаратам, отвечающим за прием, переработку и синтез информации, получаемой от различных анализаторов (число нервных клеток, приходящееся на определенное нервное волокно в корковых отделах мозга, у человека значительно больше, чем у иных представителей животного царства) [16, с. 15–18].

Префронтальные формации коры головного мозга и рабочая память

В целом, существует тесная связь между особенностями строения нервной системы, поведенческими моделями и экологическими характеристиками живого организма [16, с. 11]. И, конечно же, изменения условий обитания и усложнение поведенческих программ в процессе антропогенеза, сказывающиеся на развитии мозговых структур человека и его коммуникативных, языковых навыках, были связаны не только с орудийным приспособлением людей к среде. Очевидно, что на развитие мозга и языковых способностей человека оказали влияние и другие, не менее значимые факторы, такие

как выход ранних людей в саванны, изменения в питании¹, интенсивная конкуренция со стороны других видов за нормальную пищу, приведшая к развитию тесной кооперации в группах ранних людей, навыкам общей интенциональности, возрастанию внутригрупповой солидарности [35], развитию «подражательных способностей» [18] и т.д. Представляется, что для всестороннего объяснения процесса развития мозга человека и генезиса его языковой способности необходима комплексная теория, учитывающая все многообразие факторов, повлиявших на становление человека как разумного, «говорящего» существа. При этом очевидно, что человеческий мозг – это продукт длительного эволюционного процесса, и орудия труда как принципиально новый элемент в жизнедеятельности людей, изменивший и их способ адаптации к среде, и их поведенческие модели, не могли не повлиять на развитие мозговых структур человека. Орудия труда знаменовали собой появление новых стимулов, влияющих на развитие информационной ориентации людей в среде [21, с. 140].

Разумеется, и само развитие мозга (например, формирование рельефа в области зоны Брока, развитие зрительных центров затылочной доли, развитие теменной и лобной долей) позволяло людям производить более совершенные орудия труда. Здесь налицо та же ситуация, что и с когнитивной склонностью людей обнаруживать структуру, описанная выше. Можно заключить, что развитие мозга и приобретение знаний и умений – это взаимосвязанные процессы, взаимно обуславливающие друг друга: ошибочно утверждать, что развитие мозга предшествует овладению знаниями или навыками. Так, к примеру, еще в 1993 г. Боб Джейкобс с коллегами установил, что высокий уровень образования напрямую связан с разветвленностью дендритов (короткие ветвящиеся отростки нейрона) в зоне Вернике – слуховом центре речи [32].

Стоит добавить также, что, согласно разработанной А.Р. Лурией концепции трех функ-

¹ В 2016 г. в журнале «Nature» были опубликованы результаты исследования, согласно которым в связи с появлением в рационе ранних людей мяса, обработанного с помощью каменных орудий труда, людям требовалось жевать на 17% реже и прикладывать на 26% меньше усилий при пережевывании пищи. Это, в свою очередь, способствовало уменьшению лица и жевательного аппарата человека, что могло привести в дальнейшем к развитию речи [36].

циональных блоков, один из блоков выполняет определенную роль в психическом функционировании, связанную с программированием, контролем и регуляцией произвольной деятельности, и локализуется этот блок в моторных, премоторных и префронтальных отделах коры головного мозга – в лобных долях (Рис. 1). Как отмечает А.Р. Лурия, эти отделы коры головного мозга отличаются «вертикальной исчерченностью, что говорит о *моторном двигательном характере* доминирующих в ней структур (курсив мой. – прим. авт.)» [13, с. 89].

Лобные же доли в целом играют важнейшую роль в организации поведения, в создании намерений и формировании программы действий, которые осуществляют эти намерения² [13, с. 92]. Все это дает основание утверждать, что орудийная деятельность, предполагающая новые типы моторно-двигательных актов и, как следствие, многообразие поведенческих программ, послужила одной из ключевых причин развития лобных отделов мозговой коры и, в частности, префронтальных ее формаций, занимающих только у человека почти треть всей массы полушарий. При этом именно префронтальные формации коры отвечают за понимание человеком причинно-следственных связей.

Префронтальные формации коры позволяют людям делать выводы из нескольких посылок, реагировать на стимул в результате синтеза различных входных данных, принимать и понимать сообщения, состоящие из нескольких утверждений, обеспечивая функционирование языка, отвечают за планирование сложного поведения, являются своеобразным «фильтром», определяющим, на какие стимулы стоит реагировать, а на какие – нет [4, с. 187].

Огромную роль в установлении человеком причинно-следственных связей играет рабочая память, центральный исполнительный комитет³

² Стоит заметить, что именно в лобных долях (в нижней лобной извилине) находится моторный центр речи – зона Брока.

³ Подробнее об устройстве рабочей памяти см. в работах А. Бэддели (напр.: [26; 27]), предложившего совместно с Г. Хитчем трехкомпонентную модель рабочей памяти, включающую центральный исполнительный комитет, визуально-пространственное хранилище и фонологическую подсистему с вербальным буфером. В последующем А. Бэддели дополнил эту модель четвертым компонентом – эпизодическим буфером, ответственным за синтез информации, поступающей из различных сенсорных областей.

которой также располагается в префронтальных формациях коры головного мозга, в дорсолатеральной ее части (поля 9 и 46 по Бродману) (Рис. 2). Дуайт Рид, профессор кафедры антропологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, обращает внимание на значимость развития дорсолатеральной префронтальной коры для выполнения человеком многоэтапных, скоординированных действий, предполагающих необходимость одновременного удержания в памяти нескольких компонентов, координацию которых осуществляет центральный исполнительный комитет рабочей памяти [34].

Д. Рид, опираясь на исследования поведения диких шимпанзе при раскалывании орехов в Национальном парке Таи в Кот-д'Ивуаре и Боссу в Гвинее и используя данные иных исследований оперирования инструментами человекообразными обезьянами, отмечает, что одновременное использование двух-трех объектов (наковальня, камень-молот и орех⁴) скоординированным образом лежит на когнитивном пределе шимпанзе [34, р. 686]. Таким образом, емкость кратковременного компонента рабочей памяти у шимпанзе находится в диапазоне 2–3. Это, в свою очередь, ограничивает возможности обезьян в классификации объектов (человеческие младенцы, согласно приводимым Д. Ридом данным, способны сосредоточивать внимание на различных параметрах объектов, а также на связях между этими параметрами, и осуществлять более сложные типы классификации). Также Д. Рид отмечает, что для шимпанзе характерны словесные комбинации, состоящие из двух слов (лексем), а также диадический тип межличностных взаимодействий [34, р. 692–693].

Емкость кратковременного компонента рабочей памяти, равняющаяся 2–3, не позволяет человекообразным обезьянам как осуществлять рекурсивные⁵ действия (характерные для из-

⁴ Причем обучение одновременному манипулированию с двумя объектами (камень-молот и орех) дается шимпанзе сравнительно легко, тогда как скоординированные действия с тремя объектами (когда необходимо подобрать нужного размера и фактуры камень в качестве наковальни, куда нужно положить орех и расколоть его при помощи камня-молота) выходят за рамки возможностей значительной части (25%) шимпанзе [34, р. 687].

⁵ Рекурсия – способность языка образовывать, порождать вложенные грамматические, синтакси-

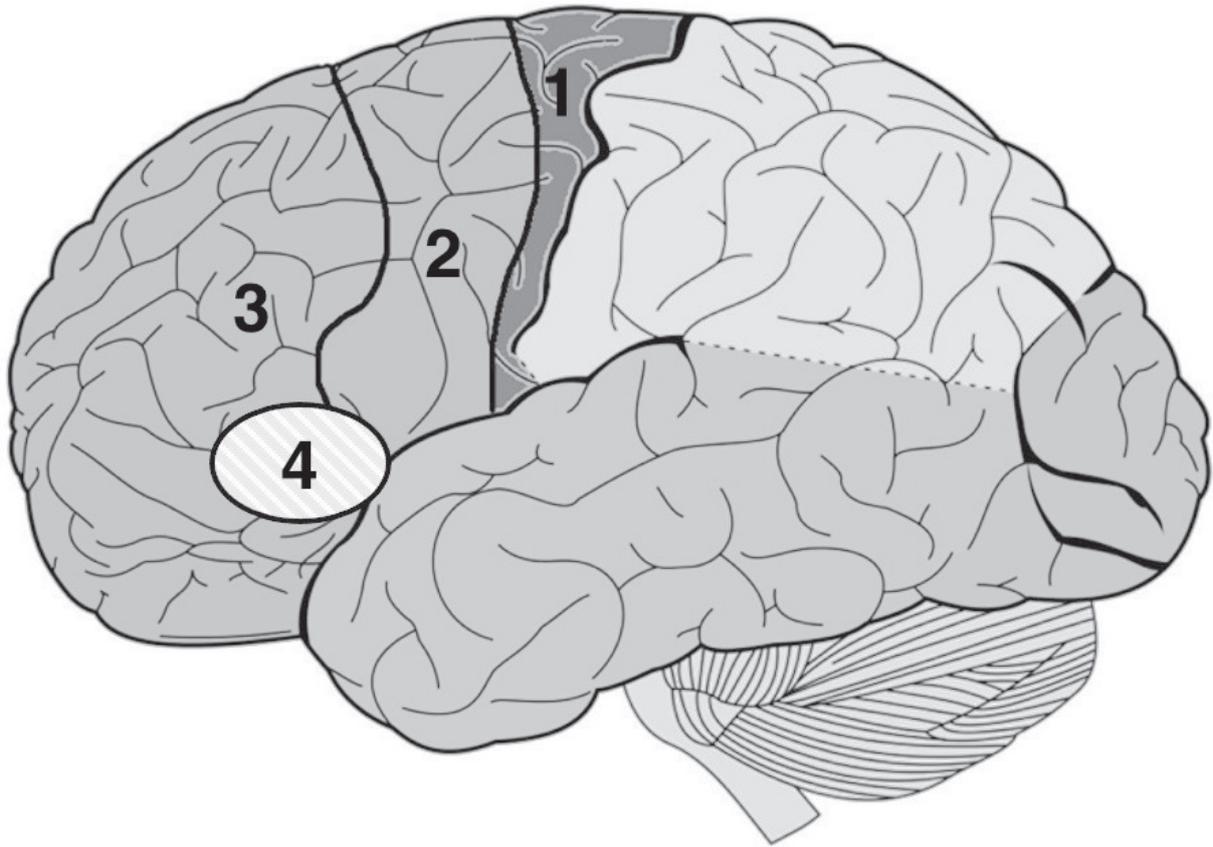

Рис. 1. Боковая поверхность мозга со схематичным изображением моторной коры (поле 1), премоторной коры (поле 2), префронтальной коры (поле 3), зоны Брока (поле 4), локализирующихся в лобных долях

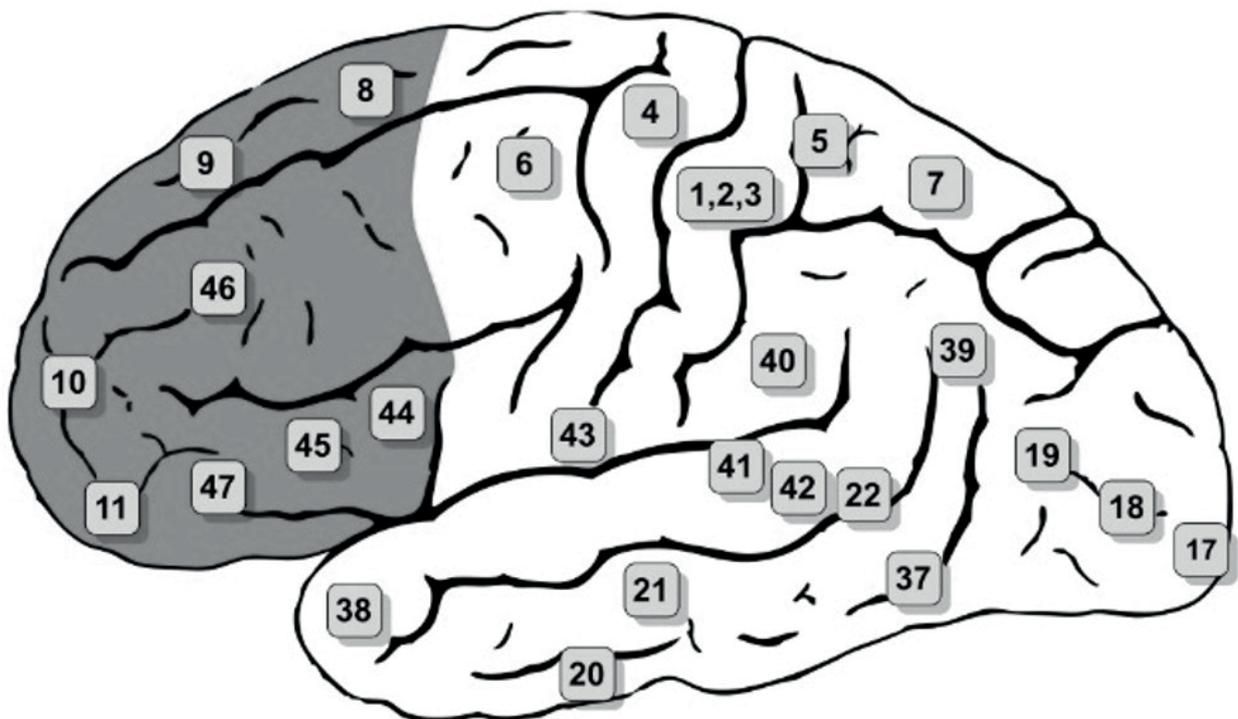

Рис. 2. Боковая поверхность мозга с пронумерованными полями Бродмана. Темным цветом выделена область префронтальной коры, где располагаются поля 9 и 46

готовления людьми орудий труда и в полной мере реализующиеся около 50 тыс. лет до н.э., во время верхнего палеолита, при производстве инструментов с призматическими лезвиями⁶), так и генерировать рекурсивные высказывания. С точки зрения Д. Рида, ограниченный объем рабочей памяти (не более 2–3 понятий) лишает приматов способности к рекурсивному мышлению. В свою очередь, в филогенетической линии человека в ходе эволюции происходит расширение префронтальной коры, что подтверждает значительное эволюционное изменение в объеме рабочей памяти, которая необходима для рекурсивных концептуальных систем, напрямую связанных с эволюцией языка [34, р. 677–678]. Человек в состоянии оперировать 7 ± 2 понятиями⁷, удерживать внимание на нескольких объектах одновременно и устанавливать связи между этими объектами и их свойствами.

Таким образом, развитие префронтальных формаций коры головного мозга и увеличение емкости кратковременного компонента рабочей памяти (во многом в связи с прогрессом в производстве орудий труда) позволяют человеку выстраивать, анализировать и понимать предложения, состоящие из нескольких слов, а также создавать и понимать правила их построения. Когнитивная предрасположенность к улавливанию причинно-следственных закономерностей в наличной ситуации «здесь и сейчас» является, тем самым, одной из ключевых прерогатив *Homo loquens*.

Следует также обратить внимание на то, что в лобных долях (в том числе в зоне Брока) были

ческие конструкции. Ряд авторов (Н. Хомский, У.Т. Фитч, М. Хаузер) считают способность к рекурсии основой человеческой способности к языку. Д. Рид отмечает также, что увеличение объема рабочей памяти и способность людей к рекурсивным действиям (в том числе лингвистическим) оказали влияние на развитие более сложных форм социальной организации, связанных с культурно сконструированными системами родства, выраженными при помощи генеративной концептуальной системы родственных терминов [34, р. 702].

⁶ Д. Рид также приводит данные, свидетельствующие о корреляции между энцефализацией в линии гоминид, изменениями концептуальной основы производства каменных орудий и увеличением кратковременного компонента рабочей памяти [34, р. 701].

⁷ Впервые данное количественное измерение емкости кратковременной памяти было предложено в 1956 г. американским психологом Дж.А. Миллером.

обнаружены и зеркальные нейроны⁸, возбуждающиеся при выполнении определенного действия, а также при наблюдении за выполнением определенного действия другим конспецификом (см., напр.: [19; 31; 33]). Эти виды нейронов ответственны за имитативные способности, позволяющие повторять предметные действия (являющиеся целесообразными и отличающиеся от простых движений) другого и научиться, наблюдая за его действиями⁹.

Система зеркальных нейронов, лежащая в основе обучения за счет подражания, подконтрольна зоне 46 по Бродману (одна из зон, где располагается центральный исполнительный комитет рабочей памяти), которая также отвечает за «рекомбинацию отдельных двигательных актов и формирование новой схемы действия, максимально приближенной к той, которую демонстрирует наставник» [2, с. 372]. Таким образом, здесь имеет место прямая связь между восприятием и действием, выражающаяся в преобразовании зрительной информации в потенциальные двигательные акты. При этом важно, чтобы эти действия, как уже было отмечено, были целесообразными, то есть совершались для чего-то и почему-то с учетом ситуативного контекста. Тем самым, наблюдение за целенаправленными действиями (и их осуществление), которые совершаются по определенным причинам и приводят к определенным следствиям, во многом лежит в основе надления окружающих предметов непосредственными значениями в терминах потенциально доступных действий, являясь доязыковой формой понимания [19, с. 18–19].

Стоит добавить, что, с точки зрения американского ученого в области компьютерной нейробиологии Майкла Арбиба, только человек способен к комплексному подражанию,

⁸ Впервые зеркальные нейроны были обнаружены в начале 1990-х гг. профессором Пармского университета Дж. Риццоллатти в нижней премоторной коре (F5) у макака. В дальнейшем аналогичный тип нейронов был обнаружен в нижней теменной и верхней височной коре. У человека активность данных нейронов была зарегистрирована в лобных, теменных и височных областях коры головного мозга.

⁹ Существует деление зеркальных нейронов на моторные (расположены в лобной доле), позволяющие повторять мышечную активность другого человека, и зеркальные нейроны эмпатии (расположены в височной коре и миндалине), позволяющие ощутить эмоциональное состояние, в котором находится визави [6].

выражающемуся в возможности воспроизводить последовательности поведенческих актов (вероятно, это также связано с объемом рабочей памяти человека): эти способности лежат в основе звукоподражательных артикуляторных движений, а также являются необходимыми для обобщения грамматических правил [24; 25].

Заключение

Таким образом, основываясь на приведенных выше рассуждениях, можно прийти к следующему заключению. В процессе антропо – и социогенеза, в результате действия ряда факторов самой разнообразной природы, в ходе действия эволюционных процессов человек научается изготавливать орудия труда. Это, с одной стороны, предполагает наличие некоторых уже имеющихся особенностей строения мозга пралюдей, а, с другой стороны, оказывает обратное воздействие на развитие соответствующих мозговых структур: обретение знаний, умений и навыков и развитие мозга являются взаимосвязанными процессами.

Совершенствование принципов производства орудий труда коррелирует с энцефализацией в линии гоминид, формированием сложных нервных аппаратов коры головного мозга, обширным расширением лобных долей (префронтальной коры, в частности) и увеличением емкости кратковременного компонента рабочей памяти. Человек оказывается в состоянии концентрировать внимание на нескольких объектах и их свойствах одновременно, удерживая в памяти причинно-следственные связи между ними.

Причинно-следственные связи были обнаружены в результате наблюдения людей за людьми в ходе орудийной деятельности, предполагающей двигательные акты с предметом, совершающиеся по определенным причинам и приводящие к определенным следствиям, когда в ходе воздействия одного предмета на другой последний претерпевает изменения и эти изменения визуально очевидны. Разворачивающаяся в определенном социальном контексте орудийная деятельность, предполагающая большое разнообразие транзитивных двигательных актов (удерживание, хватание, дотягивание и проч.), которые необходимо было распознавать, определенным образом на них реагировать и воспроизводить, вероятно, послужила движущей силой в эволюции системы зеркальных нейронов, лежащей в основе обучения за счет

подражания и позволяющей формировать алгоритм действий с определенным предметом в соответствии с наблюдаемым образцом. Тем самым окружающие предметы наделяются непосредственным смыслом с точки зрения потенциально доступных действий, которые можно с ними совершить (фактор причины) для достижения определенных целей (фактор следствия).

Наблюдая за действиями члена коллектива в определенном ситуативном контексте, улавливая и удерживая в памяти несколько объектов одновременно, визуальную фиксируя происходящие изменения с окружающими предметами в связи с определенными причинами, человек научается, в результате развития префронтальных формаций коры, увеличения объема кратковременного компонента рабочей памяти, синтезировать различные входные данные, делать выводы из нескольких посылок, фиксировать и понимать причинно-следственные связи и, как следствие, осуществлять рекурсивные действия, комбинируя отдельные двигательные акты, порождать языковые единицы за счет рекурсии, генерировать, анализировать и понимать предложения, состоящие из нескольких утверждений, а также создавать и понимать правила их построения, логику их формирования. Таким образом представляется, что понимание причинно-следственных связей лежит в основе языковой компетенции человека и является одним из ключевых навыков *Homo loquens*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Метафизика. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934.
2. Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянских культур, 2014.
3. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966.
4. Бурлак С.А. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Альпина Паблишер, 2019.
5. Вригт Г.Х. Логико-философские исследования: избранные труды. М.: Прогресс, 1986.
6. Дубынин В.А. Мозг и зеркальные нейроны // «ПостНаука». URL: <https://postnauka.ru/video/89453>
7. Емельянов-Ярославский Л.Б. Интеллектуальная квазибиологическая система. Индуктивный автомат. М.: Наука, 1990.

8. Ивин А.А. Логика причинности // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6965>
9. Касавин И.Т. Дэвид Юм: парадоксы познания // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 157–171.
10. Кольцова М.М. Двигательная активность и развитие функций мозга ребенка: роль двигательного анализатора в формировании высшей нервной деятельности ребенка. М.: Педагогика, 1973.
11. Котов А.А. Каузальное мышление у экспертов и новичков // Когнитивная психология: феномены и проблемы. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 87–107.
12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
13. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006.
14. Лурия А.Р. Мозг человека и психические процессы: в 2-х т. Т. 2. Нейропсихологический анализ сознательной деятельности. М.: Педагогика, 1970.
15. Лурия А.Р. О генезисе произвольных движений // Вопросы психологии. 1957. № 2. С. 65–67.
16. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии: учебное пособие. М.: Академия, 2013.
17. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1979.
18. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. М.: Мысль, 1974.
19. Риццоллатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания. М.: Языки славянских культур, 2012.
20. Сергин В.Я., Сергин А.В. Иерархическая модель восприятия без комбинаторного взрыва // Журнал высшей нервной деятельности. 2019. Т. 69. № 5. С. 629–654.
21. Социальная философия и философия истории: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2018.
22. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 486–499.
23. Aboitiz, F., García, R.R., Bosman, C. and Brunetti, E., 2006. Cortical memory mechanisms and language origins. *Brain and Language*, Vol. 98, no. 1, pp. 40–56.
24. Arbib, M.A., 2005. The mirror system hypothesis: How did protolanguage evolve? In: Tallerman, M. ed., 2005. *Language origins: perspectives on evolution*. Oxford: Oxford University Press, pp. 21–47.
25. Arbib, M.A., Bonaiuto, J. and Rosta, E., 2006. The mirror system hypothesis: From a macaque-like mirror system to imitation. In: Cangelosi, A., Smith, A.D.M. and Smith, K. eds., 2006. *Proceedings of the 6th Evolution of language conference (EVOLANG6)*. Singapore: World Scientific, pp. 3–10.
26. Baddeley, A.D., 2000. The episodic buffer: A new component of working memory? *Trends in Cognitive Sciences*, Vol. 4, no. 11, pp. 417–423.
27. Baddeley, A.D., 2007. *Working memory, thought and action*. Oxford: Oxford University Press.
28. Baddeley, A.D. and Hitch, G.J., 1974. Working memory. In: Bower, G.A. ed., 1974. *Recent advances in learning and motivation*. Vol. 8. New York: Academic Press, pp. 47–89.
29. Calvin, W.H. and Bickerton, D., 2000. *Lingua ex machina: Reconciling Darwin and Chomsky with the human brain*. Cambridge: MIT Press.
30. Deacon, T., 1997. *The symbolic species: The co-evolution of language and the brain*. New York; London: W.W. Norton & Co.
31. Heyes, C., 2010. Where do mirror neurons come from? *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, Vol. 34, no. 4, pp. 575–583.
32. Jacobs, B., Schall, M. and Scheibel, A.B., 1993. A quantitative dendritic analysis of Wernicke's area in humans. II. Gender, hemispheric, and environmental factors. *The Journal of Comparative Neurology*, Vol. 327, no. 1, pp. 97–111.
33. Ramachandran, V.S., 2000. Mirror neurons and imitation learning as the driving force behind the great leap forward in human evolution. URL: https://www.edge.org/conversation/vilayanur_ramachandran-mirror-neurons-and-imitation-learning-as-the-driving-force
34. Read, D.W., 2008. Working memory: a cognitive limit to non-human primate recursive thinking prior to hominid evolution. *Evolutionary Psychology*, Vol. 6, no. 4, pp. 676–714.
35. Tomasello, M., 2020. The role of roles in uniquely human cognition and sociality. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, Vol. 50, no. 1, pp. 2–19.
36. Zink, K. and Lieberman, D., 2016. Impact of meat and Lower Palaeolithic food processing techniques on chewing in humans. *Nature*, Vol. 531, no. 7595, pp. 500–503.

REFERENCES

1. Aristotle, 1934. *Metafizika* [Metaphysics]. Moskva; Leningrad: Sotsekgiz. (in Russ.)
2. Akhutina, T.V., 2014. *Neirolingvisticheskiy analiz leksiki, semantiki i pragmatiki* [Neurolinguistic analysis of vocabulary, semantics and pragmatics]. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (in Russ.)
3. Bernstein, N.A., 1966. *Ocherki po fiziologii dvizhenii i fiziologii aktivnosti* [Essays on the physiology of movements and physiology of activity]. Moskva: Meditsina. (in Russ.)
4. Burlak, S.A., 2019. *Proiskhozhdenie yazyka. Fakty, issledovaniya, gipotezy* [The origin of language: facts, studies, hypotheses]. Moskva: Al'pina Publisher. (in Russ.)
5. Wright, G.H., 1986. *Logiko-filosofskie issledovaniya: izbrannyye rudy* [Logical and philosophical studies: selected works]. Moskva: Progress. (in Russ.)
6. Dubynin, V.A. *Mozg i zerkal'nye neirony* [Brain and mirror neurons]. URL: <https://postnauka.ru/video/89453> (in Russ.)
7. Emel'yanov-Yaroslavskii, L.B., 1990. *Intellektual'naya kvazibiologicheskaya sistema. Induktivnyi avtomat* [An intelligent quasi-biological system. Inductive automaton]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
8. Ivin, A.A. *Logika prichinnosti* [The logic of causality]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6965> (in Russ.)
9. Kasavin, I.T., 2011. *Devid Yum: paradoksy poznaniya* [David Hume: paradoxes of cognition], *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 157–171. (in Russ.)
10. Kol'tsova, M.M., 1973. *Dvigatel'naya aktivnost' i razvitie funktsii mozga rebenka: rol' dvigatel'nogo analizatora v formirovanii vysshei nervnoi deyatel'nosti rebenka* [Motor activity and the development of brain functions of children: a role of motor analyzer in the formation of the higher nervous activity of children]. Moskva: Pedagogika. (in Russ.)
11. Kotov, A.A., 2014. *Kauzal'noe myshlenie u ekspertov i novichkov* [Causal thinking in experts and beginners]. In: *Kognitivnaya psikhologiya: fenomeny i problem*. Moskva: LENAND, 2014, pp. 87–107. (in Russ.)
12. Leontiev, A.N., 1975. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Conscience. Personality]. Moskva: Politizdat. (in Russ.)
13. Luria, A.R., 2006. *Lektsii po obshchei psikhologii* [Lectures on general psychology]. Sankt-Peterburg: Piter. (in Russ.)
14. Luria, A.R., 1970. *Mozg cheloveka i psikhicheskie protsessy: v 2-kh t. T. 2. Neiropsikhologicheskii analiz soznatel'noi deyatel'nosti* [The human brain and mental processes: in 2 vols. Vol. 2. Neuropsychological analysis of conscious activity]. Moskva: Pedagogika. (in Russ.)
15. Luria, A.R., 1957. *O genezise proizvol'nykh dvizhenii* [On the genesis of random movements], *Voprosy psikhologii*, no. 2, pp. 65–67. (in Russ.)
16. Luria, A.R., 2013. *Osnovy neiropsikhologii: uchebnoe posobie* [Fundamentals of neuropsychology: a textbook]. Moskva: Akademiya. (in Russ.)
17. Luria, A.R., 1979. *Yazyk i soznanie* [Language and consciousness]. Moskva: Izd-vo Mos. un-ta. (in Russ.)
18. Porshnev, B.F., 1974. *O nachale chelovecheskoi istorii* [At the dawn of the human history]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)
19. Rizzolatti, G. and Sinigaglia, C., 2012. *Zerkala v mozge. O mekhanizmax sovместnogo deistviya i soperezhivaniya* [Mirrors in the brain. On the mechanisms of synergy and empathy]. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (in Russ.)
20. Sergin, V.Ya. and Sergin, A.V., 2019. *Ierarkhicheskaya model' vospriyatiya bez kombinatornogo vzryva* [Hierarchical model of perception without combinatorial explosion], *Zhurnal vysshei nervnoi deyatel'nosti*, Vol. 69, no. 5, pp. 629–654. (in Russ.)
21. *Sotsial'naya filosofiya i filosofiya istorii: uchebnoe posobie* [Social philosophy and philosophy of history: a textbook]. Moskva: INFRA-M. (in Russ.)
22. Engels, F., 1961. *Rol' truda v protsesse prevrashcheniya obez'yany v cheloveka* [The part played by labour in the transition from ape to man]. In: Marx, K. and Engels, F., 1961. *Sochineniya*. T. 20. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, pp. 486–499. (in Russ.)
23. Aboitiz, F., García, R.R., Bosman, C. and Brunetti, E., 2006. *Cortical memory mechanisms and language origins*. *Brain and Language*, Vol. 98, no. 1, pp. 40–56.
24. Arbib, M.A., 2005. *The mirror system hypothesis: How did protolanguage evolve?* In: Tallerman, M. ed., 2005. *Language origins: perspectives on evolution*. Oxford: Oxford University Press, pp. 21–47.
25. Arbib, M.A., Bonaiuto, J. and Rosta, E., 2006. *The mirror system hypothesis: From a macaque-like mirror system to imitation*. In:

Cangelosi, A., Smith, A.D.M. and Smith, K. eds., 2006. Proceedings of the 6th Evolution of language conference (EVOLANG6). Singapore: World Scientific, pp. 3–10.

26. Baddeley, A.D., 2000. The episodic buffer: A new component of working memory? *Trends in Cognitive Sciences*, Vol. 4, no. 11, pp. 417–423.

27. Baddeley, A.D., 2007. Working memory, thought and action. Oxford: Oxford University Press.

28. Baddeley, A.D. and Hitch, G.J., 1974. Working memory. In: Bower, G.A. ed., 1974. Recent advances in learning and motivation. Vol. 8. New York: Academic Press, pp. 47–89.

29. Calvin, W.H. and Bickerton, D., 2000. *Lingua ex machina: Reconciling Darwin and Chomsky with the human brain*. Cambridge: MIT Press.

30. Deacon, T., 1997. *The symbolic species: The co-evolution of language and the brain*. New York; London: W.W. Norton & Co.

31. Heyes, C., 2010. Where do mirror neurons come from? *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, Vol. 34, no. 4, pp. 575–583.

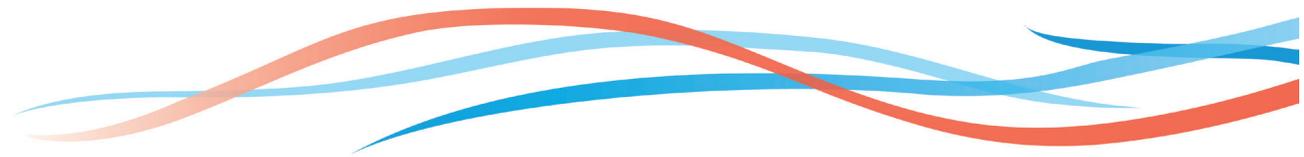
32. Jacobs, B., Schall, M. and Scheibel, A.B., 1993. A quantitative dendritic analysis of Wernicke's area in humans. II. Gender, hemispheric, and environmental factors. *The Journal of Comparative Neurology*, Vol. 327, no. 1, pp. 97–111.

33. Ramachandran, V.S., 2000. Mirror neurons and imitation learning as the driving force behind the great leap forward in human evolution. URL: https://www.edge.org/conversation/vilayanur_ramachandran-mirror-neurons-and-imitation-learning-as-the-driving-force

34. Read, D.W., 2008. Working memory: a cognitive limit to non-human primate recursive thinking prior to hominid evolution. *Evolutionary Psychology*, Vol. 6, no. 4, pp. 676–714.

35. Tomasello, M., 2020. The role of roles in uniquely human cognition and sociality. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, Vol. 50, no. 1, pp. 2–19.

36. Zink, K. and Lieberman, D., 2016. Impact of meat and Lower Palaeolithic food processing techniques on chewing in humans. *Nature*, Vol. 531, no. 7595, pp. 500–503.

Ю.А. Корнилов*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНО-ТЕИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРИРОДЫ В СОЧИНЕНИЯХ ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Статья посвящена основным линиям натурфилософских исследований в русском духовно-академическом теизме второй половины XIX – начала XX вв. Автор рассматривает предпосылки возникновения православной космологии в русских духовных академиях, исторический контекст ее формирования, а также основополагающие принципы ее построения. В статье показано, что духовно-академическая философия природы представляет собой уникальный опыт согласования естественнонаучных данных и принципов христианской космологии и является важным этапом ее развития.

Ключевые слова: философия природы, космология, православие, христианство, духовно-академическая философия

The development of the Orthodox philosophy of nature in Russian theological academies philosophy of the late XIXth – early XXth century. YURI A. KORNILOV (Far Eastern Federal University)

The article is devoted to the main lines of research in the field of natural philosophy that were developed in Russian theological academies philosophy in the second half of the XIXth – early XXth century. The author considers the prerequisites for the emergence of Orthodox cosmology in Russian theological academies, the historical context of its making, as well as the fundamental principles around which it was built. The article shows that the philosophy of nature that was developed within Russian theological academies philosophy at that time is a unique attempt of coordinating natural science data and the principles of Christian cosmology and should be seen as an important stage in its development.

Keywords: philosophy of nature, cosmology, Orthodoxy, Christianity, Russian theological academies philosophy

Христианская традиция в своем историческом развитии многократно вступала во взаимодействие с окружавшим ее научно-философским контекстом. Позднеантичное и средневековое христианство использовало аристотелевско-птомелеевскую космологию для

разработки своих взглядов на устройство мироздания. После формирования современной научной картины мира церковная мысль столкнулась с принципиально новым для себя феноменом – бурным развитием экспериментально-математизированного естествознания. С тех

* КОРНИЛОВ Юрий Анатольевич, старший преподаватель кафедры теологии Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: markir-x@yandex.ru

© Корнилов Ю.А., 2023

пор между христианством и светской космологией по линии философии природы¹ пролегал дискусионное поле. По сей день богословы и представители светской науки обсуждают отношение космологии Шестоднева к эволюционной теории, данным палеонтологии, геологии, астрономии и прочих экспериментальных наук. В этот процесс вовлечены не только представители христианских конфессий, но также и мусульмане, буддисты и др.

В этом контексте необходимо обратить внимание на разработку указанного вопроса в русской православной духовно-академической философии, которая представляет собой не только внутриконтрессиональное явление, но и полноценное философское течение мирового масштаба. Расцвет православной теистической мысли в России пришелся на вторую половину XIX – начало XX вв. и, таким образом, совпал с бурным развитием естественнонаучной мысли и соответствующих ей концептуализаций экспериментального знания.

В силу сложившейся в указанный период ситуации духовно-академическая философия выступила органичным звеном в истории общехристианской и, в частности, православной рецепции «внешнего» по отношению к церкви научного знания. Православные теисты рубежа столетий показывают особенности восточнохристианского «ответа» на достижения современной научной картины мира, а также позволяют понять степень «подвижности» традиционной православной космологии в условиях давления со стороны новейших фактов из мира науки. Стоит сказать, что в настоящее время отсутствует специальный анализ духовно-академической философии природы, который позволил бы глубже понять специфику русской православной мысли.

Философия природы в русских православных академиях формировалась под влиянием определенных факторов. Во-первых, концептуальным ядром духовно-академической космологии выступало библейское понимание мироздания, которое, с точки зрения православных теистов, имело сверхъестественное происхождение. Библиизм русских академистов проявился в том, что они придерживались креационизма, исповедовали творение мира из ничего трансцендентным Богом, отрицали

пантеизм и деизм, утверждали линейность и телеологичность развития мира, а также присутствие Бога в процессе мировой истории; признавали главенствующее положение человека в космосе; утверждали существование нематериальных субстанций (ангелов и бессмертных душ) и объективное существование реальности.

Во-вторых, православно-теистическая философия природы исторически развивалась под влиянием христианизированной античной мысли. Церковные мыслители еще в доникейский период стали полемизировать с натурфилософскими концепциями античных языческих философов, критикуя панпсихизм и гилозоизм, материалистически-пантеистическую космологию стоиков, эпикурейское отрицание божественного промысла, деистические тенденции платонизма и аристотелизма, общее для античного мира представление о вечности и божественности космоса, платоническое учение о совечности Бога и материи, принижение онтологического статуса материи в некоторых течениях поздней Античности, а также детерминизм и астрологический фатализм. От христианской Античности русские академисты также унаследовали принцип положительного взаимодействия библейской космологии и внецерковной описательной натурфилософии.

Третьим фактором, определившим развитие духовно-академической философии природы, выступала западноевропейская философская схоластика, оказавшая существенное влияние на становление православного духовного образования в России. В этом отношении необходимо отметить тот факт, что русская теистическая традиция усвоила понятийно-терминологический аппарат средневековой схоластики («субстанция», «акциденция», «первая материя» и т.д.), который вместе со статичной аристотелевско-птолемеевской картиной мира в Новое время стал отступать на периферию научного знания. Например, такие понятия, как «материя» и «сила», в трудах естествоиспытателей XIX в. приобретали новое смысловое наполнение. Пытаясь сохранить традиционные библейские установки, православные академисты осуществляли «перевод» своей космологии с языка Аристотеля и Фомы Аквинского на язык описания реальности в новейшем естествознании.

Четвертый фактор, оказавший влияние на русскую академическую космологию, – это но-

¹ В настоящей статье термины «философия природы», «натурфилософия» и «космология» будут использоваться как синонимы.

воевропейская философия природы. С одной стороны, православные теисты критически воспринимали ту западноевропейскую натурфилософию Нового Времени, которая имела ярко выраженный спекулятивный характер. Речь идет о тех мыслителях, которые не были представителями экспериментального естествознания либо не являлись ими в первую очередь: Ф. Бэкон, Р. Декарт, Б. Спиноза, Г.В. Лейбниц, Д. Юм, Дж. Локк, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Ф.В.Й. Шеллинг, А. Шопенгауэр и др. С другой стороны, в духовно-академической философии проявлялся живой интерес к натурфилософским построениям естествоиспытателей-экспериментаторов, а также к непосредственным открытиям в области математики, физики, химии, геологии, астрономии, палеонтологии, биологии, физиологии, психологии. Православные теисты знакомились с уже имеющимися попытками согласования классической христианской космологии и естественнонаучных данных, а также интересовались инославной философией природы. Отдельные сочинения были посвящены осмыслению феномена научно-технического прогресса и его значения для человечества.

Теперь необходимо раскрыть те концептуальные особенности православно-теистической мысли, которые определяли философию природы в русских духовных академиях конца XIX – начала XX вв. и придавали ей характерную специфику.

В сфере гносеологии православные академики придерживались принципов синтетизма (сочетание религиозного мистицизма и рационализма), середины между крайностями рационализма и эмпиризма, холистической установки, когда научное познание воспринималось в контексте всех форм когнитивной активности человека. Часто в сочинениях православных авторов проявляется тенденция к реализации идеала дисциплинарного синтеза. К примеру, С.С. Глаголев выстраивал следующую взаимосвязь дисциплин: «Естествознание представляет собой совокупность наук о материи и совокупность наук биологических... Лицу, занимающемуся изучением Введения в богословие, необходимо приходится сталкиваться с естествознанием уже через философию. Гносеология всецело опирается на психологию, а знание психологии немислимо без физиологии» [7, с. 379]. С.В. Пишун отмечает центристскую позицию в духовно-академической

философии на примере В.Д. Кудрявцева-Платонова: «В.Д. Кудрявцев-Платонов занимал “центристскую” позицию, отрицая как чрезмерный рационализм в понимании процесса познания Совершенного Существа, который был следствием влияния католической философской схоластики (это влияние присутствовало у ряда представителей киевской философско-теистической школы), так и чрезмерный мистицизм, эмпиризм и психологизм, который тоже был характерен для ряда православных теистов, в частности в Санкт-Петербургской духовной академии» [12, с. 126].

Православные философы критически относились к агностицизму Канта и панлогизму Гегеля. В сочинениях духовно-академических авторов подчеркивалась ограниченность человеческого познания и в то же время – его естественная направленность к постижению абсолютного первоначала. Православные теисты были против автономизации и абсолютизации рационального начала в человеке. Духовно-академическая философия, нередко балансируя между мистицизмом и рационализмом, все же ориентировалась на гармонизацию веры и разума. Академисты, таким образом, встраивались в древнюю патристическую традицию понимания веры как того, что расширяет познание, а не блокирует рациональность как противоположность мистическому откровению. В рамках гносеологического истолкования веры разум становился органом веры, рациональное познание – ее разновидностью.

Рациональные построения, с точки зрения православных авторов, должны быть «апробированы» в непосредственной фактической реальности. Примечательной в этом отношении является позиция В.Д. Кудрявцева-Платонова о соотношении естествознания, философии и богословия: «Занимая срединное положение между естествознанием и богословием, метафизика проигрывает первому – в точности познания мира, второму – в точности познания Бога. С естествознанием философию роднят рациональные и эмпирические методы, с богословием – интерес к высшим началам бытия» (цит. по: [9, с. 11]).

Концептуализация вопросов онтологии и космологии осуществлялась русскими теистами в целом в рамках классической европейской схемы. Православные мыслители выступали против метафизических упрощений в этих областях философского знания.

Академисты отстаивали объективность окружающего мира и обнаруживали в мироздании его идеальные основания, возводящие человека к высочайшему существу. С.С. Глаголев считал, что качественная философия природы неизбежно представляет собой философию религии: «Всякая хорошая книга по философии природы является вместе с тем книгой и по философии религии. Философия природы всегда должна ответить на вопрос: должно ли мыслить мир самодовлеющим космосом или для него должно признать Высшую премирную причину?» [5, с. 247].

В целом духовно-академическая мысль стремилась сохранить срединную позицию между крайними решениями в области онтологии и космологии: с одной стороны, между рационалистическим деизмом и идеалистическим пантеизмом, с другой – между крайним трансцендентализмом и пантеистическим имманентизмом. Особой линией онтологических рассуждений русского православного теизма является критический анализ философии Шеллинга.

Православные академисты проявляли интерес к естественнонаучной сфере, прежде всего, в апологетических целях. В.С. Яворский в 1902 г. отмечал жесткую потребность духовных учебных заведений в освоении естественнонаучных достижений: «В светской, да и в духовной печати неоднократно указывалось на крайнюю скудость познаний воспитанников семинарий по естественным наукам... семинаристы по знаниям окружающей природы стоят гораздо ниже учеников городского училища... Спросите студентов академий, многие ли из них читали хоть обычный учебник зоологии, ботаники, достаточный курс космографии и т.п.» [13, с. 573]. Дореволюционный автор также говорит о необходимости внимательного отношения к «физическим кабинетам» при семинариях и о том, что часто в семинарском заведении «нет приличной пневматической или электрической машины» [13, с. 581].

Философия природы рассматривалась в рамках курсовых сочинений и статей апологетической направленности. К данным естественных наук так или иначе апеллировали в своих работах дореволюционные догматисты митр. Макарий (Булгаков), еп. Сильвестр (Малеванский), архиеп. Филарет (Черниговский), свящ. Николай Малиновский, еп. Михаил (Лузин), проф. А.П. Лопухин и др. В духовных акаде-

миях XIX в. возникает феномен естественнонаучной апологетики, а в Московской духовной академии – отдельная кафедра, активность которой пришлась на период с 1870 г. и до смерти ее основателя, профессора Д.Ф. Голубинского. Цель курса по естественнонаучной апологетике заключалась в том, чтобы «доказать бытие Бога через изучение целесообразности устройства звездного мира и системы законов физики и химии» [11, с. 33]. Теоретический вклад в развитие естественнонаучной апологетики также внесли В.Д. Кудрявцев-Платонов, С.С. Глаголев, Н.П. Рождественский, прот. Н. Сергиевский, Ф. Орнатский, И. Петропавловский и др. Стоит сказать о том, что толчком к развитию апологетики в отечественном богословии послужила критическая рецепция дарвинизма (в период с 1864 по 1917 гг. было опубликовано около полусотни публикаций, затрагивающих тему дарвинизма).

В рамках данной статьи мы можем указать лишь основные линии разработки натурфилософских вопросов в русском духовно-академическом теизме второй половины XIX – начала XX вв. Нам представляется возможным выделить (довольно условно) две части в православно-академической философии природы указанного периода.

Во-первых, речь пойдет об отрицательной (критической) составляющей. Православные теисты критиковали кантовское понимание пространства за односторонность и непоследовательность, а также указывали на то, что оно противоречит современному естественнонаучному познанию. А.И. Введенский подчеркивает недостаточность кантовского априоризма в решении вопроса о сущности пространства: «Пространство не есть внеопытное понятие: ибо, хотя для отнесения наших ощущений вовне действительно необходим в нашем духе некоторый пространственный *rius*, но этот *rius* не может быть истолкован в смысле развитого сознательного представления пространства, а лишь в смысле зародыша или зерна этого представления (что согласуется с разъяснениями самого Канта), каковое зерно развивается в представление не иначе, как под влиянием опыта» [2, с. 397]. По мнению теистов, Кант не смог убедительно доказать, что нашему субъективному восприятию пространства ничего не соответствует в объективной действительности. Критике подвергалась также кантово-лапласовская теория происхождения

Солнечной системы. Из числа спекулятивных натурфилософий Нового времени объектом критики для православных академистов также выступали просвещенческий материализм и пантеистические системы Спинозы, Гегеля и Шеллинга.

Следующая линия духовно-академической критики – это разбор натурфилософских обобщений и оснований естественнонаучного (экспериментального) происхождения. В этом плане прежде всего необходимо отметить критический взгляд православных академистов на попытки абсолютизировать экспериментальный естественнонаучный подход и поставить его на место универсальной метафизики. Некоторые авторы посвящали свои сочинения специальному анализу аксиоматики естественных наук, их гносеологических и эпистемологических оснований, подчеркивая их ограниченный характер. С.С. Глаголев приводил примеры того, как естествоиспытатели пересматривали свои концептуальные основания: химик отрекается от механико-атомистической гипотезы; палеонтолог отрекается от механистического истолкования истории жизни на земле и признает божественный промысел; известный биолог проповедует веру в бессмертие [6, с. 492]. В этом контексте стоит также привести в пример следующий отрывок: «Естественные науки пользуются органами чувств как орудием познания с совершенной наивностью и фатально. Когда с ростом критического самосознания естествоиспытатели начинают сомневаться в правомерности наивного реализма (Гельмгольц, Мах и др.), то этим самым они для себя самих обнаруживают те спорность самой основы естествознания, которая в существе была ясна уже Платону...» [12, с. 345]. С.С. Глаголев показывал, что труды Лобачевского и Римана демонстрируют, что основания геометрии не являются бесспорными [4, с. 4]. Православные авторы неоднократно отмечали, что многие естествоиспытатели используют основополагающие понятия физики, такие как, например, «материя», «протяжение», «пространство», совершенно вульгарно и наивно.

Традиционной для духовно-академического теизма являлась критика материализма, в частности – естественнонаучного происхождения. А. Кириллович подчеркивает ошибочность как материализма, так и увлеченности монизмом: «Современный монизм не есть философия, устранившая материализм, но представляет

один из поучительнейших симптомов саморазложения материализма» [10, с. 120]. С.С. Глаголев в этом плане решительно заявляет: «Естествознание должно порвать свою незаконную связь с материалистической метафизикой и у него должны прекратиться враждебные отношения к религии» [6, с. 495–496]. Отдельно нужно выделить стремление академистов показать ложность идеи вечной и неуничтожимой материи, их критику механического материализма и обнаружение внутренней противоречивости материализма. В этом плане православные академисты приводили в доказательство как сугубо философские, так и естественнонаучные аргументы.

Примечательно, что критика учения о безграничной материи была связана с доказательством конечности пространства: «Полученный логическим путем вывод, что пространство есть свойство вещей и что вопрос о его бесконечности сводится к вопросу о бесконечности числа материальных предметов еще более делает нам возможным представление конечности пространства ... Если мировое пространство конечно, то вывод ... о том, что вселенная стремится к особому предельному состоянию с равномерным распределением энергии становится закрытым для всякого рода возражений» (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, далее – ОР РГБ. Ф. 172. К. 224. № 6. Л. 255). Также академисты задавались вопросом о природе и существовании эфира, иногда ставя под сомнение его реальность: «Теперь взгляд, что свет есть результат волнообразного движения эфира, считается общепринятым. Кто знает, может быть недалек тот день, когда и теория мирового эфира отойдет в область истории... Бесспорен факт, на который наводит мысль об эфире, хотя может быть при подробном выяснении факта самая теория эфира должна быть отвергнуто, что все ее самонаименьшие атомы связаны между собой неразрывной связью, что вселенная есть действительно космос» [3, с. 206–207]. Еще один показательный пункт критической программы православных теистов – это критический анализ атомистической теории. С.С. Глаголев заявляет: «Учение об атомах в физике и химии называется плодотворной гипотезой, но не действительным фактом» [5, с. 269].

Также стоит упомянуть о том, что духовно-академические авторы иногда критиковали опыты поспешного и неизменного согласования

(как и рассогласования) библейской космологии и данных естественных наук. С.С. Глаголев в этом отношении предлагал следовать среднему пути: «Нам думается, что в большинстве случаев не нужно спешить ни с отрицанием научных предположений, ни с приспособлением нашего вероучения к новому миропониманию» [4, с. 58].

Описанный нами критический компонент был связан с опытом положительной рецепции естественнонаучных достижений, когда православные академики углубляли свои космологические воззрения на природу за счет достижений в области математики, физики, химии, геологии, биологии, палеонтологии, астрономии, психологии и физиологии. Данные экспериментальных наук использовались русскими теистами для обоснования реальности нематериальной души и невыводимости органической жизни из неорганических начал самопроизвольным путем.

Отдельное внимание стоит уделить попыткам положительного согласования библейского учения о сотворении мира с данными геологии, палеонтологии и астрономии. Например, в своей студенческой работе А. Новорусский критикует две основные гипотезы: гипотезу восстановления (все земные пласты с их органическими останками образовались до шестидневного творения, после чего Бог восстанавливает землю в творческом процессе) и гипотезу соглашения (дни творения понимаются как неопределенно долгие промежутки времени). В итоге автор заключает: «По нашему исследованию библейской истории творения оказалось, что творческие акты Бога необходимо признать параллельными между собой и совершившимися одновременно в течение всей истории мирообразования (почему именно мы и не могли разуметь под творческими днями какие-либо моменты времени); но о том же самом свидетельствуют и данные естественнонаучного исследования» (ОР РГБ. Ф. 172. К. 323. № 10. Л. 246–247). Об этом же говорит в своем сочинении Н. Автономов: «При понимании библейских дней творения в смысле параллельных и одновременных творческих моментов легко устраняются противоречия между Библией и естественнонаучными фактами» (ОР РГБ. Ф. 172. К. 164. №. 11. Л. 168). В своей работе автор приходит к выводу, что библейское повествование согласуется с данными геологии, палеонтологии и астрономии.

В настоящей статье мы обозначали лишь основные² линии разработки натурфилософских вопросов в православном духовно-академическом теизме второй половины XIX – начала XX вв. Каждое направление православно-теистической философии природы требует отдельного исследования, представляя собой богатый материал, существенная часть которого еще не опубликована. Обобщая проанализированный нами массив сочинений и статей, мы можем сделать вывод о том, что православные академики подчеркивали историческую подвижность естественнонаучного знания, как и в целом внешнего по отношению к Церкви понимания природы. С другой стороны, они осознавали историческую подвижность той части религиозной космологии, которая не затрагивает основоположений сверхъестественного откровения и которая была заимствована религиозной традицией из окружающего ее культурного контекста. Православные авторы неоднократно предупреждали об опасности абсолютизации как научных выводов о реальности, так и отдельных попыток согласования библейской космологии с данными естественных наук. Духовно-академическую философию XIX – начала XX вв. мы можем по праву понимать как новый исторический виток в теоретическом развитии восточнохристианской и в целом христианской космологии, а также как оригинальный опыт соединения теологии, философии и естественнонаучных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Введенский А.И. Основатель системы трансцендентального монизма (Окончание) // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 15. С. 1–17.
2. Введенский А.И. Учение Канта о пространстве: (Разъяснение и критика) // Богословский вестник. 1895. Т. 2. № 6. С. 390–404.
3. Глаголев С.С. Бессмертие прошедшего: (Принцип сохранения явлений) // Богословский вестник. 1903. Т. 1. № 2. С. 193–225.
4. Глаголев С.С. Идеалы человечества на рубеже двух столетий. М.: Университетская типография, 1901.

² В данной статье опущен анализ той части натурфилософских разработок, которые связаны с обсуждением дарвинизма и материалистическим отрицанием бессмертной души. Данная проблематика находится на стыке с антропологией и требует специального исследования.

5. Глаголев С.С. Новости русской литературы по религиозно-философским вопросам // Богословский вестник. 1898. Т. 4. № 11. С. 245–285.

6. Глаголев С.С. Новые веяния в области естествознания // Богословский вестник. 1896. Т. 4. № 12. С. 490–503.

7. Глаголев С.С. Об отношении философии и естественных наук к науке Введения в Богословие // Богословский вестник. 1892. Т. 3. № 12. С. 370–390.

8. Глаголев С.С. Религия и наука в их взаимоотношении к наступающему XX столетию. Сергиев Посад: Собственная типография, 1900.

9. Кабанова М.Л. Религиозная метафизика В.Д. Кудрявцева-Платонова: дис. ... канд. филос. н. Благовещенск, 2006.

10. Кириллович А. Онтология и космология Спинозы в связи с его теорией познания // Вера и разум. 1894. Т. 2. Ч. 1. С. 119–150.

11. Мумриков О.А. Естественнаучная апологетика как целостная дисциплина: общий обзор // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2009. № 4. С. 28–41.

12. Пишун С.В. Теистическая концепция религии и познания сверхсущего В.Д. Кудрявцева-Платонова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. № 3. С. 123–126.

13. Эрн В.Ф. Природа научной мысли // Богословский вестник. 1914. Т. 1. № 2. С. 342–368.

14. Яворский В.С. Кафедра физико-математических наук в духовных семинариях: (несколько слов и мыслей по поводу ожидаемой реформы духовно-учебных заведений) // Богословский вестник. 1902. Т. 2. № 7/8. С. 567–583.

REFERENCES

1. Vvedenskii, A.I., 1892. Osnovatel' sistemy transtsendental'nogo monizma (Okonchanie) [The founder of the transcendental monism system (The final part)], Voprosy filosofii i psikhologii, no. 15, pp. 1–17. (in Russ.)

2. Vvedenskii, A.I., 1895. Uchenie Kanta o prostranstve: (Raz'yasnenie i kritika) [Kant's doctrine of space: (Explanation and criticism)], Bogoslovskii vestnik, Vol. 2, no. 6, pp. 390–404. (in Russ.)

3. Glagolev, S.S., 1903. Bessmertie proshedshego: (Printsip sokhraneniya yavlenii) [Immortality of the past: (The principle of

conservation of phenomena)], Bogoslovskii vestnik, Vol. 1, no. 2, pp. 193–225. (in Russ.)

4. Glagolev, S.S., 1901. Idealy chelovechestva na rubezhe dvukh stoletii [Ideals of mankind at the turn of the century]. Moskva: Universitetskaya tipografiya. (in Russ.)

5. Glagolev, S.S., 1898. Novosti russkoi literatury po religiozno-filosofskim voprosam [News of Russian literature on the issues of religion and philosophy], Bogoslovskii vestnik, Vol. 4, no. 11, pp. 245–285. (in Russ.)

6. Glagolev, S.S., 1896. Novye veyaniya v oblasti estestvoznaniya [New trends in the field of natural sciences], Bogoslovskii vestnik, Vol. 4, no. 12, pp. 490–503. (in Russ.)

7. Glagolev, S.S., 1892. Ob otnoshenii filosofii i estestvennykh nauk k nauke Vvedeniya v Bogoslovie [On the relation of philosophy and natural sciences to the Introduction to Theology], Bogoslovskii vestnik, Vol. 3, no. 12, pp. 370–390. (in Russ.)

8. Glagolev, S.S., 1900. Religiya i nauka v ikh vzaimootnoshenii k nastupayushchemu XX stoletiyu [Religion and science in their relation to the coming XXth century]. Sergiev Posad: Sobstvennaya tipografiya. (in Russ.)

9. Kabanova, M.L., 2006. Religioznaya metafizika V.D. Kudryavtseva-Platonova [Religious metaphysics of V.D. Kudryavtsev-Platonov], dissertatsiya kandidata filosofskikh nauk. Blagoveshchensk. (in Russ.)

10. Kirillovich, A., 1894. Ontologiya i kosmologiya Spinozy v svyazi s ego teoriei poznaniya [Ontology and cosmology of Spinoza in relation to his theory of knowledge], Vera i razum, Vol. 2, no. 1, pp. 119–150. (in Russ.)

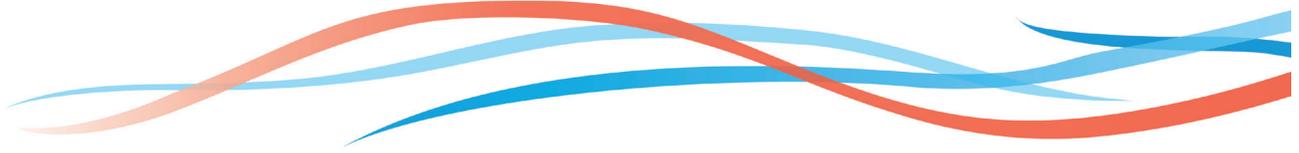
11. Mumrikov, O.A., 2009. Estestvennonauchnaya apologetika kak tselostnaya distsiplina: obshhii obzor [Natural science apologetics as a holistic discipline: an overview], Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya, no. 4, pp. 28–41. (in Russ.)

12. Pishun, S.V., 2017. Teisticheskaya konseptsiya religii i poznaniya sverkhshushchego V.D. Kudryavtseva-Platonova [The theist concept of religion and cognition of the super-existent of V.D. Kudryavtsev-Platonov], Sotsial'nye i humanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke, no. 3, pp. 123–126. (in Russ.)

13. Ern, V.F., 1914. Priroda nauchnoi mysli [The nature of scientific thought], Bogoslovskii vestnik, Vol. 1, no. 2, pp. 342–368. (in Russ.)

14. Yavorskii, V.S., 1902. Kafedra fiziko-matematicheskikh nauk v dukhovnykh seminariyah: (neskol'ko slov i myslei po povodu ozhidaemoi reformy dukhovno-uchebnykh zavedenii) [Department of physics and mathematics in theological

seminaries: (a few words and thoughts on the expected reform of theological education institutions)], Bogoslovskii vestnik, Vol. 2, no. 7/8, pp. 567–583. (in Russ.)

Ф.И. Гусейнов*

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
В «ОПЫТЕ КОНКРЕТНОЙ ФИЛОСОФИИ» ГАБРИЭЛЯ МАРСЕЛЯ

Статья посвящена анализу категории «принадлежность» в работе «Опыт конкретной философии» французского экзистенциалиста Г. Марселя. По своей логике это понятие предшествует известным понятиям философии Марселя «бытие» и «обладание», о которых он размышлял в своей книге «Быть и иметь», но введено им позже, тем не менее составляя с ними общую триаду. Тонкий разбор понятия «принадлежность» приводит Марселя к выводам об онтологической укорененности личности с ее творчеством и свободой, верой, надеждой и любовью. Эти феномены не являются благими гуманистическими пожеланиями, но включены в удел человека и возносят его из сферы просто существования в сферу бытия.

Ключевые слова: Г. Марсель, экзистенциализм, принадлежность, экзистенция, свобода, вера

The category of belonging in Gabriel Marcel's «An outline of a concrete philosophy». FARID I. GUSEYNOV (Plekhanov Russian University of Economics; Bauman Moscow State Technical University)

The article focuses on the category of belonging in the work «An outline of a concrete philosophy» by the French existentialist Gabriel Marcel. In its logic, this category precedes the well-known concepts of «being» and «having» which he developed in his book «Being and having», however it was introduced later than them. A subtle analysis of the category of belonging leads Marcel to conclusions about the ontological rootedness of a person along with creativity and freedom, faith, hope and love. These phenomena are not mere good wishes, but are part and parcel of human destiny and rise people from the sphere of mere existence to the sphere of being.

Keywords: Gabriel Marcel, existentialism, belonging, existence, freedom, faith

Важнейшие категории философии основоположника французского экзистенциализма Габриэля Марселя (1889–1973), среди прочих, – обладание, бытие и принадлежность (appartenance). Первые две подробно разрабатываются им в работе «Быть и иметь» (1935) и будут проанализированы нами в контексте

истории западной мысли в отдельной статье. Данная же статья посвящена третьему понятию, которое рассматривается в книге Марселя «Опыт конкретной философии»¹.

¹ Впервые издана в 1940 г. под названием «От отказа к призыву».

* ГУСЕЙНОВ Фарид Ибрагимович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Высшей школы социально-гуманитарных наук Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доцент кафедры философии факультета социальных и гуманитарных наук Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

E-mail: metafizika@mail.ru

© Гусейнов Ф.И., 2023

Обладание вещами, живыми существами и идеями, как показал Г. Марсель в работе «Быть и иметь», функциональное отношение к ним как к собственности, становясь частью человеческого я, приводит к превращению самого этого я в функцию, т.е. к смерти личности. Бытие – это тайна (таинство), оно неопределимо рациональными средствами, однако путь к нему пролагает рефлексия, которая сама оказывается формой бытия. Сферами, в которых человек бытийствует, являются любовь, свобода и творчество, посредством них человек восходит к высшему трансцендентному. Марсель употребляет именно это философское понятие – «трансцендентное» – и не говорит о возрастании в меру возраста Христа или об обожении, поскольку, будучи католиком, тем не менее желает оставаться в рамках философского исследования и, по возможности, не касаться теологических вопросов. В вышеупомянутой статье мы прослеживаем генетическую связь понятий «быть» и «иметь» у Марселя с платоновской категорией *ousia*. «Ousia – один из самых употребительных терминов платоновского онтологического словаря. Его исходное значение – “собственность”, “имущество”, “добро”, “богатство”, “состояние”. ... Будучи производным от причастной формы глагола “быть” (*einai*), это существительное означает в самом широком смысле “то, что имеется”, “то, что существенно существует”, “то, что собственно есть”. “Имущество”, “наличность” и “собственность” – это и значит, что действительно имеется и представлено налицо какое-то содержание, собранное вокруг его владельца – некой “самости”. Философское значение термина – “бытие”, “сущность” – естественно вырастает из этого семантического куста... Слово *ousia* можно переводить и как “бытие”, так как это действительно сущее, и как “сущность”, так как это устойчивая сердцевина явления, и даже как *existentia*, ибо это наличность и данность бытия» [1, с. 52–53]. Но если Платон употребляет понятие *ousia* в двойственном значении, в значении «имущество» и в значении «бытие», то Марсель на исходе эпохи модерна, когда для массового сознания жить и значит иметь, т.е. качество жизни определяется наличием или отсутствием материальной собственности, резко разводит эти понятия.

В книге «Опыт конкретной философии» Марсель продолжает держаться уже высказанной позиции в отношении трансцендентного: «Трансцендентное не может быть ни в коей мере уподоблено точке зрения, в которую мы могли

бы мысленно поместить себя самих. ... Метафизически мне кажется самым важным тот ход мысли, который позволяет мне признать, что я не могу, не впадая в противоречие, мыслить абсолютное как некий находящийся в центре наблюдательный пункт, откуда вселенную можно созерцать во всей ее целостности, вместо того чтобы познавать ее отдельными частями, как это делает каждый из нас. Дело в том, что я не могу представить себе существование подобной наблюдательной точки, в какой-то мере не помещая себя туда идеально» [2, с. 4].

Здесь философ схватывает самую суть проблематики человека и мира: именно антропоцентрическая культура Нового времени поместила человека в такой центр, сделав его «невключенным» наблюдателем, как бы зрителем происходящего вокруг него спектакля, в то время как он таковым не является, а мир – не спектакль. Средневековая культура таким центром мыслила Абсолют. В этом и состоит противоречивость ситуации, о которой писали и русский мыслитель П.А. Флоренский, и французский леворадикальный мыслитель и культурный деятель Г. Дебор («общество спектакля»), и канадский медиатеоретик М. Маклюэн. Новоевропейский человек смотрит на мир вполне отчужденно, отсюда и его безответственное поведение. Так, например, в страдания голодающих детей Африки европеец Нового времени не вовлечен: да, обычно их жалко, но как бы «со стороны», это не мешает наслаждаться собственным комфортным существованием: так «жалко» бывает своих оловянных солдатиков в игре, жалко абстрактно, а не конкретно, т.е. не жалко вовсе.

В «Опыте конкретной философии» Марсель еще раз подтверждает неразрывность и неслиянность я и тела, о которых писал в книге «Быть и иметь». Именно воплощенное бытие являет собой центральную точку философской рефлексии. Только в массовом сознании идея тела могла обратиться в модный в XX в. культ тела, понимаемый как «естественность» и вседозволенность всех его проявлений и отправлений и право на радикальные эксперименты с телом. Рискнем предположить, что корни марселевской феноменологии тела восходят к понятию воплощенного Бога, т.е. Христа, в котором Его две природы, божественная и человеческая, существуют нераздельно и неслиянно: Христос в полной мере Бог и в полной мере человек. Человек, согласно воззрениям Марселя, – также в полной мере его тело и в полной мере его я.

Тут видится марселевский опыт использования в философской рефлексии антиномичной патристической логики, кардинально отличной от логики формальной.

Размышляя о методологии философского анализа, Марсель утверждает, что экзистенция неопределима. При этом, чтобы сконструировать объект как вещь, надо отрицать экзистенцию, а субъект познания в этом случае может существовать только при условии несуществования: «В качестве познающего объекта я устанавливаю или делаю вид, что устанавливаю, дуализм между моим телом и мной, этот интервал, который только что казался невыносимым с точки зрения экзистенции, но сам субъект в данном случае конституируется путем отрицания экзистенции, существуя лишь при условии, что воспринимает себя несуществующим. Этот парадокс заложен в самом объекте, так как я действительно мыслю объект лишь в той мере, в какой я утверждаю, что я ничего для него не значу, что он не считается со мной. И только в этом состоит действительный, единственно возможный, но решительный ответ на раздражающий вопрос эмпирического идеализма: перестают ли вещи существовать с того момента, когда я перестаю их воспринимать? Истина заключается в том, что они являются вещами только при этом условии» [2, с. 17].

Чем больше элиминировать себя из мира и настаивать на его объективности, отсутствии связей с собой, тем скорее реальный мир превращается в иллюзорный спектакль, говорит Марсель. Бытие-в-мире – это причастность, участие, полная вовлеченность. Но человек причастен и к чистому бытию Бога. Философия оказывается рефлексией второй степени: «С одной стороны, благодаря данной мне в какой-то степени способности извне наблюдать мое тело (например, когда я смотрю на себя в зеркало в прямом и переносном смысле) я неизбежно испытываю искушение мысленно освободиться и как бы отречься от него – как можно было бы отречься от друга, от близких тебе людей... С другой стороны, моя рефлексия, направленная на это разъединение, раскрывает его ошибочный характер. Работа моей мысли вынуждает меня признать, что эта отъединенная сущность, это “я”, по отношению к которому тело есть как бы нечто случайное, не позволяет мыслить себя ни вне его, ни в связи с ним, ни как нечто идентичное тому, с чем я хочу его разъединить. ... Эта рефлексия второй степени, рефлексия, направ-

ленная на первоначальную рефлексию, и есть, на мой взгляд, сама философия в ее специфическом усилии восстановить конкретное по ту сторону разделяющих и вычлняющих определений абстрактной мысли. В этом смысле я полностью отдаю себе отчет том, что, несмотря на различия, которые я не думаю отрицать, я близко подхожу, может быть, не к самому гегельянству, но к некоторым теориям, которые его продолжают, несколько смягчая...» [2, с. 18–19]. Как мы видим, Марсель сам отмечает свою близость к философии Гегеля. Философия оказывается путем восхождения к бытию и одновременно формой бытия. Философствовать – значит бытийствовать. Здесь, при всей оригинальности, позиция Марселя, очевидно, перекликается не только с идеями Гегеля, но и с античными представлениями о тождестве бытия и мышления, однако Марсель к этим идеям приходит самостоятельными путями, никоим образом не пересказывая ни Гегеля, ни философов Античности.

Экзистенциальность – это причастность в той мере, в которой ее невозможно объективировать. Но у нас есть непреодолимая склонность объективировать эту причастность, превращая ее в отношение, и мешает этому сам акт свободы в разных формах, художественных и/или философских.

Бытие – не вещи, постоянно подчеркивает Марсель. Пока другой человек для меня *он*, он остается объектом, это тот, для которого я не существую. *Ты* – это тот, кто может ответить тем или иным образом, и не только словами. «Когда я определяю другого как *он*, я отношусь к нему как к отсутствующему; именно его отсутствие позволяет мне его объективировать и рассуждать по его поводу, воспринимая его как некую данную мне природу или сущность. Но существует присутствие, являющееся одним из видов отсутствия. Я могу вести себя в присутствии кого-либо, как если бы он отсутствовал...» [2, с. 27]. Чем больше я разобъективирую его, тем больше *он* становится для меня *ты*. Более того, и я становлюсь собой по мере разобъективирования другого человека. Это – идея диалогического характера личности, которую Марсель, как это видно, также обосновывает несколькими иными средствами, находясь, однако, в рамках известной традиции, которая восходит к Сократу, продолжается в философии Фейербаха и раннего Маркса, а позже – в теориях целого ряда зарубежных и отечественных ученых и философов.

Именно общий пережитый опыт превращает *его* в *ты*, а *нас* – в *мы*, формируя общность и открывая путь от диалектики к любви. «Познай самого себя», столь значимая для Сократа максима, оказывается, как полагает Марсель, не призывом к остановке развития и сосредоточении на себе самом, а живой связью с другими. Именно отсюда вырастает одна из главных категорий философии Марселя – интересубъективность. «Когда мы говорим о Боге, то совсем не о Нем мы говорим» [2, с. 30]. Бог – не некто, не объект, а *ты*, что предполагает включенность *я* – до *мы*, и тогда *я* обретаю себя. «Явись людям и себе тем, кто ты есть» – фраза, которая стала эпиграфом к пьесе Марселя «Человек праведный» – означает призыв к работе выявления своей сущности, к бытию, говоря языком христианства, к выявлению в себе образа Божьего, а не обладанию. Разумеется, это *мы* Марселя – не коллективизм, а уникальность каждого при единении в восхождении к трансцендентному. Его понятие интересубъективности вообще очень близко русскому философскому понятию соборности. А посему все томистские предикаты Бога – простой, неизменный и пр. – несостоятельны как попытки рационализации. Бытие – это тайна (таинство), но это не значит, что ее нельзя постичь и быть в ней, однако постигается она не рациональными способами, не алгоритмами, а выявлением смыслов.

Феноменологию обладания, замкнутости человека на себе самом (недиспонибельность, *indisponibilité*), как и выход к открытости и единству с другими (диспонибельность, *disponibilité*) Марсель описал в работе «Быть и иметь»². В «Опыте конкретной философии», отмечая это, он говорит, что следует прежде всего сосредоточиться на вопросе *принадлежности* как факте или действию [2, с. 31]. В контексте размышлений о личности, бытии, свободе, любви, верности и смерти философ продолжает анализировать категорию принадлежности. Принадлежность – это «участие-в» (*appartenance*).

² Диспонибельность (и ее противоположность – недиспонибельность) – важное понятие философии Марселя, которое не поддается краткому и однозначному переводу. Имеются в виду творческие резервы души, открытость другому, расположенность, доступность, готовность включиться, незанятость, свобода распоряжаться и др. Соответственно «недиспонибельность» – это закостенение, закрытость, сосредоточенность на себе самом, недоступность и т.д. См.: [2, с. 215–216].

Если вещь принадлежит Полю, значит, это его собственность, или, точнее, составляет часть того, чем Польша обладает. В этом плане принадлежность – это то, что может быть оспорено другими, а значит, это отношение между *я* и другими людьми. Таким образом, принадлежность заключает в себе двойственность: с одной стороны, это связь между объектом и той совокупностью вещей, частью которых он является, с другой – отношение между объектом и неким *кто*, который на него претендует. Если во втором указанном смысле определенное действие (при)надлежит выполнить мне, то понятно, что речь идет о вменении в обязанность, т.е. мы уже находимся вне зоны объективного, в которой, казалось, были замкнуты с самого начала.

Приложимы ли к личности, спрашивает Марсель, отношения, включенные в понятие принадлежности? Если да, то в каком смысле? В отношении слуги современный европеец не может сказать, что слуга принадлежит ему, хотя в эпоху рабства дело обстояло иначе. Однако в случае, когда человек объявляет другому: «Я принадлежу тебе», ситуация совершенно меняется. В своем принципе это – выражение не рабского принуждения, а полного и добровольно высказанного доверия в том, что ты не распорядишься моей свободой во зло, т.е. когда моя свобода парадоксальным образом реализует себя в твоей свободе. Тут важно, каков будет ответ. Этот дар можно принять как «ты теперь моя вещь» и, напротив, как «я принимаю тебя как участника в том творчестве, в том предприятии, которому себя посвятил» [2, с. 32–33]. Эти два типа отношений легко различить в рефлексии, но трудно различить в реальности, однако данное различие фундаментально: нуждаешься ли ты в моей свободе как свободе или желаешь, чтобы я отказался от свободы? Ведь «в той степени, в какой я позволяю обращаться с собой как с вещью, я сам делаю из себя вещь, и можно спросить поэтому, не предаю ли я тем самым себя сам» [2, с. 33].

Далее философ задается вопросом, можно ли относиться к самому себе как к объекту, принадлежащему субъекту, которым являюсь я сам. Сама идея принадлежности самому себе не замыкается в рамках отношений меня со мной, но, как показывает Марсель, выводит к трансцендентному. «Как редкий случай можно представить, что у анархиста в его наиболее чистом варианте – предположим, что такой существует, – высказывание “я принадлежу себе” может быть брошено как вызов в лицо сознанию, вы-

ступающему для него глашатаем ненавидимого им общества.... Теперь весь вопрос состоит в том, способно ли это чисто полемическое утверждение, имеющее форму вызова, эффективно направлять жизнь и поведение человека. Очевидно, что нет» [2, с. 35]. Всегда находится ценность, которая оказывается выше собственно моего каприза, причиной чего является мое поведение, так что идея всегда делать то, что нравится, даже при допущении изменений нравящегося во времени, оказывается своей противоположностью: я не принадлежу себе, а принадлежу идее справедливости, истины и пр.

В результате анализа, пишет Марсель, мы приходим к парадоксальному заключению: «на одной из границ диапазона значений выражения “я принадлежу себе” есть утверждение, разрушающее само себя, поскольку “я” здесь является отрицанием вообще любого мыслимого содержания. На другой границе этого диапазона такое утверждение также имеет тенденцию к самоуничтожению и превращается в формулу, противоположную по смыслу: я принадлежу такой-то ценности» [2, с. 36].

Расхожее понятие автономии и жестко, и двусмысленно. Есть основания предположить, что существует некое условие, которое только и делает возможным единство *я*, указывает философ, и это – онтологическое основание.

Открытость для другого – необходимое условие полнокровной жизни. Но «я не способен быть открытым для другого в той мере, в какой отношусь к моей жизни или к моему бытию как к имуществу, или собственности, доступной в какой-то степени исчислению и тем самым могущей быть растроченной, исчерпанной и даже расхищенной» [2, с. 44]. Представляется, что созвучие с мыслью Паскаля о том, что человек – не теорема и неподвластен научному исчислению, здесь очевидно. Если моя жизнь – такая собственность, неизбежна тревога, внутренняя инерция, стагнация, смерть при жизни и безнадежность, и нет более важной задачи, чем преодоление такой безнадежности.

Наша свобода – это мы сами, говорит Марсель. И только кажется, что ее от нас можно отделить, хотя эту ситуацию люди всегда объективизируют. И тогда кажется, что свобода – это внешняя сила, которая то к нам близка, то далека – но ведь это только видимость, такая «свобода» уже не будет *нашей* свободой. И парадокс заключается в следующем: «Я прежде всего принадлежу тому, что я имею. Однако вся

направленность духовной эволюции состоит в том, чтобы я осознал противоположную принадлежность: принадлежность тому, что я есть, то есть онтологическую принадлежность. Но я мог бы сказать: творческую принадлежность, причем оба этих выражения... имеют одно и то же значение. Второе выражение имеет лишь то преимущество, что оно развеивает ту атмосферу тяжести или внутренней скованности, которая, на первый взгляд, обременяет понятие принадлежности, рискуя пробудить представление о рабской зависимости. И чем больше над этим размышляют, тем сильнее убеждаются... в том, что переход от принуждения к свободе совершается внутри отношения принадлежности» [2, с. 78].

Далее Марсель отмечает общность анархизма и социализма – по видимости противостоящих позиций, а на самом деле, как полагает философ, взаимопроникающих друг в друга, как если бы лишенное полноты *я* создавало фальшивую социальность, превращенную в идола [2, с. 81].

Ответ на фразу «я принадлежу тебе» также важен и потому, что качество такой связи будет зависеть от того, скажут ли мне в ответ «я тоже тебе принадлежу» или нет. По аналогии Марсель приводит в пример свой опыт чтения слов Христа, в которых Он говорит о твоей вечной принадлежности Ему: пока Он для тебя – *он*, *некто*, до тех пор это будет казаться тиранической претензией на твою самость, но как только вместо *он* появляется *ты*, т.е. происходит встреча, понимается и принимается смысл сказанного. Это отношение уже схватывается не в плоскости «иметь», но на уровне «быть» [2, с. 81]. Размышление в очередной раз приводит к выводу о том, что для самоидентификации в качестве *я* необходимо онтологическое основание. Принадлежность самому себе – это обманчивая автаркия, при которой миражи выдаются за мою суверенность.

Личность возникает, противопоставляя себя безличному *некто* – *тап*, *он* [2, с. 88]. Оно анонимно, безответственно, зато претендует на статус абсолюта, будучи абсолюту противоположно, в формулах типа «всем известно, что...», «без сомнения...». Источник *он* неопределенный, это может быть ваша любимая газета или имеющее хождение в любой иной форме в каких-то кругах заблуждение, «прописная истина», автор которой неизвестен. *Он* не только вокруг меня, но и внутри меня, пронизывая мои мнения и верования, и в той мере, в какой я являюсь зеркалом моей

газеты, я являюсь частицей *оп* и его распространителем. Тут Марсель подчеркивает взаимопроницаемость массового и элитарного сознаний, ложность попытки противопоставления массового и элитарного вообще и отождествления индивида и личности как развитой и неразвитой формы человеческого, о чем далее он будет писать в своей книге. Философ утверждает, что чем более познается индивидуальное существо, тем ближе мы к постижению понятия бытия.

К теме обладания и принадлежности Марсель обращается как к критерию различения истинной и ложной веры, а вернее сказать, к различению веры и ее отсутствия. Нельзя иметь веру, утверждает он, распоряжаться верой как тем, чем обладаешь [2, с. 134], в ней можно только быть, свидетельствуя ее своей жизнью. Также и религиозная вера не может быть владением. В этом случае вера уничтожается, оказывается неверием. Религиозная вера определяется тем, смог ли я ответить на призыв, а место логических доказательств тут занимает свидетельство своей жизнью [2, с. 141]. И тут вопрос о доказательстве смыкается с вопросом о существовании: «Та реальность, которой я открываюсь, взывая к ней, никоим образом не может отождествляться с исследуемой мной объективной данностью, природу которой я должен определить рационально. Я сказал бы даже, что эта реальность дает мне меня самого в той мере, в какой я отдаю себя ей. Я становлюсь по-настоящему субъектом посредством акта, направляющего меня к ней. “Стать субъектом”, – говорю я. Смертельная иллюзия распространенной формы идеализма заключается в том, что субъект рассматривается как факт или отправной пункт, а не как цель и победа» [2, с. 142].

Далее, рассуждая о спорах между христианскими конфессиями, Марсель указывает на радикальное утверждение каждой из церквей, которое никогда не сможет привести к их согласию: утверждение о том, что церковь только определенной конфессии или деноминации, например, католическая, обладает всей полнотой истины, а иные христианские церкви – лишь частицей истины (не говоря уж об объявлении

иных христианских церквей еретическими). Истиной как вещью невозможно владеть или обладать как набором рецептов и формул, говорит философ, истина не принадлежит отдельной конфессии, не является ее имуществом. Дело в том, кто наиболее эффективно свидетельствует об истине. Вопрос о правоте одной конфессии и неправоте других неверно поставлен. Истинным экуменизмом было бы признание правоты и других христианских церквей, их даров и святости. Объединение конфессий – тайна, а не проблема, и возможно по благодати, что, впрочем, не означает оправдания бездействия: сотрудничество церквей во имя мира и справедливости пролагает пути к их единству.

Анализируя философию К. Ясперса, Марсель неоднократно приходит к выводу, сделанному им ранее на другом материале: философия ведет нас к самим себе, вот почему проблема самоидентификации личности решается посредством онтологии.

Таким образом, в философии Г. Марселя категория принадлежности может означать и обладание, недиспонибельность, и бытие, если это открытость, экзистенция, диспонибельность. И здесь рассмотренные вопросы трансформируются в проблематику личности, которая заслуживает отдельного анализа и для которой категории принадлежности, обладания и бытия оказываются лишь подступами к осмыслению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доброхотов А.Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М.: Изд-во Мос. ун-та, 1986.
2. Марсель Г. Опыт конкретной философии. М.: Республика, 2004.

REFERENCES

1. Dobrokhotoy, A.L., 1986. Kategoriya bytiya v klassicheskoi zapadnoi filosofii [The category of being in classical Western European philosophy]. Moskva: Izd-vo Mos. un-ta. (in Russ.)
2. Marcel, G., 2004. Opyt konkretnoi filosofii [An outline of a concrete philosophy]. Moskva: Respublika. (in Russ.)